

Здравствуй, уважаемый читатель.

Вот – очередной номер «Глагола» и непроходящие сомнения: всё ли удалось сказать, что требуют время и душа? Этот номер особенен тем, что несколько материалов посвящены 45-летию присвоения Мегиону статуса города. Для северных городов – это возраст. Однако, Мегиону, как существующему населённому пункту гораздо и гораздо больше...

Но почему именно Мегион так важен лично для меня? Вот уже больше тридцати лет я живу именно в Мегионе, и сформировавшееся в первые годы жизни здесь ощущение, что даже небольшой городок может вести за собой, быть первым, ещё не растратилось. И верится до сих пор, что «Мегион – город первых».

Этот лозунг выстроен и выстрадан геологами-первопроходцами и безусловно поддержан

выдающимися деятелями культуры и просто замечательными людьми.

И потому так много материалов о Мегионе и мегионцах было и будет в «Глаголе», хотя география авторов публикаций в принципе не имеет границ. Главное, чтобы они были близки духу газеты или вызвали конструктивный диспут.

Наше непредсказуемое северное лето нынче уже радуется в полную мощь, и потому хочется всем пожелать плодотворного отдыха и исполнения задуманного.

А выход следующего полноценного номера «Глагола» запланирован на октябрь. Однако, в августе будет сюрприз. Надеюсь, он будет неожиданным-приятным.

Татьяна Юргенсон

В рамках XXII Международной экологической акции «Спасти и сохранить» в Сургутском государственном университете прошёл научно-методический семинар «Ботанические коллекции Югры», посвященный Дню эколога. Организатором этого весьма интересного события стали сотрудники кафедры экологии и биофизики, которую возглавляет кандидат биологических наук, доцент Елена Александровна Шорникова.

Природа и мы

День эколога по университетски

СЕМИНАР

Как сообщалось в информационном письме-приглашении участникам семинара, основными задачами организаторы этой встречи считают: обсуждение текущего состояния и перспектив развития региональных коллекций живых растений и грибов, гербариев, этно- и палеоботанических коллекций, биотехнологических лабораторий, ботанических баз данных, а также сохранения фиторазнообразия природных экосистем и консолидацию усилий биологов и эколо-

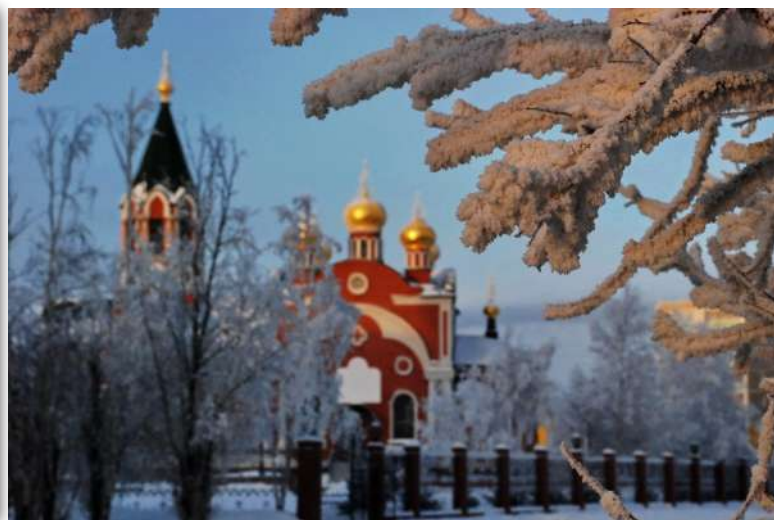
гов, растениеводов и любителей природы, музейных и педагогических работников, культурологов и ландшафтных дизайнеров в сохранении биоразнообразия региона и развитии прикладной ботаники. Темы очень ёмкие, поэтому и участниками семинара стали люди совершенно из разных сфер деятельности – от учёных-биологов и экологов до писателей.

Модератором разговора стал доцент кафедры экологии и биофизики СурГУ, кандидат биологических наук Глеб Михайлович Кукуричкин.

(Окончание на стр. 48)

45-летию города Мегиона

СОДЕРЖАНИЕ

45-летию города Мегиона
Виктор Козлов
У колыбели
Мегион-града
Стр. 6

45-летию города Мегиона
Валерий Сергейчик
Немного воспоминаний о НГДУ «Мегион-нефть» Стр. 16

К 80-летию Победы
Олег Яненагорский
Женская доля и подлёдный лов Стр. 18

Маленькая проза
Владимир Волковец
Человек из 90-х. Воробей. Стр. 19

ПРОЗА
Сергей Козлов
Невозвращенка
Стр. 20

К 80-летию Победы
Галина Хорос
Из Древа нашего рода
Стр. 24

ПОЭЗИЯ
Сергей Ильиных
Ни юлить,
ни лукавить не буду...
Стр. 26

Тихие шаги истории
Людмила Ковалёва
Абрам Яковлевич Кушников (1860-1923) Стр. 28

Крупным планом
Людмила Бокова
На службе у Королевы, или Когда цветёт ландыш Стр. 34

45-летию города Мегиона
Дмитрий Шлябин
Вырасти свой сад!
Стр. 40

ПОЭЗИЯ
Галина Хорос
Здесь добрее
тишина...
Стр. 45

Из музейной сокровищницы
Расима Ибраева
История одного кынта Стр. 52

ПРОЗА
Елена Архипова
Давидкины рассказы Стр. 55

Взгляд профессионала
Сергей Сметанин
О дыме отчизны – земном и небесном
Стр. 81

Духовными дорогами
Азат Зубайдуллин
Путешествие сквозь время и пространство
Стр. 57

ПРОЗА
Александр Матаев
Вежливые люди. Ладушки.
Стр. 85

ПОЭЗИЯ
Тадевос Тоноян
Что примет начало от нас...
Стр. 68

Туристские истории
Эльвира Ганеева
Гималайский дневник
Стр. 87

Крупным планом
Валерий Михайловский
Я говорю...
Стр. 72

ФОТОРАЗВОРОТ «45-летию города Мегиона»
Эльвира Ганеева Стр. 2-3
Из частных архивов Стр. 98-99

Национальная ценность
Ольга Рыжикова
Культура слова – общая забота Стр. 78

45-летию города Мегиона

Виктор Николаевич Козлов
(1937 – 2017)

Его называли мегионским летописцем и мегионским корифеем. Его книги о коллегам – первопроходцам Среднего Приобья и жителях г. Мегиона навсегда запечатлели удивительные судьбы, как известных в этом городе людей, так и простых работяг. И этот номер, посвящённый 45-летию присвоения Мегиону статуса города «Глаголь» просто не смог обойтись без его работы...

У колыбели Мегион-града

*Человек должен утверждать себя в жизни,
исполняя свой общественный
и патриотический долг перед отечеством.*

Н. М. Карамзин

* * *

– Здесь аврал в любое время суток:
то пожар, то баржа с кирпичом.
А в столовой вечно кроме супа
да тушёнки — очередь ещё...
То мороз, то грязи по колено....
Нет жилья, житья — от комаров...
Пусть другие топают на смену:
Я– наелся, во! Бывай здоров!
– Говоришь ты складно, словно пишешь,
так, что против нечего сказать.
Только разве ты уже не слышишь?
И не видишь? Так открой глаза:
Над тайгой гудит тревожный ветер,
Дыбит волны штормовой Оби.
Города рождаются, как дети, —
от любви!...
Для одних они потом — морока...
Их бросают, словно малышей!
Город наш, болезненный до срока,
заревел в пелёнках чертежей.
Мы его уходим и угоим.
Не по дням потом, а по часам
будет он вздыматься над тайгой
и по-детски улыбаться нам!
Уезжай! «до дома и до хаты»!
Уезжай!
Но сердце защежит!
Места не найдёшь себе тогда ты
и – вернёшься...
– О!...да ты – «пиит»...

И хотя это стихотворение я написал в 1965 году, в канун восстановления Сургуту статуса города, оно, мне кажется, ассоциируется с внутренним диалогом многих северян той поры, особенно, если северянин – городской голова!¹

По этой причине я и предпослал это стихотворение рассказу о Юрии Семёновиче Ярошенко, который стоял у колыбели Мегион-города, когда тот был «в пелёнках чертежей», на чью долю выпали все «родительские заботы»: радости и ночные бдения, и переживания за хворого, и неподдельное счастье при весёлых гулях и первом зубке «младенца»...

I. А МОИ ТИ КУРЯНЕ СВЕДОМИ КЪМЕТИ

Жизнь Юрия Семёновича Ярошенко условно можно разделить на две части: домегионскую и мегионскую. Мегионская половина распадается, в свою очередь, на три составляющие: производственную, общественную и теперешнюю — пенсионерскую.

А осознавалась жизнь в соловьином сердце России. В Курске...

Предки Юрия Семёновича по отцу – украинцы, выходцы из Сумской области (село Угрюеды). Отец его Семён Никитич Ярошенко в тридцатых годах приехал в Курск и женился на Евгении Архиповне Корневой, коренной курянке. Молодожёны вскоре попытались счастья в Казахстане, где 5 сентября 1936 года и родился Юрий. Однако казахстанская жизнь не пришлась им по душе,

¹ Козлов В. Н. Первопроходцы. Очерки истории разведочных работ на нефть и газ в Нижневартовском районе в лицах. Книга вторая, — Екатеринбург. Банк культурной информации, 2005 г. — 228 с. ISBN 5-7851-0546-2

они вернулись с годовалым сыном в Курск и поселились у родителей матери.

Дед Архип работал машинистом паровоза, относился, как принято говорить, к рабочей аристократии. Его профессия в те времена была весьма престижной. Да и заработки были приличные: на них-то и построил дед собственный двухэтажный домик на улице Пионерской.

Курск и поныне, в сравнении с другими областными центрами, не очень раздался, а в довоенные времена шутливо назывался курянами «две горы, две тюрьмы, посередке баня!».

Улица Пионерская пролегла недалеко от этих достопримечательностей: по длинному косогору вниз к пойме Сейма, причем правая её сторона была ровной, левая – покатою. По этой причине сегодня справа интенсивно идёт современная застройка, а левую сторону улицы, боясь оползней, не трогают – сохранился частный сектор, в том числе и дедовский дом, и сады целы, а в них знаменитые курские соловушки!

Мать Юрия Семёновича Евгения Архиповна большой любительницей цветов была, разводила их и в жилье, и вокруг дома, и по межам... Земли тогда было много: и под сады, и под огороды, и под цветы, подо всё хватало. В саду не менее курского соловья знаменитая антоновка... Грушовка, анисы, китайка, ранеты всякие – с де-

сяток сортов выращивались! А тут ещё и вишня со сливой, крыжовник с малиной... Ухода всё требовало, зато и урожаем радовало: нюх и глаз, язык и желудок тешило, в тяжкие годы от голодухи спасало.

Дом дедовский на Пионерской удачно стоял: две остановки и баня городская, шутейная примета курская! Парься, купайся! Мозоли распаривай, грязь-худобу смывай! В том же районе базар пчелиный ульем погудывал. До Красной площади тоже рукой подать.

Да! Есть в Курске и своя Красная площадь. Ведь Курск – древний город, с традициями, известен он с 1032 года как крепость Киевской Руси (967 годков ныне ему!). К Красной площади городской сад примыкает, в торце сада древний монастырь, в нём ныне Курский художественно-исторический музей с интереснейшими экспозициями и богатейшими фондами.

Как раз по Пионерской сохранился дом одного из первых курских воевод – «палаты каменные». В районе Бернышева церковь Троицкая стояла. Внизу речка Тускарь протекала. В ней совершались первые купания: мальчишки открывали летний сезон! Мелкой была речушка уже в детские годы Юрия Семёновича, а сейчас, как в Мегione Бердаковка (Сайма), и совсем исчезает. По легенде же, в давние времена была Тускарь многоводной рекой, заходили в неё большие ладьи княжеские и иноземных купцов из Сейма...

Не зря Курск был основан крепостью! Во времена ожесточенной Курской битвы жарким летом 43-го года стонала древняя земля под тяжестью бронированных чудищ, от разрыва бомб, фугасов, снарядов, задыхалась от смрадной копоты горящей человеческой плоти и плавящегося металла. Курск, как известно, в оккупации был около двух лет и несколько раз переходил из рук в руки.

Юрию Семёновичу особо запомнились два эпизода военной поры.

Брат матери был военным, старшим офицером или, как тогда говорили, командиром. Он служил в районе Бреста и погиб в первых же боях. В Курске осталось много его вещей, погоны, портупея, командирская фуражка и ещё кое-что из обмундирования. Мать Юрия вместе с двумя сёстрами собрали все его вещи в узел и спрятали их в грубку (так на белорусский манер звалась русская печь). Тут, как назло, немцы с повальным обыском: был убит какой-то чин, и они искали подпольщиков или партизан.

А в поленнице во дворе дрова аккуратно пилёные, ровно, по-мужски наколотые, вот и могли подумать, что в доме – мужчина, и будут искать! Мать и тётки забили грубку всякой шелухой, и когда нагрянули немцы, сильно перетрухали. К счастью, всё обошлось этим испугом.

Улица Пионерская тогда не имела твёрдого покрытия, весенние воды и летние ливни промывали посреди её проезжей части настоящие каньоны. Да и снегом заметало её порядочно. На Пионерской застревали даже танки!

Голодно было в войну, как и всем: тётки с матерью по деревням обменивали вещи на продукты. Да и сад с огородом спасали от голода.

Любил Юрий в детстве певчих птиц: и занятие, и забава, и наслаждение! Чижей, щеглов – полон дом. В больших и маленьких, в покупных и самодельных клетках. На птичий рынок ходил и так обменивался. Канареек не держал – аристократки! И ухода повышенного требуют, и к корму привередливы. Постарше когда стал, пробовал и канареек держать – знает, общался с ними.

А по весне, на Благовещение, пацаны, соревнуясь в широте души, выпускали своих певцов на волю... Сколько про это стихов написано, песнопений, а всё же самому испытать бы... Высокие, возвышенные чувства переполняли мальчишеские сердца в этот благословенный день! Боже, как не хватает подобных чувств детям сегодня!

Пробовал он и кроликов разводить. Дело оказалось не только хлопотным, но и скучным. И решил он однажды и кроликов выпустить на волю... Те с удовольствием разбежались и начали так интенсивно «пропалывать» огороды, что соседи не на шутку рассердились и пообещали прибить прожорливых «помощников». Пришлось Юре мобилизовать всех друзей и устраивать облаву на ушастых «партизанов» и водворять их за решётку в клетку.

И ещё было у Юры увлечение: голуби... Держали они их с соседом-напарником.

Ни с чем не сравнить это занятие – гонять в хорошую погоду «по крышам голубей»! Задрав голову, наблюдать их полёт, поощряя разбойничьим посвистом. Отлавливать мотиком (приспособление такое: шест с петлёй из жилки или конского волоса на конце) потерявшего голову от любви чужака...

Занятие, не ободряемое, впрочем, взрослыми и теми же соседями: когда «гоняешь по кры-

шам», кровельное железо мнётся, краска лупится, шелушится. Хотя и среди них попадаются заядлые любители голубей – дома через три от Юриногo древний бородатый дед держал рубленную из брёвен голубятню с обширной вольтерой и породистыми птицами.

Все эти занятия и увлечения мирно уживались с работой по хозяйству и учёбой в школе.

В школе Юрий любил литературу, особенно поэзию, много читал. Знал наизусть из Пушкина, Фета, Есенина. Стихи западали в душу, запоминались как бы сами собой. Любил историю... К слову, легко запоминал нужные сведения и по другим предметам, память была отличная! И при всем при том, как ни странно, писал... с ошибками (мать даже как-то репетитора нанимала). Из учителей, кроме литераторши Марии Ивановны, запомнилась своей обаятельностью и интеллигентностью преподаватель немецкого языка.

В школу ходили с холщовыми, брезентовыми сумками, завтрак брали с собой. О еде мечтали постоянно: такая пора была. Зато летом царствовали.

На автострате Москва-Харьков через Сейм был мост, взорванный во время войны. Чуть пониже этого моста и купались. Солянка – называлось это место. К нему выходили огороды с картошкой, помидорами, огурцами. Вот на них без зазрения совести пацанва и отъедалась. Неподалеку обосновался рыбак, был этот человек как бы не от мира сего. Ребята ему хлеба приносили, он – ушей, рыбкой отдаривался. Так и соседствовали лето.

В классе девятом съездил Юрий к отцовским родителям в Угрюеды и славно провёл там времечко: сено заготавливал, за скотиной ходил, дружную деревенскую работу с удовольствием справлял. Родни по отцовской линии в Угрюедах много было, на сенокосе дружно работали. Народ в родне трудолюбивый, весёлый, до рюмки не падкий, а потому и здоровый. Любо-дорого было на них смотреть, что в работе, что за столом!

После школы – в Харьков, поступил в Харьковский автодорожный институт. Было это в 56-м году. Институт ХАДИ славился своими традициями, высоким уровнем подготовки специалистов и спортивными достижениями. Занимался спортом и Юрий – борьбой (отличный, надо сказать, вид спорта – бойцовские качества в человеке развивает). И общественная работа не прошла мимо, был комсоргом.

Окончил Юрий Семенович ХАДИ в 1961 году и получил направление в родной город Курск мастером в Курское ДСУ (дорожно-строительное управление). Причина была уважительная: в Курске ждала его семья, жена и сын!

Женился он рано, почти сразу же после окончания школы. Со своей будущей женой Галиной Даниловной Филипповой познакомился в школе на одном из вечеров. Обучение тогда было раздельное, и в моде было дружить школами, классами одноимёнными и приглашать на свои вечера; популярны были и культпоходы в кино, филармонию, в драмтеатр. Но этим дело не ограничивалось: ходили часто вдвоём.

От Харькова до Курска 220 км, за пять лет учебы – а ездил Ярошенко домой при любой возможности! – досконально изучил этот маршрут. В студентах стал он отцом, в 1958 году родился первый сын, Игорь Юрьевич.

Энергично принялся за работу молодой специалист. Работа интересная, новые места, новые люди. Но трудно приходилось: техники не хватало, квалифицированных работников. Головной болью был асфальт, дело доходило до того, что прямо в грунтовой яме мешали разогретый битум с инертным материалом.

И вот за производственную хватку и сметливость Ярошенко повысили – назначили директором асфальтобетонного завода. Натерпелся он на этой должности горя... Ещё бы! И технология, и оборудование наипримитивнейшие! Когда начальником ПТО управления предложили, с радостью ушёл и работал спокойно до тех пор, пока не пригласили в Ульяновск на престижную должность – начальником дирекции строительства дорог, т.е. областным заказчиком. В Ульяновск переезжали уже вчетвером: в 62-м году родился второй сын – Олег.

Здесь он проработал около пяти лет: после дирекции замом областного управления, затем начальником ДСУ-1. Строили автодороги и на Куйбышев, и на Боруш, и в Чувашию... Громадный мост через Суру – метров пятьсот, сама река и не так широка, но пойма... К 100-летию Ленина подъезды к Ульяновску благоустраивали. Тогда ведь каждая республика вносила свой вклад в благоустройство Ульяновска – перещеголять друг друга старались! Красиво делали, со своей национальной символикой. Ну и работники ДСУ-1 старались не ударить в грязь лицом.

Стабильное было время. И у Юрия Семёновича жизнь пошла своим чередом: красивый город, хорошая квартира, любимая семья, престижная работа...

...Перспектива вообще...

А душа всё равно не спокойна...

Засвербит иногда – оттого и грущу, и сержусь; будто слышу команду призывно: «По ко-о-ням!...» –

ногу в стремя занёс,

а в седло

не сажусь...

И однажды решился: не отпускали, уговаривали, предлагали – бесполезно. Он был уже на сибирском коньке – «в седле», опытным воином – покорителем бездорожья. «А мои ти куряне сведоми къмети...».

II. ПО МЕГИОНСКИМ ГРИВАМ И БОЛОТАМ

Весной 1972 года в молодом мегионском стройуправлении СУ-920 сложилась неблагоприятная обстановка: по разным причинам ушли начальник и главный инженер. Было полное безвластие. И тут, как нельзя кстати, явился к управляющему трестом «Тюменьдорстрой» Юрию Владимировичу Юшкову с направлением Главка Миндорстроя Юрий Семёнович Ярошенко... 24 апреля он был назначен начальником СУ-920, а на следующий день с начальником отдела кадров был уже в Нижневартовске. Как было принято, зашёл в горком КПСС, представился первому секретарю – тогда им был Бахиров («Уважаемый мной человек! – говорит Ю. С., – труженик. Болел за людей и за дело. Замечательный, будем говорить, человек. С моей точки зрения»). После горкомовского благословения к себе – в посёлок СУ-920, в вагон-городок, в вагон-посад... Да и Мегион-то тогда одно-двухэтажный, сплошь деревянный, ни одной благоустроенной улицы. Грязища весенняя: без вездехода не проехать, без болотников не пройти...

Конторка располагалась в помещении, похожем на землянку: пара комнатушек. Производственных помещений тоже не было. Жилья – в вагончиках – и того не хватало. Зарботки не ахти какие... Да и соседи, то же УБР, не лучше жили. Разве что МНРЭ, Мегионская экспедиция как старожил, покапитальнее обустроилась.

Проблем, как в рукопашном бою, только успевай поворачиваться: где отбей, а где и пригнись,

пропусти удар – на то ты и «сведомий кѣмьть»! И вертелся, и крутился, и пригибался Юрий Семёнович. «Не один! Не один, — подчёркивал Юрий Семёнович, — с коллективом!».

Первое его деяние с коллективом, конечно, который он возглавил сходу, без приглядки, заключалось в том, что соединили они, наконец, Мегион с Нижневартовском: сдали в эксплуатацию недостающие пять верст.

Прежде как было? Из Нижневартовска, например, доезжали люди до Чёртового моста, а там их должен был встречать катер или машина...

Соединить-то соединили, но если быть точным, соединили с Нижневартовском не Мегион, а Мегионское месторождение! А до Мегиона от бетонки ещё километр хлябей. Как, впрочем, и до самих дорожных строителей. Но что прикажете делать: проект есть проект! Бетонные плиты в то время учитывались поштучно и отпускались под план. Поэтому приходилось обходиться, как в старину, лежнёвками... Но – проявили смекалку и изыскиали плиты до своей промбазы, от свёртка до конторы то есть. Уложили плиты на брёвна, подсыпали песочком – до сих пор дорогой пользуются!

Следующий шаг – это уже в 73-м году – дорога на Аганское месторождение – около десяти километров. А сверх плана – соединили таки Мегион с бетонной дорогой. Улицы Мегиона тонули в фекалиях. Первую мегионскую улицу благоустроили дорожники из СУ-920 в 73-м году. И тоже бесплатно, в порядке шефской помощи посёлку за счёт внутренних резервов. И это был первый вклад коллектива управления в благоустройство и развитие Мегиона. Впервые мегионские женщины могли снять болотники и надеть туфельки.

С ностальгической грустью вспоминает Юрий Семёнович первые мегионские годы. «Я вот всё про коллектив... В коллективе люди – сильнее, чем те же люди, но – поодиночке. Случайно коллектив образуется редко, его надо создавать. Это аксиома. Но ведь и люди тогда были другие! Увлечённые, жизнерадостные! Удивительные люди... По крайней мере, у нас, будем говорить, это было время расцвета художественной самодетельности. Клуба у нас не было, так они «оккупировали» настоящий сарай, возле пилорамы стоял, и в нём репетировали. И молодёжь, и люди в возрасте – пели, плясали, скетчи, ин-термедии разыгрывали. Я сам не участвовал, но

ходил на концерты регулярно. И ведь никто не заставлял, не организовывал, просто видать, у людей душа пела и плясала, а избыток душевной энергии наружу выплёскивался... Вот говорят, пили тогда много... Да ничего подобного! И ветеранов чттили, особенно Великой Отечественной войны: на праздники банкеты им устраивали, потом по домам развозили, они бывали довольны. Может, конечно, ещё и потому, что у многих настрой такой был: отработать три года и уехать. Заработать на машину, на кооперативную квартиру, на мебель, на дачу... Жили, к примеру, на зарплату жены, а мужнину откладывали на сберкнижку. Да что говорить, я сам на три года ехал, а застрял, как и многие, на всю жизнь...».

Когда Юрий Семенович возглавил СУ-920, в посёлке был один брусчатый дом. Второй строился. А через полтора года проблема жилья в СУ-920 была решена! И это при том, что производственный план из квартала в квартал, из года в год перевыполнялся. Тогда же построили нынешнюю контору, единственную приличную по тем временам контору в Мегионе с актовым залом. И занялись соцкультбытом: столовая, детский сад, спорткомплекс, магазин, теплицы... Часть объектов строилась, готовилась к сдаче. А вот со спорткомплексом было сложнее. Юрий Семёнович полагал, что если строить, то строить по высшему разряду: с плавательным бассейном. С его подачи председатель поссовета собрал всех мегионских руководителей и предложил строить комплекс сообща, на долевом участии. Один отказался: «Денег нету». Другой: «А где строить? Генплана нету. А без генплана – нельзя...». Третий вообще отмалчивается... Короче, не поддерживали Юрия Семёновича мегионские «бугры»! Осерчал он не на шутку и предупредил их: «Хорошо, одни построим. Но лично вас всех – никого не будем пускать в спорткомплекс!».

Сколько радости было, когда открыли детский сад – лучший в Мегионе! В настоящий праздник вылилось открытие садика. Столовую сдали – прекрасную столовую с зеркальными потолками, с банкетным залом. Получше ресторана «Мегион», считали все.

Но настоящей сенсацией стало открытие спорткомплекса с плавательным бассейном – первого сооружения подобного рода в Среднем Приобье. (Нечто подобное в то время было только в Советском.) Спорткомплекс с плавательным бассейном появился в Нижневартовске только

через пятнадцать лет, а в Мегионе – через двадцать пять лет после построенного Юрием Семёновичем со своим коллективом. (Я точно знаю, что к ним приезжают заниматься вартовчане до сих пор!)

Помимо собственного жилья и соцкультбыта, построили контору и РММ для 311-й автобазы, которая обслуживала СУ-920, здание поселковой администрации, благоустроили ещё одну улицу, в порядке шефской помощи ремонтировали школы, больницы, детсады, сено заготавливали...

Начали строительство жилья для своих работников в самом Мегионе: поссовет поощрял это, так как получал свои 10 % для госбюджетников, Первую пятиэтажку в Мегионе построил СУ-920! Возвели они её года за полтора. (Для справки: вторую пятиэтажку для геологов СУ-12 стоило в три раза дольше!) И ведь всё на добровольных началах, в план Юрию Семёновичу эти объекты никто не включал, никто, кроме совети и гражданского долга, с него не спрашивал за них. Несомненно, что пружиной, заводившей коллектив, был Юрий Семёнович.

«Работалось мне легко! – говорит он сейчас, вспоминая те времена. – Почему? Да потому, что у нас подобрался дружный, сплочённый, профессиональный коллектив, у меня работали первоклассные бульдозеристы, экскаваторщики, грейдеристы, крановщики... В автобазе – классные водители; в РММ – механики, слесари, мотористы. Люди опытные, обученные, по прежней работе на севере или на Большой земле, знающие, что делать и как. Мастера, прорабы – то же самое, некоторые из них на большой земле работали даже первыми руководителями, им не приходилось долго объяснять и показывать: схватывали на лету. У ворот СУ-920 всегда стояли желающие устроиться на работу. Но для этого нужны были солидные рекомендации.

Почему люди стремились к нам? А вот почему. Пилорама у нас работала круглосуточно: лес заготавливали по трассам, везли на базу и пилили. И постоянно работали строительные бригады: строили жильё впрок, улучшали условия. Наш комитет профсоюза стал выделять мне огромное количество квартир для ведущих специалистов – как энтузиасту жилищного строительства. И у меня в кармане уже с 74-го года всегда были ключи от трёх-четырёх квартир... В строительном деле есть профессии, которыми по-на-

стоящему могут владеть только талантливые люди. Мы привыкли считать, что таланты – это артисты, музыканты, поэты... А вот взять автогрейдериста – ведь он, как визажист, делает лицо дороги, так отгрейдерует – будешь ехать на машине, и вода в стакане не шелохнётся! Был у нас такой – Соколов, я так авторучкой не владел, как он автогрейдером! Артист! Вреднющий, правда, парень, что звезда эстрады иная. Работал он на новеньком бульдозере фирмы Катерпиллер, а нужно было, пока не найдём нового специалиста на автогрейдере поработать. Прошу Соколова – не соглашается! Потом условие ставит: «Месяца два посижу на автогрейдере, но чтобы Катерпиллер в это время никому!». Согласился, хоть и Катерпиллер позарез был нужен: из двух зол приходилось выбирать меньшее. С крановщиком бывало туго... экскаваторами плиты клали! Что делать: у людей свои бывали проблемы, из-за которых приходилось им увольняться. Но возможность получить жильё и место в детсадике сразу, позаниматься в спорткомплексе плюс приличная зарплата, всё это привлекало к нам классных специалистов.

Только странную заметил тенденцию – это я в отношении художественной самодеятельности, – поясняет Юрий Семенович. – Чем больше для её развития создавалось условий: актовый зал, инструменты, костюмы, тем заметнее она шла на убыль, хирела, а сейчас и вообще преставилась. Видимо, времена менялись, психология людей...».

Впрочем, до этого ещё было далеко.

Как в своё время в Курске асфальтобетонный завод, так и в Мегионе дорога на Покачаёвское месторождение запомнилась Юрию Семеновичу, особенно участок дороги в районе Аганской горы.

«За всю свою жизнь не встречал участка такой трудности! – чертыхался Юрий Семёнович. – выемка грунта – 9-10 м. Но не в этом дело: через три метра пошли напорные плывуны. Гора, а в ней хляби! Напорные плывуны – это же страх божий! Экскаваторы на лежнёвке загоню – ни одна машина подъехать не может. Представляете, какое настроение у экскаваторщиков, у водителей? Весь арсенал российского мата был использован! Я уж другой раз к ним и не подъезжал, издали посмотрю, как дела, и дальше. Плиты стали класть, они тонут – потом их выковыриваешь с грехом пополам. А тут ещё с песком проблема:

рядом шаром покати, ничего нету! Пришлось выходить на Покачи. Гидронамывом добывали, по зимнику выводили. Убытки страшные. С чего мы меценатами-то были? С прибыли. По смете песок нам заложен с далёкого карьера, а мы изыскивали его у себя под боком... Здесь всё наоборот: за 50 км возили.

Но всё же одолели Аганскую гору и дорогу на Покачи сдали вовремя. Какие на Покачах места были до прихода нефтяников! Помню с женой в субботу утром приехали... Бабье лето. Комаров и мошки нету. Тепло. Солнечно. Я не люблю ягоды собирать, но такая брусника – не устоишь. И самая настоящая жадность обурекает. Уже спина не гнётся, ноги затекли, дай, думаю, закурю... Лёг на мох, вытянулся – благодать! Затянулся разок, другой, глядь, руки уж сами бруснику хватают, хватают... Разве не жадность? Переночевали, а в воскресенье снова за бруснику. Двенадцать ведер брусники увезли, на два года хватило!».

...При сдаче «знаков» по английскому, мне досталась в одном из номеров журнала «Ойл энд Гэз» статья директора по кадрам крупной нефтяной компании. В ней, в частности, говорилось, что специалисты раз в два года должны проходить переподготовку с отрывом от производства и что на одной должности должны задерживаться не более пяти лет (или менять через пять лет профиль работы, или расти – это имелось в виду). Справедливость этого утверждения я испытал сам. Анализируя трудовую биографию Юрия Семёновича, можно заметить, что 5-6 летняя цикличность работы в одной должности свойственная и ему: в Курске – 6 лет, в Ульяновске – 5 лет... В 1978 году заканчивается шестой год работы Юрия Семёновича в должности начальника СУ-920, и случилось то, что должно было случиться: он сменил место работы, перевели его в трест «Нижевартовскдорстрой» заместителем управляющего (он отпочковался от Тюменьдорстроя). Но чисто управленческая, кабинетная работа была не в стиле Юрия Семёновича, и начались варианты приложения его кипучей энергии («У каждого к своему делу душа лежит!» – выразился он по этому поводу).

Вот как вспоминает этот переломный период в своей биографии Юрий Семёнович: «Сосновских, бывший секретарь горкома по промышленности, ушёл в замы к Вязовцеву, генеральному директору «Нижевартовскнефтегаза». Вот и стал он меня сманивать в нефтяную промышленность,

задом в НГДУ. А с Сосновским мы были знакомы накоротке в бытность его в горкоме: они гостей своих всегда к нам в бассейн привозили. А чем ещё тогда было похвастать? Рыбалкой да выпивкой на лоне природы. А тут – спорткомплекс с бассейном! Поиграют гости в футбол в зале, в волейбол мяч покидают и – в бассейн...

У иностранцев первый вопрос: где спортом позаниматься? Потом в банкетный зал... В ночь-полночь поднимали. Я отказывался: вот вам ключ, гостюйте без меня! В общем, Сосновских знал меня с деловой стороны, и будем говорить, с неформальной, и стал действительно звать в свою службу. А мой управляющий Ильясов отговаривает: «Что ты! Тебя у нас все знают, уважают... И в Главке, и в министерстве. Почётный человек: молодой да ранний!». Но не удержал, бесполезно!

С НГДУ не получилось, уехал на Крайний Север в Тазовское, обустривать Русское месторождение. Ажиотаж в то время был вокруг Русского большой. Были мы там вместе с Палием, нынешним руководителем «Нижевартовскнефтегаза», он – главным инженером НГДУ «Заполярнефть», я – начальником строительного управления, в одном вагончике с ним жили. Он был заказчиком. Мне радужную картину рисовали: будет на Русском целый город, и строительство станет головной организацией и т.п. Месторождение предполагалось эксплуатировать по новой для Сибири технологии – методом подземного горения. Для закачки воздуха в пласт необходимо было построить компрессорные станции. Одну из них – громаднейшую установку! – строили мы. В тяжелейших климатических условиях: морозы такие, что металл требовался специальный, хладостойкий, пурга... К сожалению, начатые темпы освоения Русского не получили развития, и я весной 80-го вернулся в Мегион, в трест «Мегионнефтьстрой» заместителем Андросова...».

III. НА СОВЕТСКОЙ РАБОТЕ, ИЛИ «МЕГИОНУ – БЫТЬ!»

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июля 1980 года рабочий посёлок Мегион Нижевартовского района Ханты-Мансийского округа Тюменской области был преобразован в город окружного подчинения с сохранением за ним прежнего названия.

Бюро Нижневартковского райкома КПСС, учитывая вклад Юрия Семёновича Ярошенко в развитие Мегиона и его деловые качества, решило рекомендовать его сессии депутатов на должность председателя Мегионского горисполкома. И, в связи с этим, сложилась интересная ситуация. Дело в том, что московские кураторы привезли из столицы не только Указ о преобразовании посёлка в город, но и своего кандидата на должность председателя – подающего надежды молодого политика, которому необходимо было пройти обкатку в нефтяной провинции для дальнейшего «роста» в Москве. Мегионские депутаты оказались на высоте: они с треском прокатили «кукушонка», а за Ярошенко проголосовали единогласно!

Особенно удивлялись москвичи и вся свита этому факту: «Редкий случай – за «своего» и ни одного голоса против! Местный руководитель, можно сказать, старожил, и ни одного врага не нажил? Удивительно!».

Таким образом, с 23 августа Юрий Семёнович оказался на советской (что означает «государственной»!) работе.

Собственно, с работой советских органов, как депутат, он был знаком и раньше, постоянно избирался и в поссовет. И в райсовет. Но одно дело – быть депутатом, другое дело – председателем. И эту «большую разницу он почувствовал с первых же дней работы на новой должности.

Мегион не был подготовлен к новому статусу ни функционально, ни организационно, т.е. бюрократически даже, не было ни городских структур, ни материально-технических, ни производственно-социальных заделов под них, ни штатов...

А ведь под новый статус – другие штаты!

Прошу прощения за каламбур, но ведь на самом деле, пока Мегион был посёлком районного подчинения, зачем ему были такие структуры, как прокуратура, суд, милиция, здравоохранение, народное образование, культура, пожарная охрана, архитектура и т.д. Посёлку не нужны, а городу – обязательно! Посёлок всё это в районе имел, а город окружного подчинения – у себя должен иметь!

Стали прибывать руководители служб: каждый представится и – кто квартиру для себя прежде требует, а потом – служебное помещение, кто наоборот... Но сумма от перемен слагаемых не меняется в квадратных метрах. А где их взять? Хорошо, на здравоохранение, да на образова-

ние своих нашли специалистов. Милиция, слава Богу, строилась. Но остальные-то вышестоящие функциональные службы – кто из Нижневартовска, кто из округа, из области...

Вот уж, мне кажется, Юрий Семёнович очутился в своей тарелке! Аппарат – аппаратом, комплектование городских государственных структур – комплектованием, а ведь конец августа, зима – вот она, на носу! Как с мероприятиями по подготовке к зиме? Не знаю, как бы это воспринимал от незнания москвич, а Юрий Семёнович – от знания! – места себе не находил, когда не мог по независящим от него причинам сдвинуть что-то с мёртвой точки в этом плане. А ведь зимы тогда жесточайшие случались!

«В первое время нефтяники помогли с помещениями, да и другие организации. Личные связи, конечно, имели значение: куда без них? Наливайко Андрей Иванович, Андросов Владимир Петрович, Гавриков Валентин Андреевич – эти руководители болели за город. У кого-то освободилась площадь – предлагают, кто безвозмездно, кто – в аренду. Короче, первое время голова была только этим и занята: служебными помещениями и жильём для работников городских структур. Которые, кстати, росли, как грибы. Что подделаешь – атрибут государственной власти!

В городе было два основных предприятия: МНРЭ и НГДУ. Геологи и нефтяники. Разведчики и эксплуатационники.

Мегионские нефтеразведчики Самотлор открыли, экспедиция за это орден «Знак Почёта» получила, а пенки – с фонтанной добычи, самую дешёвую в мире нефть стали получать эксплуатационники. И нефтяным центром региона выбрали не Мегион, а Нижневартовск. Соответственно, и финансовые вливания полились мимо Мегиона.

Мегион остался в стороне. Те, кто ценой своего здоровья или даже жизни создавали предпосылки для добычи самой дешёвой нефти, стали её заложниками. Особенно ясно это видно с позиций сегодняшнего дня. Но находились люди, которые это видели и тогда. Одним из них был начальник Мегионского НГДУ Иван Иванович Рынковой. Он был первым руководителем мегионского нефтепромысла, прошёл путь от мастера до начальника НГДУ. Это был производственник до мозга костей, но не автор лозунгов: «Нефть – забота общая!» и «Миллиард кубов газа и миллион тонн нефти – в сутки!».

Юрий Семенович говорит:

– Иван Рынковой?.. 0-о!.. Это не просто друг! Это душой и телом мегиионский человек. Энтузиаст! Подвижник! Когда он был начальником Мегионского НГДУ, всё руководство

жило в Нижневартовске! Ничего не скажу: работали они помногу, но потом – на автобус и в Нижневартовск, в свои тёплые, благоустроенные квартиры. Жёны, дети, тёщи – в садик, в школу, поликлинику, на концерт... Всё это в Нижневартовске. Строить всё это в Мегионе – зачем?

Рынковой первый кинул лозунг: «Работаю в Мегионе – живу в Мегионе!». Не всем это понравилось, но он начал готовить и пробивать распоряжение по «Нижневартовскнефтегазу» о том, что руководители должны жить там, где находятся возглавляемые ими коллективы. Сразу не получилось, но постепенно переехали, семьи перевезли...

Едва сформировался костяк городской власти, стали думать: как город будет жить?

Нефтяники категорически заявили: нам город не нужен! Заниматься им не будем, строить тоже не будем! Заявлено было на самом высоком уровне. Геологи тоже: мы – госбюджетники, генеральным заказчиком быть не можем, для себя кое-что построим (квартал пятиэтажек, несколько девятиэтажек) у нас только временное строительство, посёлки типа Новоаганска, Ваховска... Хотя руководители Главтюменьгеологии, в частности, своим немалым тогда авторитетом помогали решать многие городские проблемы.

А положение было катастрофическое, особенно с тепло-водоэнергоснабжением, очистными сооружениями. На всю жизнь запомнилась мне первая – городская зима.

Котельная на издыхании, каждую ночь что-то случалось. Электроэнергия – выключаться город

стал, как праздник – обязательно. И пожары: с отоплением плохо, каждый самодельного «козла» с открытой спиралью врубает – магазинных, как нынче, нету! Вот тебе и перегрузка, и причина пожара. Да и народ навеселе, праздники же! Что-бы городской власти придать весу, оперативно оказать помощь, представители Нижневартовского горкома партии у нас дневали и ночевали в буквальном смысле. Дело доходило до того, что в авральном порядке, чтобы теплосети не разморозить, в критические моменты утеплять их: во многих домах в подъездах трубы были голые, подъезды сами расхристаны... Поднимали кто кого может, в основном руководителей. Горожане Новый год встречают. Одни: «Эй! Садитесь, выпейте с нами!», «Чё приперлись? Воду пооткачали!» – другие. А что стояк у них уже перехватило, не понимают. Да, в принципе-то, это и не их дело, правильно. Им коммунальные услуги подавай!

Это, будем говорить, рабочие моменты. Их так или иначе утрясали. Нужно было решать принципиальный вопрос: для того, чтобы город нормально функционировал и развивался, нужно было определить Генерального заказчика.

Знали б вы, что пришлось испытать! Десятки командировок во всевозможные инстанции. И всё – с Рынковым Иваном Ивановичем! В советские органы я был вхож, а в обком, к примеру, примут – не примут? Рынковой же и к Богомякову, первому секретарю, буром пёр! Все понимают, поддерживают, но... «Не можем мы приказать нефтяникам!». Начальником «Главтюменьнефтегаза» был тогда Булгаков. Пробились к нему. Выслушал тоже с пониманием. А его зам по капитальному строительству Парасюк упёрся: «Не нужен нам Мегион. В Нижневартовск заканчиваем ДСК. Начнём штамповать дома. На потоке. Там котельная, коммуникации, транспортная сеть. В Мегионе ничего нет! У нас прекрасные «Икарусы», комфортабельные тёплые. Сорок минут, и человек в Нижневартовске в благоустроенной квартире! Не нужен нам Мегион!».

Наши доводы, что проблема есть, что решать её нужно своевременно, пока она, будем говорить, не загноилась – ведь тогда будет нарыв, решать всё равно придётся, но в спешке! – не воспринимались. Доводы свои я подтверждаю такими цифрами. Нефтяники, к примеру, за 79-й год создали и разместили в Мегионе восемь организаций, набрали около трёх тысяч работников. Точно так же и другие ведомства: базировались,

людей принимали... Но ни одного квадратного метра жилья не построили. Помните, что за больницей творилось? Это же ужас! Балки, самострой, чуть не землянки... Хитров рынок! Шанхай!.. Туда же ни скорая помощь, ни водовозки не проходили. Случись что, пожарные машины бы не прошли. Как не сгорели, прямо чудо.

Мы продолжали будировать общественное мнение, бомбить инстанции письмами, ездить в командировки в Москву: в Миннефтепром, в Совмин СССР, в Госплан и даже в ЦК! В ЦК, правда, не допустили, но в остальных структурах побывали. И хотя никто приказа о назначении Генерального заказчика и застройщика не издал, наши хождения принесли свой результат: нефтяники в лице Парасюка дали согласие на строительство нового девятиэтажного дома.

Возник второй вопрос, где строить? Генплан мы уже заставили сделать. Выполнил его «Ленгипрогор» по заказу «Тюменьгражданпроекта».

Трагедия Мегиона заключалась в том, что строиться он мог только... вверх. Места не было! С запада – товарный парк нефтяников, на востоке промзона МУБР, УТТ, СУ-920 и др., а с юга – река, на север – болота... Но с проектировщиками я договорился: «посадили» они мне одну девятиэтажку напротив пожарки – чтобы без сноса жилого фонда.

Соглашаясь строить девятиэтажку, нефтяники предупредили: но – без котельной и коммуникаций. Я собрал руководителей организаций-строителей. Объяснил ситуацию: как рыба об лёд колочусь, а дело ни с места – помогайте! Давайте, ты – котельную, ты – инженерные сети, ты – очистные сооружения. Составили протокол совещания, подписали все, гербовой печатью закрепили, и я эту бумагу, куда нужно. Нефтяникам деваться некуда: нашли подрядчика, открыли финансирование.

Жду: девятый этаж уже возводится, а к котельной, как и следовало, не подступали...

А в те времена за ввод жилья строго спрашивали! Вот на этом я и сыграл. Конечно, с одной стороны, может быть, некрасиво поступил, но надо же было как-то сдвинуть дело с мёртвой точки!

Назначаю тогда совещание «По вопросу ввода в эксплуатацию девятиэтажного жилого дома» и телеграммой приглашаю на него всех имеющих к этому делу касательство руководителей. Собрались представители на уровне замов по капитальному строительству. Слушаем и констатируем: жилой дом,

практически, готов, а ввести в эксплуатацию его по известным причинам нельзя. Дом будет стоять и разрушаться, люди – жить в непотребных условиях. «Что ж, сделал я резюме, – я буду вынужден собрать сессию горсовета, и от её имени дать телеграмму на имя Брежнева и т.п.».

И тогда закрутилось колесо – от объединения до министерства.

«К городской котельной, – говорю, – подключить нельзя: на ладан дышит, надо строить новую!».

После этого появился приказ Миннефтепрома СССР, Главтюменьнефтегаза обязать «Нижневартовскнефтегаз» выступить в роли генерального заказчика по проектированию и строительству города Мегион.

Составили новый генеральный план со собственной настоящей городу инфраструктурой.

С тех пор планомерно, с огромными трудностями, большими неувязками, но город начал развиваться. И сегодня мне приятно пройти по Мегиону – не хуже других северных городов! А по мне так и лучше – как родное дитя бывает дорого родителям...

Да, вот ещё интересный случай вспомнил! – усмехается Юрий Семенович. – Когда в Мегион приехал, председателем поссовета был Храмцов Гоша. Местный житель. Рыбак, охотник... Потом он на какое-то время покинул эти места. А в году 89-м мы с ним встретились случайно. Поговорили... Вот он мне и выдал. «Юрий Семёнович! – смеётся, – не поверишь, заблудился в Мегионе! Кто бы раньше сказал об этом, я бы его за чокнутого посчитал. А сейчас – сестру не нашёл!». Сестра его, Кира Васильевна, – пояснил Юрий Семенович, – заслуженная учительница, так в Мегионе и жила.

Вот и я не уезжаю сейчас из Мегиона надолго. Может, поэтому? Свой город, как свой ребёнок, незаметно меняется. Это соседские дети, как гласит поговорка, быстро растут, потому что видишь изредка, а своего изо дня в день зришь, во сне и в шалостях, в заботах и радостях...

5-10 мая 1997 г.

Р. С. К сожалению, Юрий Семёнович не дожил до многих городских – юбилейных! – событий и торжеств, на которых его вспоминали и друзья, и простые горожане добрым словом. Ради этого, может, и надо было яростно и беспокойно жить – как Ю. С. Ярошенко.

20.05.2004 г

Валерий Игнатьевич Сергейчик
Заслуженный работник нефтяной и газовой
промышленности Российской Федерации.

Немного воспоминаний о НГДУ «Мегионнефть»

Свою трудовую деятельность в НГДУ «Мегионнефть» я начал с 02.12.1974 г. инженером в лаборатории «Техника технологии в нефтедобыче» в Центре научно-исследовательских и производственных работ. В то время в НГДУ входило два месторождения – это Мегионское и Ватинское (РИТС-1 и РИТС-2). Для обслуживания скважин ездили на автомобилях ГАЗ-63, ГАЗ-71. Зимой на автомашине Урал, у которых выхлопная труба была выведена через кузов, который был покрыт поверх брезента кузова матрасами. На Мегионскую площадь добирались воздушным или водным транспортом. Иногда вертолёт кружился 30 минут над месторождением, прежде чем сделать посадку на площадку. На Мегионскую площадь мы добирались водным транспортом. Сначала нас от пристани в районе старого Вартовска везли на быстроходных катерах. В это время два быстроходных катера на подводных крыльях «Комета» проходили испытания. Они развивали скорость до 55-ти км в час. Довозили до реки Мега, там мы пересаживались на тихоходный катерок, который развозил нас на ГУ-4. РИТС-1 состоял из нескольких пышминских домиков. Сообщение между ними проходило по пешеходным дорожкам на сваях. Проверку работы фонда скважин осуществляли на моторных лодках, гусеничной технике АТС, ГТТ.

В начале января 1976 года меня ставят в известность, что я переведён технологом РИТС-1, хотя моего согласия не спрашивали и заявления я не писал. Оказалось, начальник ЦИТС А. Д. Гензель написал заявление от моего имени, а начальник НГДУ (в то время был А. Л. Резников) подписал. Так я стал технологом РИТС-1, для поднятия МРП ЭЦН. В то время началась эксплуатация скважин механизированным способом. Уже было спущено в скважины около

30-35 установок, а работало всего 5-7. Я до этого времени работал в ОКБ БН, т.е. занимался ЭЦН. Так что мне пришлось полностью вникнуть в эту работу. Присутствовал на монтажах-демонтажах УЭЦН, на выводах скважин на режим и т.д. Ну случались и некоторые казусы. Приехал на скважину, где готовились заменить кабель. Спрашиваю, который раз спускают установку, мне ответили, что четвёртый. Я попросил отвернуть клапан в компенсаторе. Отвернули, оказалось в компенсаторе вода, пришлось запретить спуск установки и дать указание завезти новую установку.

В следующий раз при монтаже вал ЭЦН проворачивался с заеданием, оказалось нечаянно наехали трактором на насос ЭЦН, потом его перевернули ещё раз наехали и вал стал вращаться. Так пришлось завезти новый насос ЭЦН. Под моим контролем и контролем руководства РИТС и НГДУ довели работу УЭЦН в скважинах до 27. Так начиналось внедрение новой техники.

01.11.1976 года переведён в РИТС-1 НГДУ «Варьеганнефть» на Аганское месторождение. Первые руководители:

Начальник цеха – Р. З. Цапурин;

Ведущий инженер – Ф. И. Бадиков;

Ведущий геолог – Д. Кашаприн

Начальники смены: А. Лыков, А. Красовский, В. И. Карлов, В. И. Сергейчик, Г. Л. Чудинов, В. Коченков.

Хозяйство цеха состояло из: рубленного домика, вагончика, пышминского домика, сарая (склад), слесарки. В рубленном домике расположился геолог с документацией, в вагончике расположились операторы В. Я. Рудольф, Я. А. Мартын, Т. В. Ничка, В. В. Линкер, Д. Луговской, В. Кобка, Рафиков, И. Быковский. В пышминском домике в одной половине стояли две двухъярусные койки для начальников смен, в другой был кабинет начальника цеха, в котором стоял стол и четыре стула, при необходимости каждый мог попользоваться столом. Был склад, сколоченный из необрезной доски размером 4 на 2,5 м, в котором хранилось нефтепромысловое оборудование.

Слесарка – это рубленный домик размером 2 на 3 метра, в котором стоял наждачный станок и слесарные тиски. Между всеми строениями были проложены деревянные мостки. К тому времени уже были разбурены кусты 4, 5, 6, 9, 10, 11, которые давали промышленную нефть и перекачивали по построенному нефтепроводу 530 мм Аган-Мегионским ППН. Доставляли нас на месторождение на автобусе ЛАЗ до 61-го куста по бетонке, а потом на АТС и ГТТ добирались до базы. На месторождении была смонтирована газотурбинная установка для выработки электроэнергии, но она была запущена и проработала всего один день. Для установки специально был построен газопровод с 10-го куста. Дорог не было, отсыпались, строились лежнёвки, по ним перевозили буровое оборудование, строили кустовые площадки, бурились скважины, прокладывали нефтесборные сети и давали нефть Родине.

Аганское месторождение – это компактное, уникальное месторождение, максимальная добыча которого до 14,5 млн тонн в год. В начальной стадии эксплуатации добыча нефти велась фонтанным способом. На месторождении работали одновременно 11 буровых бригад, темпы ввода в эксплуатацию месторождения были очень высокими. К тому времени были пробурены скважины кустов 48 и 49 и проходила обвязка скважин и кустов с нефтепроводом по разрезу. Скважины отрабатывали и запускали в эксплуатацию. Дебит скважин составлял 300-350 м3/сутки.

Отсыпка кустов, дорог велась колонной автомобилей «Магирус». Народ был молодой, работа кипела, хотя нас донимали слепни, ко-

мары, мошка, но никто не унывал. Для обслуживающего персонала были построены четыре 2-этажных общежития, столовая, котельная на берегу озера, которое находилось недалеко от базы (800-1000 м).

Молодые парни, девушки приезжали в ботиночках, туфельках, но вскоре все они меняли на сапоги болотники. Вот один из примеров. Приехал на автомобиле «Урал» молоденький водитель, и мы с ним поехали проверять работу объектов по «0» разрезу. Только съехали с бетонки в сторону «0» разреза, как метрах в 20-ти машина застряла и заглохла в протекающем ручье. Машина стояла по ступеньки в грязи. Пробовал завести стартером – не берёт. Снял ботиночки, засучил штаники до колен, попробовал завести рукояткой – не получилось. Пришлось идти за подмогой по грязи.

Грязь стояла и на кустах буровых площадок. Чтобы отпрессовать эксплуатационную колонну агрегат ЦА-320 подтаскивали трактором к скважине. Несмотря на все трудности народ работал с огоньком.

Как-то дал задание бригаде операторов сделать протяжку крепления фонтанной арматуры на 61-М кусту перед запуском. Приезжаю и что я вижу. Работает В. Я. Рудольф (лауреат Государственной премии), от него идёт пар (температура воздуха около -30 градусов). Подхожу, спрашиваю его, а где остальные? А он отвечает, что остальные операторы греются в «спутнике». Пришлось привести всё в норму.

Несколько слов об обитателях тайги. В тайге встречались: лоси, медведи, песец, колонок, горностаи, лисица, норка, соболь. Птицы летали стаями – куропатки, тетерева. Глухари встречались даже на кустах. Иногда едешь на гусеничной технике АТС, а глухарь с красными бровями вышагивает перед техникой и не улетает. И ты ждёшь, когда он уступит дорогу. А потом пошла будничная работа. Перевод скважин на механизированную добычу, контроль, устранение порывов и т. д.

В 1978 году Аганское месторождение опять вернули в НГДУ «Мегионнефть».

30.10.1978 году был переведён мастером по Добыче нефти и газа.

15.01.1996 года попрощался с Аганским месторождением, перешёл работать начальником газового цеха.

Женская доля и подлёдный лов

*Добыча рыбы на Тюменском севере
70 лет назад*

Как много можно узнать из старых газет... На мой стол легла ксерокопия первой страницы «Тюменской правды» от 17 декабря 1944 года. Читаю обычные материалы военного времени: цитата из речи И. Сталина, редакционная статья «Забота о детях – дело всенародное», «От Советского информбюро». Но один материал этого номера – «Рыбаки Севера», подписанный П. Бердышевой – меня потряс...

Мы живём в мирное время и Север сегодня гораздо уютнее, чем десятилетия назад – есть электричество, построены посёлки и города с тёплыми жилищами и производственными помещениями. И поэтому, на мой взгляд, статью семидесятилетней давности стоит цитировать большими фрагментами, чтобы люди знали и помнили, как в тылу наши женщины обеспечивали победу.

«...Столетиями считалось, что в зимнюю пору, когда реки и озёра сковываются льдом, в тундре, кроме охотничьего промысла, ничем другим заниматься нельзя. Так это велось и до 1941 года: вся жизнь рыбных промыслов замирала на долгие месяцы, и богатейшие рыбой северные водоёмы никак не использовались. Но вот началась война, и Родина потребовала от рыбаков: давайте рыбу круглый год. Ответ был один: рыба нужна – она будет круглый год».

Но рыбаки ушли на фронт, остались только рыбацки...

На Севере живу уже 15 лет и на себе испытал 50-градусные югорские морозы. Зимней рыбалкой не увлекаюсь, но и никого не отговариваю от этого удовольствия... «Вольному – воля»... Но сейчас, сидя в тёплом кабинете, пытаюсь зримо представить лёд Тазовской губы, на котором стояли сотни палаток из фанерных щитов. В каждой из них на площади 15 кв. метров жили по 10-12 женщин... Нет, они там не жили – только спали на двухэтажных нарах после двенадцатичасового рабочего дня.

Я пытаюсь понять, каково это – долбить пешней полутораметровый лёд для того, чтобы в майну (прорубь) опустить сеть. Вчитываюсь в газетные строки, доносящие живой рассказ бригадира лова Шаповалова:

«Вот в моей бригаде девчата Надя и Паня ни в чём не уступают старым рыбакам. Вы только подумайте, они дают по 8-10 майн за смену. Ведь это раньше и для мужчин считалось почти недостижимой нормой. Больше того, Надя работает гонщиком и, пожалуй, не уступит любому мужчине».

Думаю, думаю... Продолбить пешней 10 майн, ну, пусть даже 8, в полуметровом льду на морозе! Это же не дорожку во дворе от снега очистить! А на морозе майны снова покрываются льдом...

«Что значит работать гонщиком? – снова слышится мне голос бригадира Шаповалова из далёкого 1944 года – Это вот что: когда майны выдолблены, мы опускаем в них сети и на следующий день один из рыбаков долбит лёд, а другой вынимает сети, просматривает их, выбирает рыбу и снова опускает в майну. Вот это и есть гонщик. Проверить же звену за день нужно 250-300 сетей. Вот и считайте, сколько надо выдерживать одному человеку. Ведь работать приходится на 40-50 градусном морозе, да ещё такой норд завернёт, что птица на лету замерзает. А наши девчата работают по 10-12 часов без рукавиц».

Да уж... как в рукавицах рыбу выбирать?... Но 12 часов на морозе с голыми руками?! И так много дней подряд!

Пишу эти строки, а на экране телевизора какие-то благополучные люди на английском языке рассказывают, как будет усиливаться санкционное давление на Россию, пока страна не изменит политику, и не поступится своими национальными интересами для чужой пользы...

Нас, потомков тех, кто выиграл Великую войну, пугают усилием давления, отсутствием польских яблок и латвийских сардин, французского сыра и украинских конфет! Чтобы мог сказать на этот счёт мой дед, зауральский крестьянин Егор Иванов, если бы на Новгородчине в ноябре 1942 года, он не лёг в братскую могилу?

Статья, напечатанная «Тюменской правдой» в декабре 1944 года, заканчивалась такими словами:

«...Сурова и неприветлива северная сторона Тюменской области. Но там живут люди с го-

рячим сердцем, с простой русской душой. Они всеми силами стремятся как можно больше помочь Родине, помочь Красной Армии одолеть врага. И этого они, несомненно, добьются. Суровые и мужественные люди преодолевают все трудности и осваивают сотни водоёмов, все богатства речек и озёр тундровых просторов ставят на службу Родине, на дело победы. В далёкой тундре люди живут одним стремлением – скорее добить врага».

Предки наши не сдавались на протяжении веков, неужели потомки окажутся слабее их?

Склоните головы в память женщин, долбивших лёд Тазовской губы в суровые военные годы...

Из авторского архива 2014 г.

Дополнение от 6 мая 2025 г.

Часть этого материала вошла в пьесу Ольги Миловановой «Русские грации».

Владимир Волковец

г. Советский

ЧЕЛОВЕК ИЗ 90-х

Вы заметили, странный пожилой человек ходит по городу. С цветастой болоньевой кошёлкой от магазина до магазина. Сначала по одной стороне улицы пройдёт, возвращается по другой тоже мимо магазинов и ларьков, побродив по лабиринтам рынка и торговых центров. И всё бы ничего, но он идёт, тщательно озираясь вокруг, заглядывая в мусорные урны и закоулки, входя в магазины и выходя, ничего не купив. Если он что-то ищет, то я ни разу не видел, чтобы он наклонился и что-то поднял. Видно, что он чем-то маниакально озабочен, отключённый от звучания внешнего мира. Он абсолютно глухой.

Слух пропал, но обострилось зрение.

Свой ежедневный маршрут он знает подробно. Иногда встречает знакомых, что-то им говорит, не слыша, что ему отвечают. И те предпочитают молчать, лишь уважительно кивая головой и понимающе улыбаясь. Каково ему жить, как перед телевизором с выключенным звуком.

Я долго смотрел на его согбенную фигуру и отрешённый вид. Кого же мне он напоминает? И вспомнил, да, человека 90-х, обманутого, обобранного властью, полуголодного. Он ещё не

Маленькая проза

вернулся оттуда, не слышит и не понимает перемен, происшедших в стране по причине глухоты и обиды на тех, кто его обманул, кто заработанное им за трудовую жизнь обнулil, превратил в нищего. У многих от такой шоковой терапии крыша съехала.

ВОРОБЕЙ

В целлофановом пакете, брошенном на дороге, ветер пересыпал горсть хлебных крошек. Воробей прыгал вокруг, принаравливаясь поклевать. Порывом раздуло пакет и воробей, не раздумывая, скакнул вовнутрь. Ветер стих и мешок ослаб.

– Попался, рыжий!

Так в пакете и принёс его домой. Воробей сразу почувствовал открытую форточку. Как только вытряхнул его, вспорхнул и сел на краешке. Заметил, хитрёныш, на столе рассыпанную крупу и не улетал. А может и понял, что я его неволить не стану – захотел, пожалуйста, лети. А домой принёс лишь потому, чтоб хоть с какой-то живой душой разделить одиночество своё.

Когда Елену Петровну вкатили в общую палату из реанимации, три её соседки повскакивали со своих больничных постелей. Даже Маргарита, которой вставать было категорически запрещено докторами. Ещё бы!

Как тут не подпрыгнуть, если медсёстры и санитарки на языках принесли из «особого отдела» (такое название за реанимацией закрепили пациенты из мужских палат), что Елена Петровна после тяжелейшей операции, как только пришла в себя, подняла там бунт.

– Ты чего там устроила, Лена, поди относятся как к дровам? – первой спросила и одновременно сделала предположение умудрённая опытом и последними прядями седых волос Евдокия Ивановна. Вероятно, на правах старшей.

– Да ничего я не устроила, Ивановна, – тихо ответила Елена Петровна, – просто возвращаться не хотела.

– В палату что ли к нам? – на всякий случай почти обиделась Валентина Григорьевна, третья соседка и бывшая начальница жилищно-эксплуатационного участка, у которой в крови помимо плохих анализов был конфликт.

– Да не... – глубоко вздохнула Елена Петровна, – на этот свет возвращаться не хотела, – просто пояснила она, отчего худенькая молодая Маргарита закрыла рот рукой.

Невозвращенка

– Это от наркотического наркоза! – громко прошептала она в ладонь, и все трое посмотрели на неё как на нашкодившую школьницу. – Я читала, такое бывает, – тут же попыталась оправдаться она.

– Ты ей ещё ятрофобию припиши, – махнула на Маргариту мудрая Евдокия Ивановна.

– А чё, тётя Дуся, я такие мультики под наркозом смотрела, – начала было Рита, но Валентина Григорьевна её прервала:

– Знаем мы какие мультики, Герману Юрьевичу самому стыдно было, что ты у него под ножом в эротический экстаз впала. Весь персонал со шприцами сбежался тебя успокаивать.

Маргариту обнажённая ситуация нисколько не смутила:

– Так а я что говорю? Чё я – виновата? Вкололи чего-то, а там такие страсти стали видаться, – при этом было заметно, что самой Маргарите эти страсти нравились и действительно были страстями, а не производными от слова страх.

– Кому что положено, тот то и видит, – пресекала весь этот бабий гомон над собой Елена Петровна. – Я сначала

вообще ничего не видела. Не было меня, как молодёжь говорит – от слова «совсем». Даже темноты никакой не было, потому что ей надо где-то быть. Хотя бы в сознании что ли моём. Или хотя бы моё сознание в темноте должно быть, а сознания-то и не было, – невольно задумалась Елена Петровна, и соседки мгновенно уселись рядом на соседнюю кровать Валентины Григорьевны и приготовились слушать.

– А потом? – не удержалась поторопить Маргарита.

– А потом я вдруг ощутила себя в этой страшной и полной темноте. Ни рук, ни ног, ни головы... а я есть. И так жутко стало. Я уж подумала, что это я в гробу, и мне целую вечность так быть.

– Ужас, – вздохнула Валентина Григорьевна, примерив впечатления Елены Петровны на себя.

– Дальше-то что? Не ужас же тебя там удерживал? – одёрнула всех правильным вопросом Евдокия Ивановна.

– Свет. Рядом сначала неярко появился свет. Он позвал. Не словами, конечно, но я сразу поняла, что он зовёт. Знаете, как будто ты малень-

кая потерялась в лесу, а тебя мама кличет. Или нет... – Елена Петровна задумалась, подбирая сравнение, – или вот ты ездила где-то по далёким и чужим местам, било тебя, мотало, и вдруг ты увидела порог родного дома, и даже запах почувствовала...

– Какой запах? – снова не удержалась Маргарита.

– Запах? – вскинула в её сторону брови Елена Петровна с удивлением, будто её спрашивают о чём-то несущественном. – Запах... Будто бабушка пирожки испекла... Запах половиц в сенках... мокрого дерева... ну... запах дома, как тебе ещё сказать?..

– И ты в этот дом вошла? – развивала образ Маргарита.

– Да нет же, – улыбнулась Елена Петровна. – Я, вроде как, за тем светом последовала. И чем дальше, тем мне было спокойнее и лучше. Как будто саму благодать по течению впитываешь...

– Ишь ты, – подивилась Евдокия Ивановна. – А я читала, что там родственники всякие встречаются – умершие.

– Может, кого-то и встречаются. Но я-то детдомовская. Так-то бы сын должен был встретить, но, может, я того не заслуживаю... Я как поняла, что мыслить могу, так и стала о нём думать. Но не было его. И меня, я так думаю, ангел встречал.

– Красивый? – восхищённо приподнялась со своего места на кровати Маргарита.

Три взрослых женщины снова посмотрели на неё, но уже как на деревенскую дурочку.

– Не видела я. Просто ощущала, понимала, что кто-то рядом. Добрый и любящий. И что он именно для того здесь, чтобы проводить меня. Я где-то внутри себя голос его слышала – «не бойся»... А вот голос был похож на голос сына. Будто Петя мне говорил.

– Так, может, всё же Петя? – предположила Валентина Григорьевна.

– Голос его... Голос... – Елена Петровна перевела взгляд на окно, словно там можно было увидеть или Петю, или ангела, а то и обоих вместе.

– А кто сказал, что Петя сейчас не ангел? – додумала по-своему Евдокия Ивановна. – Он же на войне погиб. Про воинов, погибших, что Родину защищали, говорят, что сразу в воинство ангелов к Архангелу Михаилу.

На какое-то время в палате повисла ёмкая тишина, в которой каждая из женщин как мать могла уловить значимость сказанного Евдоки-

ей Ивановной. И будто всё воинство Архангела стояло совсем рядом за порогом палаты, где уже открывался не строгий больничный коридор, а какое-то поле. Может, Куликовское, может, Бородинское, может, Прохоровское, а скорее – то самое – поле последней битвы...

– Ну и как наша невозвращенка?! – в палату вошёл Герман Юрьевич, спугнув образы и тишину.

– Да чё ей сделается? – вместо «здравствуйте» ответила Валентина Григорьевна.

– И вам не хворать, Герман Юрьевич, – добавила Евдокия Ивановна.

Маргарита встретила врача загадочной улыбкой, всматриваясь в его серые, усталые, испещрённые красными нитями сосудов глаза.

– Здравствуйте, доктор, – последней вздохнула Елена Петровна.

– Ну что, Елена Петровна, как у нас дела? – Герман Юрьевич чуть наклонился к больной, взялся было за стетоскоп, висевший на шее, но оставил его и, как мальчишка почесал на затылке седой ёжик волос. – Вот всё же хорошо! – заключил он без всяких осмотров.

– У меня последний раз было хорошо на дне рождения у сына Пети. Когда восемнадцать ему отмечали. Да и у вас, судя по вашему усталому виду, тоже не всё окей, – вздохнула Елена Петровна.

Доктор придвинул к кровати табурет, сел рядом. Соседки, чтобы не мешать, без слов улеглись на свои места.

– Знаете, я за свою долгую практику много всяких историй наслушался, – ткнул в потолок тонким указательным пальцем хирург, – оттуда. И вы не первая, кому там показалось лучше. Но вы первая, кто требовал отправить вас туда обратно.

Валентина Григорьевна при этих словах доктора прикрыла открывшийся рот ладонью.

– Капельницу выдрали, датчики сорвали... А меня ведь за это не в монастырь, а в тюрьму бы упекли...

Елена Петровна ещё раз, но уже виновато вздохнула.

– Там, правда, хорошо... – прошептала она в своё оправдание. – Первый раз в жизни было спокойно...

– В жизни или после неё? – хитро прищурился доктор.

– В жизни, – уверенно ответила Елена Петровна.

– Там точно жизнь есть. И Петя меня там ждёт. А вот про тутошнюю я теперь сомневаюсь.

Доктор вдруг положил свою ладонь на руку Елены Петровны.

– Меня в советском меде шесть лет учили, что человек это просто самый совершенный организм на Земле, – сказал он. – Но слишком уж совершенный. Чересчур, я бы заметил. Но порой очень беззащитный и слабый... Я знаю, что у вас на войне погиб сын. И я представляю вашу боль. У меня, практически на моих руках, умирала моя дочь. И я, врач, ничего не мог сделать.

Герман Юрьевич горько замолчал, у Елены Петровны, смотревшей на него тревожно, выступила слеза, и она положила свою вторую ладонь поверх его руки. Остальные женщины притихли настолько, что боялись дышать. Маргарита лишь страдальчески подкусила губу.

– Кто знает, – продолжил доктор, – может, именно ваш Петя стоял у меня за спиной у операционного стола. Или... моя Лера. А может и оба... Что же вы там такого увидели, чтобы так не желать возвращаться в нашу жизнь?

Елена Петровна обвела взглядом палату, оставила его на каждой из своих притихших соседей, словно выверяя – можно ли при них об этом говорить, и лишь потом ответила:

– Если бы я была учителем физики, я бы всё равно не смогла объяснить. А я всего лишь «историчка»... – она улыбнулась, вспомнив школьное «звание» учительниц истории.

– Наоборот, вы не связаны парадигмами научных представлений. И что-то мне подсказывает, что в процессе умирания человека срабатывает фундаментальный закон сохранения энергии, не может же она просто бесследно исчезать, – подбодрил Герман Юрьевич.

– Может быть... Все человеческие представления там не работают... Слов, символов, знаков, цифр, определений – всего этого не хватает, чтобы объяснить. У атеистов это вообще вызывает приступ раздражения или иронии, в зависимости от воспитанности... – Елена Петровна покосилась на Маргариту.

Та мгновенно обиделась и выпалила навстречу:

– Я бы не сказала, что выздоравливают и возвращаются оттуда только верующие. И атеисты тоже, да ещё злее после того на вашего бога становятся. Вот у нас Дмитрий Леонидович на работе после клинической смерти вернулся, так совсем дурак злой стал! И над верующими смеётся!

– А я о чём? – обезоруживающе улыбнулась Маргарите учительница. – Рита, я не о тебе... Я тебе так скажу: кто-то возвращается к Богу, а кто-то, так или иначе, заключает сделку с дьяволом. Но ведь это ненадолго. Только на эту коротюсенькую жизнь здесь. Не завидую твоему Дмитрию Леонидовичу, когда он на второй заход пойдёт. А пойти всё равно придётся. Хотя, он, может, и всех нас переживёт. Злым, я теперь знаю точно, не на что будет там смотреть, кроме своей злобы.

– Рита, ты не перебивай, пусть рассказывает, – по-матерински попросила Евдокия Ивановна.

– Да особо рассказывать нечего, – улыбнулась Елена Петровна так, как будто её вселенская тайна была лишь детской тайной о спрятанных в жестяную коробку фантиках. – Ангел, так я всё же думаю, увлекал меня всё дальше на открывающийся всё больше свет. Я почему-то ждала, что сейчас мне, как положено, прокрутят всю мою непутевую жизнь, что я родителей своих в первый раз хотя бы тут увижу, боялась ещё, что прискачут со всех сторон бесы и начнут мне все мои грехи зачитывать, а их ой-как много...

Елена Петровна остановилась, замолчала, покусала губы, будто сама начала пересчитывать свои грехи.

– А вместо этого, я почему-то слышала, как я молилась за Петю. Ведь, знаете, одно дело, когда я молилась за него на войне, а потом, когда его убили, я молиться перестала... Я... – и тут Елена Петровна зарыдала так, что Герман Юрьевич подскочил, – я верить перестала!.. Ведь я так молилась! И он один у меня! И нет никого больше! Понимаете?.. – рыдания уже не давали Елене Петровне говорить, и доктор рванулся в коридор с криком «сестра!», а вернулся со шприцом, наполненным лекарством. Ввёл его в катетер, что был вставлен в вену на руке Елены Петровны, и уже через минуту она стала дышать ровно. Вот только слёзы продолжали одна за другой катиться из её глаз.

– С-суки... – сильно и твёрдо, как может только сильная женщина, выругалась на кого-то неопределённого Евдокия Ивановна. Наверное, на тех, кто убил Петю.

– Не ругайся, Дуся, – через всхлипы тихо попросила Елена Петровна, – не ругайся, родная...

Евдокия Ивановна скомкала в кулаке платок в тряпичный катышек. Валентина Григорьевна и Маргарита тоже растирали по щекам слёзы.

– Доктор, у вас же это, как говорят, профессиональный цинизм должен быть... – вдруг повернула голову на Германа Юрьевича учительница.
– Вы уж простите, но вы-то сами верите?

Герман Юрьевич улыбнулся, снова поскрёб пятернёй, как подросток, седую макушку, и ответил просто:

– Лет десять назад я бы посмеялся над вашим рассказом, списав всё на какие-нибудь беспомощные объяснения об умирающем мозге и воздействии наркоза. Но после смерти дочери мне самому надо верить, иначе мне просто незачем жить. Все поводы существовать стали до отвращения смешны. Но! – он многозначительно поднял вверх указательный палец. – С тех пор медицина шагнула вперёд, и, скажем, сегодня у меня намного больше шансов спасти людей с диагнозом моей Леры. Понимаете? А тогда я долго пил... Сильно... Беспробудно... Наверное, как многие русские люди в таких случаях. Коллеги и друзья не дали мне бессмысленно сгореть в этом земном аду.

– Вот, а меня отец Андрей остановил. Я ведь чего учудила, когда известие про Петю получила. Я собрала все иконы, что у меня были, унесла их в церковь, в лавку... Сказал там: нате, не помогло, убили моего Петю. А служившая там Тамара как закричит: грех-то какой! Но тут отец Андрей подошёл и тихо так говорит: это не грех, это слабость, которая у всех бывает. У апостола Петра и то, говорит, была... Я тогда даже не услышала тогда, что моего Петю, как апостола зовут. А меня отец Андрей взял за плечи как сестру младшую, посмотрел в глаза и честно сказал: у меня нет дежурных слов для вашего горя, но, я верю, что Господь сам вам подскажет. – Елена Петровна перевела дух, снова с недоверием посмотрела на Маргариту, но та уже смиренно и со слезами на глазах слушала её. – Я тогда из-за боли своей и обиды даже стыда не почувствовала. Я его там почувствовала... – учительница посмотрела на потолок как на Небо. – Именно за эту слабость, за этот грех. Все остальные грехи как будто забрал или стёр кто-то. Может, Петя...

– Так ты Петю-то видела? – подстёгивала рассказ по принципу мыльного сериала Валентина Григорьевна.

– Последнюю фотографию в форме, на которой он так светло улыбается, – улыбнулась словно в ответ сыну Елена Петровна.

– На том свете фотографию видела? – переспросила Валентина Григорьевна, даже голову вытянула навстречу ответу.

– Образ... не фотографию... Улыбка – главное... Живая улыбка... И так мне вдруг хорошо и спокойно стало, так легко, а там ведь впереди да вокруг ещё что-то огромное открывалось... И этот свет стоял рядом, теперь уже не звал, он будто показывал мне всё и ждал моего какого-то решения. А тут Герман Юрьевич со своим анестезиологом потащили меня обратно на этот отвратительный стол, под эту лампу, в которой свет мёртвый. Потянули прямо за душу! Во! Я теперь знаю, что такое за душу тянуть! Я видела, как они током меня шпуняли. Анестезиолог ещё и ругался при этом. Сильно ругался.

– Он себя ругал, – улыбнулся Герман Юрьевич, – думал, что с препаратом перебрал.

– О! Я же говорю, наркотики! – снова поймала своё Маргарита.

Теперь уже все, даже доктор, посмотрели на неё как на дурочку. Уже даже «не как»...

– Ну... я так... к слову... – смутилась Рита.

– Наркоманы чего только не видят, а самих себя на операционном столе точно не видят, – качнул головой доктор. – А я бы дорого отдал, чтобы увидеть, как моя Лера улыбается...

– Так я не поняла – есть там жизнь или нет? – это уже шёпотом у самой себя спросила Маргарита.

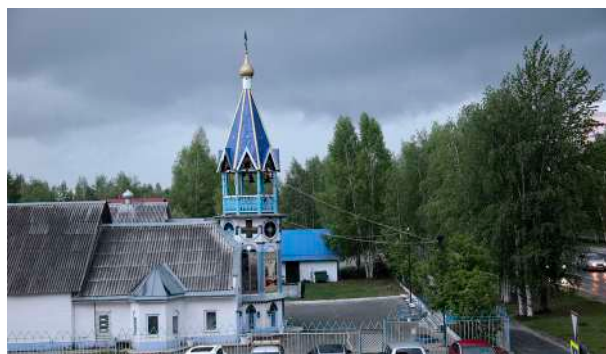
– А я вот теперь не знаю, есть ли жизнь здесь или нет, – ответила ей или вообще всем Елена Петровна.

– А иконы-то? – спохватилась вдруг Евдокия Ивановна.

– А иконы мне отец Андрей обратно вернул. Сказал: вот когда точно решите, что они вам не понадобятся – принесите.

– Понадобятся... – решила, вытирая слезу, Валентина Григорьевна.

– Понадобятся, – согласилась Елена Петровна. – Прости меня, Господи, грешную.

Из Древа нашего рода

Вакулин Фёдор Васильевич

Родился в 1900 году в деревне Луго-Филинск (Ханты-Мансийский район ХМАО – Югры) шестым ребёнком в семье церковного служителя и акушерки. С детства обучался тонкостям рыбалки, охоты, был отличным стрелком, досконально знал окружающую природу.

Революционные события, Гражданская война не обошли стороной сибирскую глубинку. В 1919 году Фёдор Вакулин был призван в Северный экспедиционный отряд Александра Лепехина, а в 1920 был направлен на польский фронт. Демобилизован в 1922 году.

В 1924 году, женившись, переехал с семьёй в село Самарово. Работал мастером на смоляном заводе в районе Полуденной горы до начала Великой Отечественной войны.

С 1 августа 1941 года мобилизации подлежало всё мужское население в возрасте до 55 лет.

20 сентября 1941 года Ханты-Мансийским окружным военным комиссариатом Фёдор Васильевич был призван на Калининский фронт в должности стрелка. В 1942 году в ожесточённом бою получил тяжёлое ранение и контузию, с поля боя его подобрали не подающим признаков

жизни. В деревню Луго-Филинск, где у Фёдора Вакулина оставались жена и пятеро детей – среди них и моя мама – пришла «похоронка»...

Его продолжали ждать – надеялись на чудо. Родному брату деда, Александру Вакулину, так и не суждено было вернуться домой с фронта.

Рядовой войны, мой дед, стрелок-красноармеец 1-го батальона 1-й роты воинской части № 1210 Фёдор Васильевич Вакулин выжил, после продолжительного лечения в госпитале был демобилизован по инвалидности и потере трудоспособности.

Был представлен к награде, но по какой-то причине она не была вручена. Долгие годы, как высшую награду, хранил личный подарок своего командира – золотую брошь в форме стрелы.

В нашей семье в память о деду хранится реликвия – Книжка красноармейца.

Ф. В. Вакулин ушёл из жизни в 1972 году. Похоронен в селе Тевриз Омской области.

Оносова Галина Николаевна

Военный врач, подполковник медицинской службы.

Родилась 18 января 1911 года в Тугулымском районе Свердловской области.

Моя бабушка. Это в её честь я названа Галиной.

В «Омской областной Книге почёта имени X съезда ВЛКСМ» врачу-комсомолке Галине Оносовой посвящена одна из 26 глав: «Девушка, побеждающая смерть».

«...Девушка, которая побеждает смерть», — так называют хантэ, жители остяко-вогульской тундры, врача-комсомолку Галину Оносову. Три года назад комсомолка Оносова окончила медицинский институт. Она сама вызвалась ехать на Север.

...Вместе с товарищами в «красном чуме», под руководством окружной партийной и комсомольской организации, борется она с шаманством, терпеливо, осторожно, подчас рискуя собственной жизнью, учит культурному обиходу жителей тундры, проводит профилактическую и лечебную работу. Галина изучила язык хантэ,

чтобы облегчить себе работу. Изучила их быт, предрассудки, суеверия, чтобы лучше бороться против некультурности и невежества.

Замечательный врач, агитатор, комсомолка Галина Оносова заслужила добрую славу в хант-ейских чумах.

...Живая, интересная девушка, любящая волейбол, Пушкина, стихи, хорошую книжку. Вместе со своими товарищами она живёт интересной, содержательной жизнью, всюду организуя, разъясняя, агитируя. Девушка, побеждающая смерть, несущая культуру в далёкие чумы возрождающегося народа. Девушка, полная смелости, отваги, воли, энергии, любви к своему делу – настоящая комсомолка.

С гордостью заносим её имя на страницы Книги Почёта имени X съезда комсомола».

В Книге «Милосердие» (2015), повествующей о становлении системы здравоохранения в Ханты-Мансийском автономном округе, Галина Николаевна Оносова упоминается как «врач-просветитель, в воспоминаниях о Толькинском «красном чуме» Ларьякского (Нижневартовского) района открывший такие страницы истории врачевания, о которых теперь никто и помыслить не может».

Незадолго до начала Второй мировой войны поступила в Ленинградскую Военно-медицинскую академию.

В рядах Красной Армии – с 1939 года.

23 июня 1941 года призвана на Калининский (впоследствии – Первый

Прибалтийский) фронт, в 4-ю Ударную Армию.

Работала начальником терапевтического отделения полевого подвижного госпиталя № 628.

Как следует из сохранившихся документов, за образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные доблесть и мужество награждена Орденом «Красная Звезда», двумя медалями «За боевые заслуги», другими правительственными наградами.

Дважды представлена к награждению медалью «За отвагу».

В наградных листах отмечено: «Оносова Галина Николаевна работает в госпитале с июня 1941 года. За период своей работы много раз спасала от смерти тяжелейших больных и возвращала их в действующие части. С любовью ухаживает за ранеными.

Провела всю работу по эвакуации раненых во время особенно интенсивных бомбёжек в августе 1941 и марте 1942 годов. Дело своё любит и работает, не считаясь со временем и тяжестью обстановки.

Исключительно заботлива и внимательна к раненым. Не знает отдыха, всегда готова выполнить любое задание. Наряду с этим, очень большое внимание уделяла подготовке терапевтических кадров, кропотливо и настойчиво передавая молодым врачам весь свой богатый теоретический и практический опыт лечения больных».

После окончания Великой Отечественной войны служила в военном госпитале города Симферополь, затем – в военном санатории города Алушта.

...До сих пор помню аромат крымских яблок, которые бабушка Галя присылала в морозный Ханты-Мансийск в аккуратных фанерных ящичках. Приезжая в гости, рисовала для меня бумажных кукол с кудрявыми волосами («Букли, букли!..»), в платьях по моде из её молодости («Буфы, буфы!..»), участвовала в играх и домашних спектаклях, устраиваемых подрастающими внуками, всячески оберегала безмятежность нашего детства.

Она никогда не говорила с нами о войне.

Г. Н. Оносова умерла 11 ноября 1978 года. Похоронена на военном кладбище Симферополя.

Ни юлить, ни лукавить не буду...

(новые стихи 2025 г.)

ПТЕНЕЦ

Ещё неизвестны мне дивные ноты:
Запеть норовлю, но доносится писк.
Ещё не открыты мне тайны охоты:
Над нашим гнездом я неловко завис.
О нет, не напрасными были уроки!
Мне страх заменила кипучая прыть –
Летать научиться в короткие сроки
И в небе родимом вольготно парить.

БЕСКОНЕЧНОЕ

Развернётся душа моя в песне
Разухабистого соловья –
И метнётся стрелой в поднебесье
Беззаботная юность моя.
 Говорят, я всё так же беспечен.
 По-приятельски верность храня,
 Мне опустит ладони на плечи
 Беспокойная юность моя.
Ничего-то я в жизни не стою:
Ведь улыбкой печальной маня,
Распрощается скромно со мною
Безответная юность моя.
 И в тумане, в рассеянном свете,
 Оседлав озорного коня,
 Без оглядки умчится, как ветер,
 Бестолковая юность моя.
Ни юлить, ни лукавить не буду,
Никого ни за что не кляня...
Но плетётся за мною повсюду
Бесконечная юность моя!

ИЮЛЬ

Жарче дни – часы тупей.
Слухи слушаю вполуха.
Вот с ленивых тополей

Опадают хлопья пуха –
Словно пасынки, летят
Под подошвы и колёса
Новый выстелить уклад,
А серебряные кросна
Неустанно ткут и ткут
Сотни километров тюля,
Чтоб седой создать уют
Для строптивого июля.
Но для будущих невест
Пуха белого не станет –
Снова слышу, как окрест
Кто-то плачет и чихает...

УЖИН НА ДВОИХ

Увы, болезненно внезапна
Бывает спесь твоя – тогда
Не сразу наступает завтра,
Но пустит корни лебеда,
Что вырастает незаметно,
А после ширится и прёт,
И взять стремится в оборот,
Не оставляя даже метра
Пустой земли... И вот уже
Стоишь на бренном рубеже
И, отворяя двери в ночь,
Ты эхо не прогонишь прочь:
Тебе же друг сегодня нужен!
И, бурную скрывая брань,

Ты пригласишь его на ужин
И сваришь кашу лебедянь.

* * *

Заарканю дикарку удачу
Да в Пегасово стойло сведу,
Приручу и тавром обозначу,
И куплю золотую узду.
Ах, какая жестокая пытка –
Удержаться, гордыню кляня!
Только ты
 в том наезднике пылком
Не узнаешь, конечно, меня
И не вспомнишь,
 как тихий очкарик
Неуклюже шагал по пятам,
И сияньем из глаз его карих
Расцветал поэтический хлам.
А потом – оголтело и слепо
Я в кромешную ночь унесусь...
Где-то там начинается небо,
Начинается светлая грусть.

ИЗМЕНЫ

Мы дышим словно вопреки
Всему на свете, не считаясь
С теченьем жизненной реки
И с тем, что впереди осталось
Разбить и раскрошить в стекло,
Ведь нас томило то и дело,
Обуревало и влекло
На лёгкий лёд любви несмелой.

Встречай, неопытный юнец,
Иных времён ревнивых рвеньё,
И гнев, и смех, и откровенье
Жарой насыщенных сердец,
Когда не важно ничего,
Что полонит и окружает,
Быть может, кроме одного –
Что нас с тобою не сближает.

Сегодня есть лишь этот день,
Который точкой станет ночи,
Но коли утро мудреней –
Оно вчерашним не щекочет;
Оно с упрямством старика
Свои забрасывает сети,

На нас взирает свысока
И миг земной изменой метит.

* * *

Я счастье расщеплял на части,
Стремясь увидеть и понять,
В каких котлах кипят напасти
И вскоре отступают вспять,
И наплывают вновь опять...
Но вот мгновение – и страсти
Перерождаются в ненастье,
В заливы слёз и в боли кладь,
А после снова тишь да гладь...
И это – жизнь. И это – счастье.

В КОМАНДИРОВКЕ

Глаза, глаза, глаза... И голоса.
И скорбные опущенные плечи.
Бродяга, по вселенной колеся,
Тоску свою скитаниями лечит.
 В исходной точке сходятся пути,
 Немее рот и отдыхает ухо.
 Всего-то шаг – и поле перейти,
 Но отчего-то не хватает духа.
И отчего-то хочется молчать,
Ни перед кем ничем не унижаясь,
И просто быть. Молчания печать
Святую опрокидывает жалость.
 Не унывай, не думай, не спеши.
 Невидимое – зримо и прилюдно.
 Командировка краткая души –
 Лишь бледное подобие приюта.

ЗА ЧАЕМ

Я размешивал время в стакане,
Пусть понять никогда не дано
Его истинный вкус – просто канет
В невесёлой вселенной оно.

 Губ моих тот напиток коснётся,
 Дрогнет логика всех теорем –
 И однажды, конечно, придётся
 Поперхнуться мне временем тем.
От мгновенья до целого века –
Отчуждения скорбный шажок...
Не впервые закроется веко
Навсегда, а к чему – невдомёк.

Людмила Ковалёва
г. Нижневартовск

Абрам Яковлевич Кушников (1860-1923)

материалы к биографии

*Статья была опубликована в Ежегоднике
Нижневартовского краеведческого музея. № 9. –
Санкт-Петербург: Реноме, 2019. – С.58-69.*

Торгующий мещанин Абрам Яковлевич Кушников – один из представителей старинного сургутского казачьего рода и один из основателей русского посёлка в юртах Вартовских, ставших впоследствии селом Нижневартовским. Информация об А. Я. Кушникове разбросана по разным источникам: архивным документам, отдельным статьям по истории края и др. Значительный интерес представляет сборник статей и документов «Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв.» (2007). К числу наиболее существенных публикаций по этой теме следует отнести воспоминания Леонида Ивановича Кушникова, внука Абрама Яковлевича, опубликованные в пятом выпуске Ежегодника Нижневартовского краеведческого музея (2015); а также книгу В. К. Белобородова «Русские старожилы Сургутского края» (2017), где роду Кушниковых посвящена отдельная глава. В настоящей статье сделана попытка объединить уже опубликованные разнообразные сведения, касающиеся биографии человека, оставившего значительный след в ранней истории Нижневартовска.

Кушниковы – чрезвычайно распространённая фамилия в Среднем Приобье. В Сургуте Кушниковы известны с XVII века. В «Книге окладного денежного и хлебного жалованья Сургутским служилым людям, ружникам и оброчникам» за 1625/26 годы среди тех, кому было положено довольствие: «По пяти рублёв с четью¹, по семи чети ржи, по чети крупы, по чети толокна, по полутора пуда соли человеку стрельцы и казаки рядовые женатые ж...», указан «Оська Яковлев Кушников». В «Разборной книге служилых

людей города Сургута» за 1687 год упоминается Афанасий Кушников: «Афонька Кушников. По нынешней по 197-й год пятьдесят ему пять лет. В службу вёрстан в Сургуте при стольнике и воеводе при князе Александре Кропоткине. И служит тридцать восемь лет. И был в посылках на Красной Яр с немчином Карлусом для прииску серебряные руды, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми. А у него племянник Антошка Фёдоров семи лет...». Там же в числе рядовых холостых казаков числится Карп Кушников сорока лет: «...в службу повёрстан при стольнике и воеводе при Льве Вельяминове. И служит шесть лет. И был в посылке к Ямышу озеру по соль, а иные посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею служилыми людьми...». В «Городовом списке Сургута» за 1701 год упоминаются Афонасей (Афанасий) Кушников и его родные племянники Онтон (Антон), 20 лет; Иван, 18 лет, Фёдоровы дети. Отдельными строками указаны: Иван Тимофеевич Кушников и Карп Кушников, «...у него сын Сергей 13 лет да племянник родной Михайло Иванов 20 лет...». В «Расписном списке города Сургута» за 1760 г. упоминается Иван Кушников: «...Да остаточной ямышевской соли на приёме у соляного головы Ивана Кушникова 1080 пуд 10 фунтов...». Спустя сорок пять лет в «Ведомости Сургутской русской казачьей команды о находящихся от команды в дальних и ближних отлучках» за 1805 год указаны казаки Семён Кушников, который в числе прочих находился в Петропавловской пограничной таможне «для разъезда за потаёнными сатовками, кирги-

¹ четь – четверть, старинная русская мера объёма

сцами производимыми», и Михаил Кушников, который значился в Сургутском уездном казначействе счётчиком. В «Ведомости о годности сургутских крестьян к воинской службе» указан Алексей Андреевич Кушников, 54 лет, признанный по причине возраста негодным к воинской службе².

Н. А. Миненко в статье «Русские старожилы Югры» приводит сведения 4-й ревизии начала 1780-х гг., согласно которым у 41-летнего Алексея Кушникова и его 39-летней жены было два сына 15 и 14 лет, а крестьянин Иван Кушников навсегда перебрался из Сургута в Томск. Далее исследователь отмечает, что в 1834 году в число мещанского сословия Сургута, состоявшего из 24 семей, входила семья Андрея Алексеевича Кушникова³. Таким образом, Кушниковы обнаруживаются в разных условиях – крестьянском, казаческом, мещанском. Для того чтобы точно определить, к какой именно ветви принадлежал Абрам Яковлевич Кушников, требуются дополнительные генеалогические разыскания.

В Сургутском уезде (Сургутском районе) на одноимённой протоке, на протяжении более чем ста лет, существовала деревня Кушникова (Кушниково), ранее – деревня Кунинская. «Уже в 1805 году существовали 3 небольшие деревеньки в Сургутском уезде: Пилюгинская, Тундринская и Кунинская. Они, однако, не были узаконены, в данные переписей не попадали, а жители их чис-

лились по г. Сургуту...», отмечает Н. А. Миненко. К концу XIX века д. Кунинская (она же Кушниково) была самой многочисленной в Сургутском уезде: в её 27 дворах проживало 146 человек⁴. По некоторым сведениям новое название деревни было напрямую связано с проживавшими там купцами Кушниковыми: Василием Яковлевичем и Александром⁵ Яковлевичем⁶. В советское время деревня входила в состав Сытоминского сельского совета. В 1924 году там был 61 двор и 255 человек

русского населения, работали потребительское общество, школа. В 1940 – 1950-е годы колхоз «Парижская коммуна», славился рыбаками, охотниками и орловскими рысаками⁷. В настоящее время деревня не существует.

Абрам Яковлевич родился в г. Сургуте в 1860 г. (по другим источникам – в 1859 г.). Его отец – Яков Абрамович Кушников (1828–1896) со своим братом Иваном Абрамовичем Кушниковым (ок.1831–1891) вёл обширную торговлю в восточной части Сургутского уезда. По словам

В. Шатова, прямого потомка И. А. Кушникова,

⁴ Там же. – С. 274.

⁵ В воспоминаниях Кушниковой Е. Н. упомин. Алексей Яковлевич

⁶ Кушников, Е. Н. Из истории сёл Сытомино и Кушниково // Времена. Сытоминский сельсовет: антология воспоминаний. – Омск: ООО Омскбланкиздат, 2013. – С. 39; см. также Сургутская районная централизованная библиотечная система: официальный сайт [on line]: метод доступа <https://raionka.ru/e-book/vremena/HTML/index.html#456>. Дата цит. 20.11.2019.

⁷ Топонимы Югры: [on line] метод доступа: <http://slib.ru/kraevedenie/etnograficheskie-stranichki/toponimy-yugry#k>. Дата цит. 20.11.2019.

² Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв. – М.: Галерея, 2007. – С. 368, 449, 458, 470, 472. 522, 549, 550, 553.

³ Там же. – С. 266, 272, 273, 274.

На фото: Абрам Яковлевич Кушников (слева) и Галактион Степанович Клепиков. Конец XIX в. Из фонда Нижневартовского краеведческого музея.

после смерти прапрадеда остались деревянный двухэтажный дом в Сургуте, оценённый городом в 600 рублей, дом, два амбара и три лабаза в юртах Вартовских, более чем на 2000 рублей товаров, 400 рублей наличными⁸. В. К. Белобородов указывает, что Яков Абрамович имел в юртах Вартовских пять бревенчатых амбаров и два сарая на устье реки Ваха для хранения сушёной рыбы. «Всё это, и вдобавок 2 000 рублей, унаследовали его сыновья Иван, Абрам, Гавриил, Александр, Василий и дочь Мария»⁹.

Абрам Яковлевич получил домашнее образование. Некоторое время служил писарем Ларьякской инородческой управы, как это можно понять из дневника У. Сирелиуса, сведения из которого будут приведены ниже. По свидетельству Л. И. Кушникова, Абрам Яковлевич переехал в Нижневартовск в конце XIX века¹⁰. Жил в большом доме с торговой лавкой. Имел также собственный дом в Сургуте. Занимался торговлей. В селе Нижневартовском имел две лавки. Финский исследователь Уго Сирелиус, путешествуя по Оби, подробно отмечал в своём дневнике в августе 1898 г.: «3.9. ...около 23 часов мы подошли к устью Ваха; наш капитан считал, что было бы лучше сойти здесь. На берегу имеется только маленькая избушка, принадлежащая братьям Кушниковым, жителям Сургута, которые ведут торговлю на Вахе. Дома был только слуга. Около дома находился обласок. Начало было неблагоприятным. И какое-то мгновение я колебался, не поехать ли дальше в Сургут. Но затем я услышал, что купцы Кушниковы живут, собственно, в юртах Вартовских, в 15 верстах ниже устья Ваха, и что только там можно узнать всё точнее. Итак, мы вышли на берег. Слуга сообщил нам, что один купец, старший брат Абрам находится на Вахе в торговой поездке, а младший брат дома, в юртах. На берегу находилась также лодка Кушникова... 4.9 ...Мы застали дома не только младшего Кушникова, но и старшего,

⁸ Старожилы Сургута. «Бабушкины клады / В. Шапов : [on line] метод доступа <https://ok.ru/starozhil/topic/65651113265924>. Дата цит. 20.11.2019.

⁹ Белобородов, В. К. Русские старожилы Сургутского края: последняя книга очерков. – Ханты-Мансийск: Принт-класс, 2017. – С. 201.

¹⁰ Игонина, И. В. Село Нижневартовское и его жители в 1920-х – 1930-х гг. воспоминаний Леонида Ивановича Кушникова / И. В. Игонина // Ежегодник Нижневартовского краеведческого музея. №5. – Нижневартовск, 2015. – С. 71.

который, на наше счастье, прибыл накануне; он писец на Вахе и некоторое время тому назад ездил в Сургут по служебным делам. Из переговоров с Кушниковым о лодке ничего не получилось, но зато писец (А. Я. Кушников – прим. Л. К.) заставил управляющего государственным хлебным магазином в этих юртах предоставить в моё распоряжение крытую лодку «остяцкого общества»... 5.9. ...По счастью для этих бедных мест – я достал у купца два фунта сухарей и смог купить для Петруши шубу и черки, так что всё было в порядке... Утром мы загрузили наше судно и около 7 часов начали грести вверх по Ваху, писец [Абрам Як. Кушников – прим. Л. К.] был с нами... 8.9. ...Около 19 часов мы пришли в юрты Саром, где переночевали. Из глухаря, подаренного мне Абрамом Кушниковым, я приготовил себе на ужин жаркое...»¹¹.

Кушников входил в круг зажиточных и уважаемых людей Сургутского уезда, о чём свидетельствует снимок 1913 года из фонда Нижневартовского краеведческого музея (НвКМ-3043), сделанный в Ирбите, вероятно, во время Ирбитской ярмарки, на котором Абрам Яковлевич запечатлён с Галактионом Степановичем Клепиковым, одним из самых богатых людей дореволюционного Сургута¹². (Дом Г. С. Клепикова в Сургуте сохранился, является памятником архитектуры конца XIX века, филиал Сургутского краеведческого музея.) А. Я. Кушников избирался в состав уполномоченных городского собрания Сургута, входил в состав уездного раскладочного по промысловому налогу присутствия¹³.

Абрам Яковлевич несмотря на то, что получил домашнее образование, проявлял интерес к научным исследованиям, проходившим в крае, оказывал поддержку Тобольскому губернскому музею. Задорожная О. В. указывает в своей статье: «... в районе Варты и по реке Вах розничной торговлей и скупкой пушного товара для крупных предпринимателей занимался А. Я. Кушников. Постоянно бывая в инородческих стойбищах и русских деревнях, Абрам Яковлевич собирал различные редкости для Тобольского музея. Он

¹¹ Сирелиус, У. Т. Путешествие к хантам. – Томск, Изд-во Томского ун-та, 2001. – С. 164.

¹² Здесь и далее упоминаются фотодокументы из фонда Нижневартовского краеведческого музея.

¹³ Белобородов, В. К. Русские старожилы Сургутского края: последняя книга очерков. – Ханты-Мансийск: Принт-класс, 2017. – С. 202.

принимал также непосредственное участие в экспедиции томского зоолога С. М. Чугунова, о чём писал в своих многочисленных дневниках...»¹⁴. С последним утверждением трудно согласиться, так как автор не привёл соответствующих ссылок. Пирожников Г. А., бывший уездный исправник, в своих воспоминаниях, указывает только инициалы Кушников: «...На лето 1913 года командирован был в Сургутский уезд Советом Томского университета доктор медицины Сергей Михайлович Чугунов (ассистент при кафедре зоологии университета) для зоологических сборов. В качестве сотрудников по коллекционированию у Чугунова были студент Петербургского политехнического института В. А. Зайцев и сургутянин А. Я. Кушников...»¹⁵, что не подтверждает участие именно Абрама Яковлевича. Учитывая тот факт, что в 1913 г. Абраму Яковлевичу было уже около 53 лет, можно предположить, что в этой экспедиции, скорее всего, он участия не принимал. Обратившись к первоисточнику, видим, что в статье С. М. Чугунова указан не Абрам, а его брат – Александр Кушников, имеющий такие же инициалы: «...В состав моей небольшой экспедиции в качестве сотрудников по коллектированию, вошли студент С-Петербургского Политехнического института Влад. Андр. Зайцев и сургутский мещанин Алек. Як. Кушников. Оба присоединились ко мне в Сургуте...»¹⁶.

Можно предположить, что А. Я. Кушников встречался и с А. А. Дуниным-Горкавичем, который также осуществлял исследовательские поездки по Оби и Ваху, бывал и юртах Вартовских. В Ежегоднике Тобольского губернского музея в отчёте за 1905 год обнаруживаются любопытные сведения – оказывается, основные пожертвования в музей поступили из северных регионов губернии благодаря активной деятельности Дунина-Горкавича: «...До 1 января с. г. поступило пожертво-

вания на пристройку Музея всего 157 р. 50 к.; из коих через А. А. Дунина-Горкавича 98 р. 50 к. и именно от следующих лиц: Е. М. Кайдалова 5., К. Е. Силина 5., К. В. Силина 5-, А. Н. Тетюцкого 5 руб., Г. С. Клепикова 3 р., К. В. Башмакова 5 р., П. А. Плеханова 2 руб., П. П. Алексеева 1 р., В. И. Панкина 5., А. Я. Кушников 5 р....»¹⁷. Среди фамилий сургутских жителей указаны фамилии первых нижневартовских поселенцев – В. И. Панкина и А. Я. Кушников. Далее, на странице 13 в разделе «Краткие сведения об увеличении состава коллекций Тобольского Губернского музея в 1905 г. в списке фамилий тех от кого поступили вещи, указано: «...Кушников А. Я. (Сургут) №№ 4277 – 4278». Все предметы относятся к разделу зоология, вероятнее всего это были шкурки либо чучела животных Ваховского края. Абрам Яковлевич в 1905 году так же входил в число действительных членов Тобольского Губернского музея, плативших ежегодные взносы. Этот факт зафиксирован в разделе «Личный состав Тобольского Губернского музея к 1 января 1906 года». Там же встречаем фамилии Клепикова Г. С., Пирожникова Г. А., Панкина В. И., Силиных, Тетюцких и др.

сургутян. В дальнейшем фамилия Кушников в документах музея не встречается.

Известно, что с 1910 по 1912 гг. А. Я. Кушников был старостой Нижне-Вартовской церкви Сергия Радонежского. Этот пост он занял после смерти Василия Ивановича Панкина – первого

¹⁴ Задорожная, О. А. Предпринимательская деятельность в Сургуте в конце XIX – начале XX вв. / О. А. Задорожная // Северный регион: наука, образование, культура. – 2004. – №1 (9). – С.73.

¹⁵ Пирожников, Г. А. Записки уездного исправника // Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский Север. – Х.-М., Сургут, 2002. – С. 64.

¹⁶ Чугунов, С. М. Отчет о командировке в Сургутский уезд, Тобольской губ. летом 1913 г. // Известия императорского Томского университета. Книга LX. – Томск: Типо-Лит. Товарищ. Печат. Дела, 1914. – [Паг. 4]. – С. 1–5.

¹⁷ Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XVI. 1906 г. – Тобольск, 1907. – С.7.

На фото Нижневартковский музей русского быта, где представлены личные вещи семьи Кушниковых.

жертвователя средств на постройку храма в юртах Вартовских и первого церковного старосты¹⁸. В. И. Панкин и А. Я. Кушников приходились друг другу родственниками: Панкин был женат на двоюродной сестре Абрама Яковлевича – Елене Ивановне Кушниковой, дочери Ивана Абрамовича. После того как в 1911 г. сгорела церковь Сергия Радонежского, А. Я. Кушников некоторое время возглавлял комитет по строительству нового храма. Сохранившаяся переписка с Тобольской Епархией демонстрирует конфликт интересов в выборе места строительства нового храма. Кушников и группа жителей села настаивали на строительстве храма на прежнем месте, то есть – на левом берегу Оби, в селе. Желание Епархии, поддержанное инородцами (остяками), было противоположным – на правом, высоком берегу, на пристани Нижневартонской. Многолетняя тяжба закончилась не в пользу А. Я. Кушникова, он был выведен из состава строительного комитета, новый храм был построен на пристани¹⁹.

С 1912 г. А. Я. Кушников был попечителем Нижневартонского министерского училища (школы) для инородцев, открытую в селе, на левом берегу Оби²⁰.

Имя Абрама Яковлевича неожиданно обнаруживается в документах, связанных с бракоразводным процессом потомственной почётной гражданки Прасковьи Романовны Копыловой с мужем, псаломщиком нижневартонского храма Петром Дмитриевичем Копыловым, где Кушников выступает на слушаниях 4 сентября 1912 года в качестве свидетеля по делу. Названный документ воссоздаёт яркую картину быта в селе Нижневартонском, мы можем представить себе и некоторые черты личности Абрама Яковлевича: «...Абрам Кушников: Копыловых знает со времени приезда его на службу псаломщиком. В обществе женщин лёгкого поведения он Копылова не встречал, видел только гуляющим с Варварой Панкиной. Очевидцем прелюбодеяния его с Панкиной или с кем-либо другим он не был; Ектерину же Путилову совсем не знает. Копылов и Панкина в настоящее время живут как муж с женой, помещаясь в квартире Копылова в одной с ним комнате, но спят ли они на одной кровати

или отдельно, сказать не может, хотя отношения их как мужа с женой. Двое детей у Панкиной, из которых в живых только одна дочь, прижиты, по его мнению, от Копылова, тем более, что покойный мальчик лицом сильно походил на Копылова. Между Копыловым и его женой часто происходили семейные ссоры, во время которых он не однажды говорил, когда они жили у него, свидетеля, на квартире, чтобы она лучше от него уехала и даже давал для этого средства и в одно время, получив от Копылова денег на дорогу, уехала. Чтобы Копылова была буйно-дерзкого характера, он сказать не может, знает только, что она за последнее время ревновала мужа к Панкиной, из-за чего у них происходили неприятности, во время которых они ругались между собой; также не может сказать, чтобы она угрожала мужу лишить его жизни...»²¹.

Сам Абрам Яковлевич Кушников был женат на Александре Андреевне Кондаковой родом из села Локосова Сургутского уезда, где проживал её отец – Андрей Иванович Кондаков. В Сургуте жил дядя А. А. Кушниковой, Василий Иванович Кондаков, старший брат Андрея Ивановича, имел два дома, один из которых, по словам его правнука Л. И. Кушникова, существовал и в советское время, находился на ул. Республики (современное название), там располагался ДОСА-АФ. Абрам Яковлевич рано овдовел, примерно к 50 годам. По словам его внука, Леонида Ивановича, Александра Андреевна умерла от тифа. Абрам Яковлевич скончался в возрасте 64 лет 10 июня 1923 года в селе Нижневартонском (на левом берегу Оби), там же и был похоронен.

Супруги Кушниковы имели шестерых детей: Иван (1890–1935), Таисья Абрамовна (1892–1924), похоронена в Локосово; Яков Абрамович (1895– 1919/20) (?); Мария Абрамовна (1897 – 1977) похоронена в Сургуте; Евстафий Абрамович (1899–1959) похоронен в Ларьяке; Александра Абрамовна (1901–1921), похоронена в Локосово²².

Старший сын, Иван Абрамович Кушников, пошел по стопам отца – закончив Сургутское училище, занимался торговым делом, которое не оста-

¹⁸ Как становятся городами. – Нижневартонск, 2017. – С. 13,18.

¹⁹ Там же, С. 18–28.

²⁰ Там же, С. 38.

²¹ Земля Сургутская: сборник научно-популярных очерков. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2016. – С. 165.

²² Игонина, И. В. Село Нижневартонское и его жители в 1920-х – 1930-х гг. из воспоминаний Леонида Ивановича Кушникова // Ежегодник Нижневартонского краеведческого музея. №5. – Нижневартонск, 2015. – С. 71.

вил и в советское время, – занимал должность уполномоченного нижевартовской факторией Тюменского «Хлебопродукта»²³. В конце 1920-х семья подверглась раскулачиванию. Кушниковы перебрались на некоторое время в Ларьяк, спустя какое-то время вернулись в Нижневартовское. Там Иван Абрамович окончил свои дни.

Второй сын, Яков Абрамович, получил гимназическое образование в Тобольске. Он запечатлён на групповом фотопортрете (второй слева в третьем ряду) «Выпуск гимназии. Класс Кушникова Якова Абрамовича» (ОФ-3043), сделанном, предположительно, в Тобольске в 1915 году. Затем продолжил образование на медицинском факультете в Томском университете. В фонде Нижневартовского музея хранится групповой портрет студентов Томского университета выпускного курса (НВФ-2579), среди которых запечатлён Яков Абрамович Кушников. На пояснительном листе к фотографии сделана надпись «Групповой портрет выпускников курсов санитаров (1919 год), студентов Томского гос. университета (медицинский факультет) перед отправкой на фронт (мобилизация Колчака). Верхний ряд второй слева Кушников Яков Абрамович (1894 – 1920(?))». Судя по всему, вскоре после мобилизации второй сын А. Я. Кушников навсегда исчез в водовороте Гражданской войны.

Вторая дочь Абрама Яковлевича, Мария Абрамовна (1897–1977) прожила самую долгую жизнь. Окончила Тобольскую гимназию, вернулась в село Нижневартовское, пережила перипетии революции, Гражданской войны. Стала учительницей. В числе первых учителей преподавала в сельских школах Нижневартовского сельского совета: Нижневартовской, Мегионской, Покурской. Затем жила в Сургуте, где и окончила свои дни. Детей у Марии Абрамовны не было. Подробные воспоминания о М. А. Кушниковой записал В. Белобородов в своей последней книге²⁴.

Сохранилась фотография, связанная с двумя дочерьми А. Я. Кушников: старшей Марией и младшей Александрой (НВФ-5047/22). Две сестры запечатлены стоящими на тонком, небрежно постеленном ковре, украшенном круп-

ным цветочным орнаментом, с изображениями деревьев и ветряной мельницы в центре. За спиной сестёр – декоративный занавес с изображением старого парка. Младшая одета в гимназическую форму – тёмное платье, белый передник с кружевной оторочкой и белую пелерину; Старшая – в строгом тёмном платье с белым поясом и белым отложным воротником с небольшой, ажурно вязанной дамской сумочкой, надетой через плечо. Фотография монтирована на твёрдый картон, какие-либо обозначения места и времени съёмки отсутствуют. Предположительно, исходя из возраста младшей Александры, фотография могла быть сделана в 1910–1912 гг.

Александра Абрамовна Кушникова, также как и сестра, училась в Тобольской гимназии, после чего вернулась домой. Воспоминанием о тобольской гимназической жизни остался портрет её гимназической подруги Татьяны Сысоевой (ОФ-3050), сделанный в г. Тобольске в 1918 году. На обороте надпись чернилами от руки «Дорогой ШурЪ отъ Тани Сысоевой 1920-го года. Не забывай». Александра прожила короткую жизнь, умерла в с. Локосово в 1921 году, там и похоронена.

Евстафий Абрамович Кушников, по свидетельству В. К. Белобородова, в Гражданскую войну воевал на стороне красных. После войны вернулся в Нижневартовское, женился на дочери Павла Ивановича Кайдалова. Некоторое время руководил Локосовским сельским советом, а когда началось раскулачивание – перебрался в Охтеурье. В 1950-е годы был директором Сабунской производственно-охотничьей станции окружной конторы «Заготживсырьё», был награждён медалью «За трудовую доблесть»²⁵. Последние годы жизни провёл в Ларьяке.

Потомки нижевартовских Кушниковых проживали в Сургуте, Ларьяке, в других городах страны. В фонде Нижневартовского краеведческого музея помимо фотографий и документов, хранятся личные вещи семьи Кушниковых, часть из них представлена в экспозиции Музея истории русского быта. В рамках настоящей статьи нет возможности подробно рассмотреть историю всех поколений Кушниковых, эта тема отдельных исследований и публикаций.

²³ История Югры в документах из Томска (Государственный архив Томской области). – Томск, 2006. – С. 206–208.

²⁴ Белобородов, В. К. Русские старожилы Сургутского края: последняя книга очерков. – Ханты-Мансийск: Принт-класс, 2017. – С. 206 – 208.

²⁵ Белобородов, В. К. Русские старожилы Сургутского края: последняя книга очерков. – Ханты-Мансийск: Принт-класс, 2017. – С. 204.

Крупным планом

Людмила Владимировна Бокова работала, с небольшим перерывом, в газете «К победе коммунизма» («Сургутская трибуна») с 1971 до отъезда из Сургута в 1998 году.

Основными темами журналиста всегда были люди и культурная жизнь.

Предлагаемый вашему вниманию очерк был написан в 2022 году к юбилею его героя – Черняка Якова Семёновича, и должен был

быть опубликован в альманахе «Эринтур». По независящим причинам от автора – не случилось. Сегодня этот материал без изменений предлагаем вашему вниманию.

На службе у Королевы, или Когда цветёт ландыш

Самому именитому работнику культуры Сургута Якову Семёновичу Черняку исполнилось 75 лет! И это еще не всё: одновременно юбилейное 20-летие отмечает и филармония, которую он возглавляет вот уже 10 лет. Эти юбилеи станут одними из самых ярких и значимых событий жизни города и округа в сентябре.

Черняка заслуженно можно назвать гением места. Именно так. Чтобы столько лет руководить таким сложным пространством, как культура, надо быть поистине талантливым человеком. А он это делает более четверти века, работая в отрасли уже 43 года.

Черняк – удивительный... Ни на кого не похожий. Впечатление – будто общаешься с потомком французских аристократов, оттуда, где «вальсы Шуберта и хруст французской булки...». А он родился и провёл детство и юность в послевоенном Харькове.

ГДЕ ВАЛЬСЫ ШУБЕРТА...

– Я всегда видел и ощущал любовь родителей. А это очень важно, она придаёт уверенности уже в твоей будущей взрослой жизни. С радостью прожил бы заново все те моменты. И, кажется, что это навсегда и впереди ждёт одно волшебство, – делится Яков Семёнович подробностями детства.

В четыре года его привели в филармонию, и то своё первое ощущение-потрясение он не забыл. До сих пор уверен, что детей надо с раннего возраста знакомить с искусством. И всё возможное для этого продолжает делать и сегодня.

А тогда, в школьные годы, Яков много читал, отлично учился. Доставляли ему удовольствие и общественные дела – организация вечеров, диспутов, походов с одноклассниками в театр и филармонию. Близкие не догадывались, что все эти увлечения могут зайти так далеко. И были уверены, что профессию, когда придёт время, сын выберет серьёзную: станет, например, инженером. Связывать себя с искусством молодой человек не собирался.

Яков действительно поступил в престижный тогда Политехнический институт им. В. И. Ленина. В вузе, как и в школе, вошёл в состав культурно-массового сектора комитета комсомола. Рискну предположить, что порой это всё нравилось ему больше, чем сама учёба. Занимался в театрах – пантомимы, кукольном. В Харьковском Дворце студенчества было немало технарей, увлечённых искусством. Среди них и Владимир Фокин, будущий известный кинорежиссёр и профессор ВГИКа, брат которого, Евгений, позже переманил друга в Сургут. Дворец студенчества – вот такая кузница кадров. И в этом во всём тоже была поэзия Харькова.

Летом Черняк-студент подрабатывал старшим пионервожатым в лагере. Это стало первой школой взаимоотношений с руководством, подчинёнными и с самими ребятами.

В те годы он начал заниматься фехтованием на рапирах, добившись позже звания мастера спорта. Вот и ещё одна краска для моего «французского» облика Черняка. Расчёт, умение психологически разгадать противника, его настроение – и вот уже тот самый решающий выпад, и тот самый изящный укол...

Учёба подходила к концу, его дипломная работа была связана с гидравликой и шагающим экскаватором. Через много лет он с лёгкой иронией скажет: «Где тот шагающий экскаватор, и где я...».

Парадоксально: получив диплом инженера-конструктора, из вуза Черняк вышел готовым заниматься и совсем другой профессией – работник культуры. Именно этого выпускника через много лет назовут самым именитым в Сургуте.

Его устремлённости позавидуют те самые потомки аристократов, родившиеся с серебряной ложечкой во рту, у которых всё было predetermined высоким статусом ещё до рождения. Черняк добился всего сам. Ну, ещё, конечно, сыграли свою роль везение, умение не упустить шанс, дарованный судьбой.

Распределился на станкостроительный завод инженером-конструктором с копеечной зарплатой. Наверное, он не проявил себя на заводе, как человек, который хотел бы здесь существовать. Конечно, старался тогда увидеть свет в конце тоннеля: ну, инженер первой категории, ну, ведущий инженер, а дальше – туман. Рассеиваться который стал тогда, когда друг Женя Фокин, работавший уже несколько лет на Севере, как-то в один из приездов предложил: «Слушай, а давай и ты в Сургут!».

Не знаю, много ли потеряла станкостроительная промышленность Украины, лишившись Черняка-конструктора, но Сургут, несомненно, выиграл, когда он приехал в северный город к друзьям на разведку. Да, и за запахом тайги ехал, конечно, но в первую очередь надеялся улучшить материальное положение. На крохотную зарплату инженера было уже трудно кормить появившуюся семью.

Яков и сам не знал, сколько пробудет в этом городе – с непривычки неуютном и холодном, с балками-вагончиками, с первыми пятиэтажками и культурным «бездорожьем». Сюда тогда

ехали, кто за длинным рублем, кто за романтикой, а кто по направлению партии, комсомола и правительства. Для него это был пробный период: сколько выдержит – столько выдержит. Устроился к геологам, а у тех базы были раскиданы по всему району, и он мог «приземлиться» в Локосово или Русскинских. Ничто не предвещало сюрпризов, которые готовила ему судьба.

И в это самое время друзья знакомят его с Александром Монастырским, тогда директором Дома культуры «Строитель» – умным, молодым, амбициозным. А Черняк в те времена был без имени и опыта, как обидно бы это ни звучало. Но Александр Яковлевич увидел в нём человека увлечённого, рвущегося в бой, и предложил земляку место заведующего отделом в ДК.

Так Черняк снова вошёл в ту же реку, но с другого берега.

И ПОШЛИ КРУГИ ПО ВОДЕ

Хмурым октябрьским вечером 1980 года, когда он, молодой, худощавый человек, шёл в «Строитель», оставалось ещё много времени до того момента, когда на авансцену жизни выйдет уже другой Яков Черняк. По темпераменту, душевной склонности, на каком-то психофизическом уровне он был настоящим комсомольцем, в лучшем смысле этого слова – зажигательный, искренний, патриот. Вместе с тем уже умел принимать умные перемены. В нём тогда было что-то рокерское, метеоритное. Возможно, сказалось влияние модного Виктора Цоя, его популярного молодежного «гимна» «Перемен, мы ждём перемен!».

На Севере Тюменской области тогда не было ни одной дискотеки, а Черняк загорелся своей идеей – и стал первым дискжокеем в регионе.

Эти дискотеки были вполне комсомольские, развлекательно-познавательные. Проходили в фойе Дома культуры, с применением аудиовидеотехники. В первой части вечера знакомили с творчеством советских, зарубежных ансамблей, популярными исполнителями, во второй – обязательные танцы, ради которых – что скрывать! – в основном сюда и шли.

– Молодёжь приходила разная, далеко не плакатная – эмоциональная, искренняя, подчас бесцеремонная. У каждого своя модель поведения. Старались донести до наших гостей, что мы с ними по одну сторону, мы вместе, мы не жандармы и не гасители их эмоций. Так постепенно принимались клубные правила игры, – вспоминает Черняк.

Для такой работы нужно было быть коммуникабельным, стрессоустойчивым. Ведь дискжokeй не аниматор-весельчак, а человек, который на одной волне с молодёжью. Он вовремя понял, что дискотека не цирк, это серьёзный элемент культуры. Но ещё не знал, что судьба, связанная с ней, может быть всерьёз и надолго.

Многие из тех, кто приходили тогда в «Строитель», стали позже известными художниками, поэтами, руководителями предприятий.

В результате он создал и руководил первой в Западной Сибири экспериментальной дискотекой, той, что вскоре приобретет статус «Дискотека ЦК ВЛКСМ-Югра». Звание не свалилось подарком с неба: сургутяне его получили после победы во Всесоюзном конкурсе с программой «Чудо XX века», посвящённом первооткрывателям сибирской нефти.

И пошли круги по воде: вскоре Якова Семёновича пригласили во Дворец культуры «Нефтяник».

Это была внутренняя перестройка, и сургутский путь – возвращение к себе. ...Шагающий экскаватор, эта умная машина, остановился перед возникшим вдруг перед ним тоненьким зелёным росточком. Остановился, не погубив беззащитную зелень, может, то был даже ландыш. Потом отступил назад, не оставив после себя вывороченной ямы...

Черняк почувствовал, что у него получается, и такой возник простор деятельности, что дух захватывало. Он увидел в этом, как и в спорте, вызов и испытание. Его возраст позволял тогда проверить себя по максимуму и доказать, что он многое сможет. И смог!

За все пять лет, что он руководил, здесь родились молодёжные проекты, о которых заговорили уже за пределами города. И во всех крупных и интересных мероприятиях Тюменской области принимали участие наши нефтяники. Пришло время, и уже в Москве заговорили про Сургут! Вот результат такой популярности: город вместе с ДК «Нефтяник» стал всесоюзной площадкой встреч. «Дни «Комсомольской правды» в Сургуте», всесоюзная встреча комсомольских вожаков «Лидер», на которую съехались молодые реформаторы страны...

А потом серьёзная победа во Всесоюзном конкурсе: ДК «Нефтяник» вместе со своим директором стал лауреатом премии имени Тюменского комсомола.

– Эта награда – символ молодости и нашего горения, один из этапов моей жизни в партнёрстве с лучшими людьми Сургута, комсомольскими вожаками. Молодёжная организация города была тогда самой многочисленной и масштабной в Тюменской области. Так распорядилось время, – вспоминает сегодня Черняк.

ЧИНОВНИЧИЙ МУНДИР ОКАЗАЛСЯ ВПОРУ

Он понимал; надо идти дальше. Всё зависит от ситуации, наполнения жизни, того, что тебе предложат. А предложили место начальника отдела культуры горисполкома. Сургут искал тогда такого руководителя, который совершит прорыв. И нашёл. Черняк оказался на голову выше других. У Якова Семеновича с его высоким профессионализмом, практическим опытом, тактичностью, работоспособностью не было конкурентов. Да плюс и социальное чутьё, умение мгновенно ориентироваться в любой ситуации. Этому он научился в Сургуте, городе суперадаптирующихся людей. Именно тогда впервые примерил чиновничий мундир – он оказался впору.

Поколение Черняка приняло эстафету, и теперь ведущим станет оно, это поколение. Впереди – другая эстетика и другие времена. А они – носители собственного культурного почерка.

При нём культурная среда была оформлена, как спланированная территория. Он открывал второе дыхание города – библиотеки, музеи, музыкальные школы, театр... Но в закулисье процесса создания всех этих проектов лучше не за-

глядывать: там борьба, споры, пот, дипломатия, командировки, подготовка кучи документов. И годы, годы ожидания. Действительно, не стоит смотреть «на сор, из которого растут стихи»...

А позже Черняк возглавил городское управление культуры и весь накопленный «капитал», приобретенный ранее, успешно вложил в новое дело.

«Эпоха Черняка» – это и празднование 400-летия города, когда Сургут позиционировал себя не только как центр нефтедобычи, но и как феноменальный проект по брендированию Сургута. И горожане увидели в те дни выступления лучших театров, редчайшие музейные экспозиции. Северяне аплодировали Михаилу Ульянову, Владимиру Спивакову, Михаилу Жванецкому, Иосифу Кобзону, Игорю Моисееву, Муслиму Магомаеву...

И та ниточка не прервалась, она закрутилась в тугой клубок. Сегодня те творческие связи главенствуют и в Сургутской филармонии.

«Эпоха Черняка»

Что стоит за этим словосочетанием? Это и благотворительная программа «Новые имена», которая поддержала талантливых юных сургутян – художников и музыкантов. Сугубо сургутская и другая программа – «60-я параллель», которая нашла своих участников даже за границами страны.

А потом предложили беспокойное кресло заместителя мэра города по социальным вопросам. И здесь тоже неуклюжих проектов у него не было.

Яков Семенович умеет и любит учиться. Устоявшийся взрослый человек отважно открыл новую страницу жизни и начал смело, дерзко и даже весело заполнять её. И не корявыми каракулями, а четкими строчками. Это оказалось максимально ему к лицу.

По-моему, он самый дипломированный из сургутских работников культуры: у него «корочки» о высшем образовании двух институтов, аспирантура академии при Президенте России, защита кандидатской диссертации.

Авторитет Якова Семеновича в регионе высок: он заместитель председателя Общественной палаты ХМАО-Югры, член Комиссий – по культуре, по вопросам науки, образования и молодежной политики.

Мало кто знает, что несколько лет назад, в оздоровительном центре «Надежда», по иници-

иативе Черняка заработал клуб «Мушкетеры Сургута». Что могло подтолкнуть его к этому? Возможно, ностальгия по юности, а может, он стал одним из мест его силы. Не исключаю, что всё намного проще. Известно, что фехтование помогает выбраться из стрессовых ситуаций. А значит, и появляется возможность ещё больше преуспеть в своём главном деле. Черняк-мушкетер всю жизнь состоит на службе у своей Королевы – Её Величества Культуры. Если что, ради неё он может взяться и за рапиру.

Яков Семенович может быть ироничным и даже колким, когда обстоятельства склоняют к этому. Обладает редким талантом достойно выходить из жёстких обстоятельств. Во многом благодаря тому, что всю жизнь ценит и культивирует товарищество и дружество. Поистине девиз мушкетёров. – «Один за всех и все за одного».

Черняк – один из самых титулованных сургутян. У него порядка 20 наград за труд и вклад в развитие культуры, в их числе – орден Дружбы народов.

А недавно его поздравил Артур Латыпов, глава департамента культуры Югры: Якову Семеновичу было присуждено звание «Почётный гражданин Ханты-Мансийского автономного округа – Югра».

У Черняка много планов: есть мечта привезти профессиональных музыкантов в самые отдалённые уголки округа – туда, где никогда ещё не видели ту же арфу... И это не серьёзное желание: мечту Черняк обязательно исполнит, возможно, уже в этом творческом сезоне, и уже в этом своём новом звании.

А ЧТО ЖЕ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ?

В начале 90-х безбашенных годов наш тогдашний главный редактор «Сургутской трибуны» очень не любил городских чиновников. Всех без исключения. И как-то в конце одной из планёрок сказал, обращая ко мне: «Пора пригласить в редакцию Черняка. К нему накопилось много вопросов». Сказано это было таким тоном, что стало понятно: живым Якову Семеновичу от нас не уйти, хорошо, если ещё не будет долго мучиться.

Передала Черняку приглашение, намекнув о настроении шефа. Всякий раз, когда в нашей газете – а она была в городе изданием номер один – по делу и без дела щипали власть, Черняк это остро переживал.

Он не надул губы, не встал в оборону, а пошёл газетчикам навстречу, дав свое согласие на участие в «Прямой линии».

Разговор был не из легких. Шеф задавал вопросы, скрывая свое отношение под лучезарной улыбкой. Черняк же выслушивал вопросы с олимпийским спокойствием. Не скрылся ни от одного вопроса, в том числе и финансового – любимой темы хозяина встречи. Рассказал о достижениях в отрасли, о неудачных проектах и поделился вариантом помощи газеты управлению культуры. Сказал тогда: чтобы город стал современным и в медиапространстве, надо двигаться навстречу друг другу. Сургут от этого только выиграет.

Доброжелательность – вещь заразительная. Менялся в ходе разговора и наш шеф, сменивший гнев на милость. Ядовитые «домашние заготовки» будто попрятались по ящикам его стола. И когда разговор подошёл к концу, он встал с места со словами: «Подождите, не расходимся». Быстро пошёл к шкафу-пеналу и достал... нет, не автомат Калашникова, а две бутылки шампанского. Это был экспромт с его стороны, было видно, что он и сам от себя этого не ожидал. А что касается Черняка, то это был проведённый им мастер-класс. Он тогда формировал свои отношения со СМИ. И сотрудничество из стихийного разряда должно было перерасти в разряд плановых.

Да, Черняк не любит кислотных цветов, и в отношениях с людьми тоже. В его кабинете и картины были тёплых, весенних тонов. Никакой модной тогда агрессивности.

Он сегодня успешный, влиятельный и по-прежнему интересный мужчина. Красиво стареет, и этого не боится. Ну, почти не боится... Порой ностальгирует по комсомольскому прошлому. Нельзя сказать, что Черняк радикально поменял судьбу: продолжает жить в одной и той же стране, в одном и том же городе, работает по-прежнему в той же отрасли, и ходит по одним и тем же улицам.

В любое пространство, созданное Черняком, всегда хотелось и хочется приходить. Сегодня – в филармонию.

За все годы, особенно последние, она стала в культурном сообществе синонимом разнообразия творческих программ, международного уровня приглашённых артистов, звёзд высочайшего качества. Организацией всех культурных событий. Наряду с вечной классикой – современная музыка, джаз, шедевры драмы...

Это не просто большой коллектив, прекрасное здание – это большое искусство, как бы пафосно ни звучало. Приезд в город таких известных людей и коллективов, как Дмитрий Хворостовский, маэстро Юрий Башмет, которому было предоставлено право сыграть на альте самого Моцарта, Владимир Спиваков, Государственный Академический Малый театр, Государственный Кубанский казачий хор и, конечно, сегодняшних молодых представителей новой волны, подчёркивает статус и значимость Сургута, так же, как статус и значимость самого Черняка. Многие из них выступили в городе благодаря Якову Семёновичу, давая согласие именно под его имя.

Сегодня филармония, по моему мнению, самое эстетское и светское место в Сургуте. Кстати, она единственная во всём округе. Более того, в некоторых городах-миллионниках их нет до сих пор. Почему не всё получается у наших соседей? Возможно, от того, что у них нет вот такого своего Черняка.

Эта работа в филармонии даёт много эмоций и энергии, при этом требуя большой отдачи от самого директора. Конечно, не всё всегда идёт так, как планируешь. У Черняка свой метод подъёма настроения, и он его никому не навязывает, это секрет только для внутреннего пользования.

– Да, это чёртово колесо повседневности... Оно так тебя закрутит, что мало не покажется. И тогда я выхожу из кабинета и иду по коридору. Снизу, сверху, сбоку звучит музыка, слышны голоса – идут репетиции. Всё – по плану. И этот комфортный фон становится для тебя, твоей души, упавшего настроения такой вот «таблеткой». И всё начинает приходить в норму. «Аккумуляторы» поставлены на зарядку, – делится своим «методом» Черняк.

БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ

И сегодня идёшь по городу мимо филармонии, центральной библиотеки, музеев, колледжа Русской культуры, центра «Старый Сургут», музыкально-драматического театра, музыкальных школ, – и с радостью ощущаешь, сколь талантливо его жители. И понимаешь: а мы ведь и сегодня греемся у костра, разведённого когда-то Черняком...

Я не думаю, что Черняк – неисправимый романтик. Яков Семёнович – реалист и практик, но способный оторваться от проблем.

Он всегда, говоря о своей жизни, вспоминает людей, которые встретились, помогли, направили: Евгения и Владимира Фокиных, Софью Липявко, Александра Монастырского, Александра Сидорова, Станислава Бэлзу, Михаила Ульянова... А это уже показывает, согласитесь, не только профессиональный, но и человеческий калибр личности.

Верю, что где бы Яков Семёнович сегодня ни был, он чувствует слова и мысли дружественности и любви, обращённые к нему. Я позвонила в Тюмень, Краснодар, Сургут и попросила бывших и нынешних его коллег сказать немного о нем.

Эта перекличка – символ рукопожатия людей, много лет шедших в одной связке по жизни. Ладонь, раскрытая и протянутая к чужой ладони. Он прочитает и вот тогда состоится это рукопожатие. Через годы, через расстояния.

Маргарита Степановна Бондарева, Заслуженный работник культуры России:

– Яков Семёнович Черняк – мой социальный партнер, он был начальником управления культуры, а я возглавляла горком профсоюза. И почти двадцать лет мы находились в одной упряжке. Он по характеру лидер, человек, имеющий твердые жизненные позиции и наделённый личной харизмой. Надеюсь, что мы слышали друг друга даже в самых непростых ситуациях и смотрели в одном направлении. Яков Семёнович – грамотный управленец, компетентный руководитель и человек с горячим сердцем. С удовольствием вспоминаю, Яков Семёнович, дни совместной работы! Искренне желаю творческого азарта и новых профессиональных побед.

Людмила Васильевна Сахно, Заслуженный работник культуры России:

– Я частенько перебираю фотографии прошлых лет, и всякий раз рада «увидеться» со своими коллегами и друзьями. Испытываю очень тёплые чувства при воспоминании о Якове Семёновиче Черняке. Почти 10 лет я была его заместителем в управлении культуры. Как же было интересно с ним работать! Яркий, инициативный, смелый... Я не помню, чтобы он кого-то дёргал, требовал ежедневных отчётов: он знал, что люди на своих местах и выполняют всё им порученное. Отлично представлял способности и ответственность каждого из нас. Черняк очень уважительно относился к коллегам. Случая, касающиеся меня лично, я никогда не забуду. У меня серьёзно заболел супруг, а нужного лекарства в городе не было. Яков Семёнович тогда ра-

ботал директором в ДК «Нефтяник». Узнав про мою беду, спросил, чем может помочь. И через какое-то время лекарство было у меня. Если бы мне пришлось начать всё с начала, я была бы рада снова поработать с таким отличным руководителем как Яков Семёнович.

Татьяна Николаевна Когут, Заслуженный работник культуры России, награждена медалью ордена за заслуги перед Отечеством II степени:

– Яков Семёнович для меня – Учитель, Наставник и Друг. Благодарю, что доверял и не мешал. А это немало. Спасибо за то, что помог мне с осуществлением мечты – создания в Сургуте профессиональной хореографической школы для детей. Здоровья Вам, Яков Семёнович, и всех жизненных благ!

Какой руководитель и человек Яков Семёнович Черняк? Идеальный! Такого обобщённое мнение о нём у сегодняшних коллег из филармонии. Во всех отношениях – в работе, в общении с людьми, не только с нами, коллегами. А с каждым человеком, зашедшим в филармонию. Если даже тот просто перепутал двери... У него столько энергии, инициативы, что нам приходится бежать, чтобы догнать его, шагающего неторопливо.

Вот такие слова...

Яков Семёнович, будучи руководителем, кому-то помог в карьере, другому устроил получение квартиры, места в детском саду при тотальной их нехватке, кого-то после постановки серьёзного диагноза помог отправить на лечение в зарубежную клинику. Поддерживал словом и делом.

Так что поблагодарить Якова Семёновича захотят очень многие из тех, кто помнит добро.

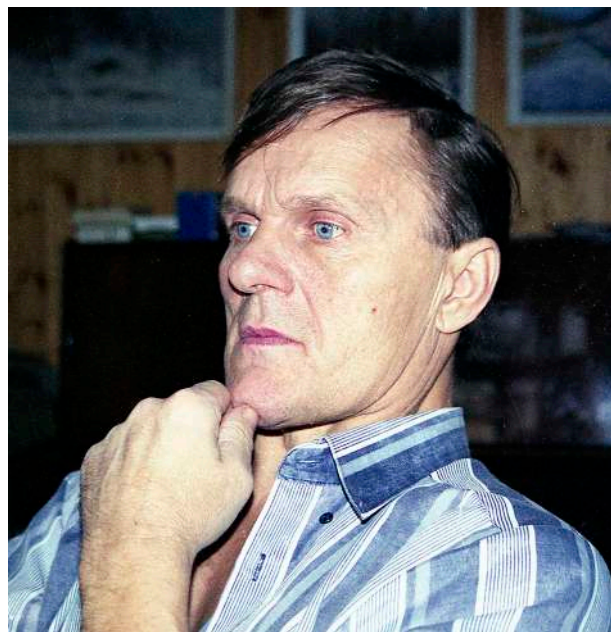
Мне тоже есть за что сказать спасибо этому человеку, и я это сделаю, вот только допишу и поставлю точку.

...Помните, как призывал барон Мюнхгаузен: «Присоединяйтесь, господа, присоединяйтесь!».

45-летию города Мегиона

Дмитрий Дмитриевич Шлябин
Художник. Краевед. Таксидермист. Страстный защитник природы и корневого, настоящего в человеке – для него это неразрывные понятия. А ещё Дмитрий – человек, не боящийся задавать вопросы и ищущий на них нетривиальные ответы. Отсюда и его страсть к экспериментам, и неожиданные житейские опыты, которые далеко не каждому по плечу. В Мегионе живёт с 1961 г.

Вырасти свой сад!

Цветущий сад – одно из прекраснейших явлений средней полосы России! Лучше нету того цвета – кода яблоня цветёт! Кто видел этот благоуханный бело-розовый мир, в его душе, в его памяти он останется навсегда. Трудно сказать, сколько образов этого удивительного дерева создано человеком за его историю.

Но в нашем северном районе, где реликтовые вечные мерзлоты встречаются на глубинах до 700 м, а зимнее промерзание почвы до метра, яблоне – дереву зоны смешанных лесов в дикой природе не нашлось места. В прошлые геологические времена будущая р. Обь понесла воды вдоль мощных ледников с востока на запад до Иртыша. Наша природа – зона темнохвойной тайги, болот. Даже на 100 км. южнее природа отличается более крупным лесом, да и разнообразием видов растений. В природе п. Александровское есть дикий лук (колба), пион уклоняющийся (марьин корень), чалмовидная лилия, ирис и многое другое, что удивляет. Север всегда поражает: чаще приезжих, то красными томатами в огороде в августе, или посадкой картофеля в июне, или в июле, и культура успевает вырасти, вызреть. Продолжительный световой день во благо всему живому при нашем недолгом лете.

Да, северяне хорошо научились огородничеству. Ещё век назад наш знаменитый лесничий так называемой огромной лесной территории –

Сургутской дачи – А. А. Дунин-Горкавич дарил людям наборы огородных семян, помогая кормить семьи продуктами земледелия. В годы советской власти в деревнях работали грамотные агрономы, и уже в 1950-ые гг. жители с. Покур Сургутского района и п. Лекрысово Ларьякского (с 1962 г. Нижневартовского) района – специалисты высоких урожаев, работники колхозов – направлялись в Москву на ВДНХ. Вольные и невольные переселенцы и в 1930-ые гг., и позднее привозили сюда садовые сорта малины. До войны северяне выращивали некрупные арбузы.

С освоением Приобья геологами, нефтяниками, в нашем посёлке Мегионе стали выращиваться новые культуры. Так в 1966 г. в огороде ветврача Малахиной, на грядке появилась ягода, о какой ходили разговоры знатоков: «В стакан три не влезут – морошке не чета...». То была садовая земляника Фестивальная. Она хорошо прижилась, и по сей день – это один из приятных и выносливых сортов, выведенный в 1957 г. в честь проходившего тогда в СССР Всемирного фестиваля молодёжи. В 1969 г. сосед А. Шмырёв получил через Посылторг новые сорта земляники, её часто зовут по первому сорту – Виктория. Экзотикой смотрелись при общественных заведениях, школах, клубах, почте подстриженные кусты жёлтой акации. Отдел культуры предписывал посадку этого красивого кустарника.

В деревне в палисадниках под окном с культурными цветами люди чаще рядом садили для красоты калину, для тени да на радость птицам – черёмуху, да рябину. Бузину не признавали... У старожилов Зыряновых, Малкиных в июле под окном стоял аромат спеющей дикой земляники. Её не часто можно встретить в природе.

Знакомство с фруктами конечно же было по картинкам, букварю, сказкам, кинофильмам за столом только через прекрасные вкусные консервы: варенье, компоты тех лет. Один раз в год привозили большие и очень ароматные китайские яблоки. С другой баржей появлялись арбузы. Со строительством рабочего посёлка геологии в Мегионе открылось ещё несколько магазинов, снабжение населения продуктами, а также овощами и фруктами было вполне нормальным. Так дети могли познать уже вкус многих плодов, не только по вкусным консервам или школьным компотам из сухофруктов. Два-три сорта яблок на прилавке с 1961 г. плюс лимоны и мандарины стали обычным продуктом.

Но душа взрослых, тех кто вырос в окружении садов требует большего – росла бы яблонька, да радовала бы хотя бы цветом, пусть не сказочными молодильными яблоками, да напоминала бы: кому Урал, кому Белоруссию, или рідну Країну, вновь приедем, или прибывшим – Большую землю. Северяне не признавали понятие «Большая земля». Да, в соседнем районе повыше, по Оби в Александровском, в Колпашево, в парках росли дички в 1950- 60-е гг. Случалось иногда, в наш родной п. Мегион кто-нибудь в начале лета сходил по трапу парохода с букетом розовато-го цвета цветущей яблони. Эко чудо! Обступят женщины, вдыхают аромат, да вспоминают, как в старину бутоны вплетались в свадебный венок. Свадьбы чаще играли по осени, когда природа одаривала всё живое новым урожаем. Но, бывало, ведь «и в замуж не втерпёж», то есть весной. По осени в венок невесты приходилось вплетать бутоны, как символ чистоты, но не живые цветы,

а изготовленные из ткани или бумаги. И даже на весенние праздники к 1 или 9 мая на пророщенные листочками ветки берёз наши девочки под чутким руководством учителей пришивали тряпичные накрахмаленные розовые бутоны-цветочки. Смотрелись как живые!

Первая невестка-яблонька появилась в деревне у нашего замечательного весёлого мужика дяди Васи Сироткина. Скучал он по Мордовии, по чудным Волжским садам, взял, да и привёз

саженец яблоньки. Прошло лет пять – и чудо произошло: зацвела и осенью дала красные небольшие плоды. Говорят – чудо три дня! Черёмуха цветёт дня три, а яблонька дней пять. Вот тут-то соседи, да мегионцы, проходившие мимо в конец деревни, в сторону кладбища, повалили к двухэтажному домику поглядеть, подышать ароматом, повспоминать, сфотографироваться, унести душой в детство... Бывало обнимут женщины яблоньку прижмут к лицу ветви с цветами, вдыхают аромат. А кто и слезу смахнёт. Хозяин же счастливый сидит, улыбается, покуривает сигаретку да

рукой помаленьку разгоняет дымок, чтобы не портить женщинам аромат... Да к случаю у него анекдот на тему.

Спрашивают ханта:

– У вас есть фрукты?

– А что это?

Объяснили, что это такое, очень вкусное... на деревьях растёт...

– А, есть на деревьях – белка, бурундук!

Дядя Вася с женой и двумя сынишками в деревне поселился в 60-ые годы. Этот удивительный человек во многом был первым. Первый соорудил шлакобетонный дом. У северян был материал – дерево. Первый в деревне приобрёл телевизор в далёком 1966 г. Освоил изготовление антенны, а это и укрепление её на крыше, учитывая нужный поворот, угол, и проводка кабеля в дом. Для этого в стене необходимо сделать сквозь отверстие. Со всем этим он справлялся. Сам шутил:

«Я инженер-сквозняк у меня всё есть и время имеется». И брался вручную плотницким буром сверлить в стене отверстие. Бескорыстный этот человек стал мастером настройщиком телеантенн, и с десяток лет был самым востребованным человеком в деревне. На телеантенны шли у него и алюминиевые прокладки дизелей, и проволока и мн. др. Да ещё он освоил более тонкую настройку экрана. Не снимая задней крышки телика, предлинными отвёртками добивался внутри регулировкой хорошего изображения, как мы слышали от настройщика – по вертикали и по горизонтали.

Прошло лет двадцать, и Мегион стал городом, а с экранов уже цветных телевизоров часто видели так и слышали авторов перестройщиков знакомое: по вертикали и по горизонтали процессов как негативных... так и... скажем, позитивных. Не трудовые доходы. Ускорение. Продовольственная программа. Социализм с человеческим лицом. Кухонные разговоры. Многие, видимо, хотелось, как пел Викор Цой – «Перемен! Мы ждём перемен!». И «они, товагищи, свершились...». Все оказались в капитализме. Позитивное – люди потянулись к земле. Нет не голод заставил (холодильники всегда были забиты), – захотелось гармонии, тишины своего уголка в жизни, иметь свой домик. Да и первая волна работяг – геологов, нефтяников, подуставшая после трудовых подвигов, подошла к пенсионному возрасту. Дачное движение – прекрасное явление 1990-х годов.

Перестройка!.. С 1980-х годов, чтобы не нарушать задуманный облик будущего города, частное строительство запретили чем породили стихийное балочное временное «трущёбное» на срок от 50 до 70 лет. Восторг и жалость, обиду вызывали эти грядки, клумбочки в этих «шанхях» при наших просторах. В них

к 1990-ым сформировалось новое поколение. Где оно? И вспомнишь слова А. П. Чехова: «Если каждый человек оставит после себя сад – как прекрасна будет земля!». Другой перестройщик предлагал: «Земли, свободы беритя – сколько хотия!..». Дачи росли быстро, облагораживая земли вокруг, тайгу и даже кое-где пойму рек. И появились на участках новые сорта плодовых кустарников барбариса, жимолости, ирги. Наш глава города, уважаемый А. А. Симаков за придание посёлку статуса города он отдал много сил и здоровья) однажды советовался с нашим отцом о плодовых культурах. Последние 22 года отец работал в лесничестве. «Андрей Андреевич везите с Тобольского питомника самое большое разнообразие культур, жизнь, опыт, климат оставит то – что выживет... В этом эксперименте с удовольствием будут трудиться тысячи семей. Даже плохой опыт – это опыт!». Через неделю в город на станцию Высокий прибыл в вагоне, столь желанный груз: облепиха, малина, смородина, и мн. мн. др. Были и сирень, и вишня, и даже районированный сорт яблонь – Сибирская ягодная – зовут её часто райская. За три десятка лет многие культуры заняли место на участках в парках, улиц нашего уютного города. Любитель-садовод А. Головин писал в журнал «При-

усадебное хозяйство»: «Сады должны двинутся на Север». Вёл опыты – получалось... Правда, жаль этот увлеченный человек уехал на Урал ради этой работы и опыта, там возможностей побольше.

Да в нашем районе среднегодовая температура -7. Холодные почвы лишают урожая на 70 %. Но климат за полвека заметно потеплел на 2-3 гр. Обычны стали грибы белые, подберёзовики в тайге и даже в пойме, по гривам леса. В тайге стал обычным груздь настоящий. Сейчас любители собирают их порою

ведрами, как когда-то в пойме тополёвые. У меня в усадьбе на берегу р. Мега растут 4 липы. Посадили их в 1978 г., 4 веточки с корнями я привёз из-под Тюмени. Сейчас эти огромные деревья цветут 3-5 дней в июле с 20 по 25. Удивительно – всегда в этих числах. Всходы от семян редки, раздаю друзьям. Деревья уже уходят на зиму без листвы, но с семенами на ветвях. Птицы питаются этими семенами почему-то не охотно, даже прожорливые свиристели. Заметно на участках с развитием дач прибавилось снегирей, дубоносов, дроздов, но не скворцов...

Улицы наших северных городов стали украшать деревья средних широт. Прекрасно цветёт венгерская сирень. Когда-то красовалась только

у дяди Коли Ведякина. Сейчас в продаже есть всё: и огородные и садовые культуры. Возможно потепление климата позволяет районированным сортам выживать. Клён принимает кустарниковую форму. Американский клён приживается лучше. Дубки растут плоховато, но многое выживает. Всё же это радует.

В 10 лет мальчиком я впервые на родине матери видел богатство садов Белоруссии, сада деда; а это сорта яблок – Штрифель и Папировка, Китайка и чудесный сорт Белый налив. Вишни, сливы, груши... Бери, срывай с ветви. Кушали со старшим братом и сестрой всё это вдосталь.

Во время оккупации немцы вырубали много плодовых деревьев, истоптали сад танками. Мать с отцом встретились после войны в 1947 г. Моло-

дые по доброму обычаю отсадили многое заново в саду. Отец выучился прививке, то есть созданию культурных сортов. Конец войны отец – фронтовик, танкист, сибиряк встретил в Прибалтике и много хорошего говорил о трудолюбивом народе Литвы, Латвии, и хороших яблоневого сада без заборов (литовск. Содис оболис) и о том, как быстро стали понимать этот мягкий красивый балто-славянский язык. Многим солдатам казалось, что они когда-то говорили на этом подзабытом древнем языке... А многие за месяц даже стали сносно говорить, особенно с девушками...

Отец нашей мамы Линник М. И. в летнее время в военном городке был инструктором кавалерии. Он – офицер готовил солдат кавалерии. Говорил маме, что есть – вотяки, а есть – остяки. Так эти остяки стреляют все как снайперы – белке в глаз. Судьба поносила родителей: работали в пчеловодстве, и с ссыльными немцами в лесу, и в геологии, и в 1956 г. оказались в краю первоизданном с прекрасным народом ханты, или остяками... Работали и в сельском хозяйстве. Богатство даров леса, нашей природы – богатые витаминами ягоды, а её всегда было много, да и сейчас не убавилось, всегда было рядом. Заготавливали люди это добро на зиму ведрами. Богатая белками мясная пища, рыбная фосфором и кальцием, дары леса витаминами, а с 1960 гг. фрукты в продаже – всё это создавало у сибиряков хорошую эмаль зубов. Это объективное мнение дантистов. В фруктах южных широт больше углеводов, то есть сахаров. И какая была радость получать от бабушки из белорусского сада сухофрукты с деревьев которые когда-то прививал молодой отец. Тогда он после войны работал в школе военруком и физруком.

Пробовали мы в 1970 г. вырастить из семян магазинных яблок деревца, но чаще они гибли, вымерзали. С 1990 г. я приобретал саженцы, цвет радовал, но всё это были мелкоплодные яблоньки для души, горьковатые на вкус, плоды для птиц. Но мне выдался случай! Однажды в проулке я увидел два проростка яблони по пять красноватых листочков. Пересадили с женою их в огород, и через 5 лет на деревцах появились крупные розовые бутоны, а в сентябре мы пробовали плоды до 3-4 см. Года три плоды крупнели, а в 2016 г. после наводнения деревцо дало семь ведер красно-жёлтых плодов. В одно ведро собрали плоды за 5 см. Вкус улучшался. Предпочитая сыроедение, часть урожая употребили

свежими, яблоки дарили друзьям. Варенье не варим, одно ведро заморозили.

Зрелые коричневые семена лучших плодов посаженные в землю осенью, взошли летом, из своего уже материала, с сестрой на её участке рядом разбили сад! На седьмой год все деревца благоухали цветами, собирая шмелей, насекомых. Какие будут яблочки? Любопытству не было предела... Лето показало. И в кого они только уродились? Разнобой полный! Литература поясняет, что при свободном опылении практически будут новые сорта, и все они будут дичками – мелкими. Культурные сорта – прекрасно прививаются черенками на сибирскую ягодную. У старой яблони после хорошего урожая многие сучья надтреснули от ствола под тяжестью плодов. Вспомнил рассказы матери, что дед подставлял колья-рагульки под сучья. Летом пришлось спасти многие сучья молодого деревца, созданного уже с помощью прививки. Три ведра яблок – всё-таки вес. Зимние морозы почки переносят неплохо, не иссыхают зимой, нет оттепелей – нет ранней вегетации. И всё же древесина веток при срезе кремового цвета – действие мороза. Но растут – прирост до 50 см.

Моё детство прошло в селе, пришлось собирать и урожая огорода, и ягоды, и грибы и кедровые шишки, на делянках лесничества и сосновые. Всё доставляет радость и восторг, но сбор яблок да в корзину (а она наполняется так быстро), да сбор семьей – это особенное чувство! Сколько образов, связанных с яблочком, создано народами, начиная от змия – совратителя (отдельно ему спасибо), а в сказках, мифах, в песнях? Невольно, как в сказке, к яблоньке начнешь обращаться как к живому – как приговаривал наш земляк дядя Вася: «Спасибо, Ужмариня, отдыхай до весны». Со временем все деревца в саду приобретают имена. Первая не иначе как Галатея. Есть в саду Маша, Валяша, так удобнее. Все они разные и по форме, и по цвету, и по аромату, и по вкусу. Есть особенность наших сибирячек – при морозе минус 10-13 замороженные плоды оттаивают и опять на ветвях свежие, также сорванные не мягчают. Возможно, препятствует большое содержание витамина С, как и в северных ягодах. Правда, плотная кожа слабо пропускает аромат. Таковы наши молодильные яблоки, раз душа поёт, молодеет – значит молодильные! Сохраняем отлично, как ягоды и грибы в морозилке. «Морозильные, молодильные», – так шутят

друзья. В школьные годы с другом хантом на уроке пения шкодили, подпевали: утверждают космонавты и мечтатели, что на Марсе будут яблони цвести... Я пел – на Меге, а Витя Сарматов, что на Сайме будут яблони цвести. Вот сила слова! За Саймой у Адрии в бывшей тайге разбит дизайнерами прекрасный сад яблонек. А вот на берегу р. Мега мы с другом экологом Азатом Зубайдуллиным переселили в парк Аллея героям пять деревьев яблонек. За оградой храма у Саймы радуют людей пять яблонь – жена вырастила из семян и подарила саженцы пятнадцать лет назад. Планету Марс оставим мечтателем – Землю ценить беречь надо нам!!! Мне ближе совет А. П. Чехова.

Три года назад в начале июня отзимок, снег погубил цвет моих яблонь, яблоки не родились, родились эти строчки:

ПРИВЕТ ОТ ЗИМЫ

Мир цветущий чернучая туча
Приодела вдруг в белый наряд,
Облепила, закутала снегом –
Дерева как невесты стоят.
И другие уж краски истлели –
Были зелены миг лишь назад
Кедры, сосны, берёзы и ели –
Все белы, словно яблоней сад...
Но подмёрз и без время осыпался
Наших северных яблонек цвет.
Снег растаял, забыли про озимок,
Но зелёных яблочек нет.
Не нальются плоды нежной силою
Не краснеть им зимой у ветвей
Взор порадуют кисти рябины,
Да под цвет им – семья снегирей!
Сказка русского леса – те птицы.
Время снега, и встретим их мы.
Велимир, что за словом стремился,
Вдруг открыл: снегири – времери...

Поэтесса с любовью во строках,
И снегирь, что в июньском окне видим мы,
Как и снег – удивят ненароком...
То дыханье – привет от зимы!

2025 г.

Галина Эдуардовна Хорос

Родилась и живёт в г. Ханты-Мансийске.

Поэт, член Союза писателей России с 1997 года.

Окончила с отличием Тюменскую государственную академию культуры, искусств и социальных технологий (ТГАКИ и СТ).

Работала режиссёром государственной телевизионной и радиовещательной компании «Югория», консультантом Пресс-службы Губернатора ХМАО – Югры.

Дебютировала подборкой стихотворений в коллективном сборнике «На семи холмах соцветие». Стихи печатались в еженедельнике «Литературная Россия»; газетах «Литературная газета», «Тюмень литературная», «Родина», «Ориентир», «Югра литературная»; журналах «Литературная учеба», «Любимая», «Мир Севера», «Регион 86», «Югра», «Знаци» (Болгария); в коллективных сборниках и альманахах «Москва поэтическая», «Чаша круговая», «Эринтур», «Югорская поэма», «Югра глазами писателей, поэтов, художников», «Невечерний свет»; в антологии «Литература Югры: 1930-2000. Кн. 1», «Антология разума» и других. Стихи переводились на английский, азербайджанский, болгарский языки, в 2015 году в США вышел сборник «Если любишь...».

Победитель конкурса «Москва поэтическая» в номинации «Философия женской судьбы».

Награждена Благодарственными письмами Российской Ассоциации просвещения, культурного и делового сотрудничества г.Стамбул за продвижение и популяризацию русского языка за рубежом.

Здесь добрее тишина...

Чуть поскрипывает полка,
Поезд тает в пустоте,
Едет маленькая Лёлька,
Спит комочком в темноте.
С умной книжкой путь короче
И добрее тишина,
А в окно из чёрной ночи
Смотрит хитрая луна.
Лёльку ждут родные люди
Там, где прячется рассвет.
С ними ей так славнo будет
Вспомнить жизнь за много лет.
Будет Лёлик улыбаться,
Будет близких обнимать...
И нельзя уже остаться
Там, где нечего терять.

Раз, два, три, четыре... дальше - без вопросов:
По рисунку, по привычке, по сюжету.
Мой февраль не состоялся как философ
И за ветреность разжалован в поэты.
Скоро высохнут февральские чернила,
А зиме всегда хватает белой пряжи:
Свой клубок она с моим соединила,
Разрешения не спрашивая даже.
Так, по ниточке, вытягивает души
И по схеме заплетает сотни жизней...
С февралём мы зимних планов не нарушим –
Посоперничаем, кто из нас капризней.
Но вопросы остаются без ответа,
Не мигая, в ночь таращится Юпитер,
Безутешно море всхлипывает где-то...
Я спокойна. Я довязываю свитер.

* * *

Разложу любимые игрушки
И чуть-чуть о школе погрузу.
Видно, рано мне ещё в старушки –
Я в старушки точно не хочу.
Скучно мне готовить фарш котлетный
И на грядках дёргать сорняки!
Я б хотела шлем мотоциклетный,
Море и фигурные коньки,
Путешествий, ярких приключений...
Вы не понимаете, друзья?!.
Жизнь полна прекрасных исключений,
И одно из них, конечно, ... !

* * *

Мне говорили: «Забудь, пройдёт.
Чудо живёт три дня».
Это был невероятный год,
Он изменил меня.
Звонкому августу, октябрю,
Терпкому январю
Я оставляю любовь мою...
Помню. Благодарю.

НИЖНИЙ НОВГОРОД

В неуютном городе горький мёд
Злой колдун на ярмарке продаёт.
Липким пальцем книжицу ворошит,
Что кому достанется, ворожит.
Верится-не верится в колдовство,
Только дело клеится у него.
В хитрой книжке вежливый дан ответ,
Что в огне по-прежнему брода нет,
Что случится мне на моём веку
Научиться волчьему языку,
Просто жить, отчаянию вопреки...
А надеждой тешатся дураки.

* * *

Если приближается гроза,
Молнии блещут на горизонте –
Опустив прекрасные глаза,
Мэри Поппинс складывает зонтик.
И не в том беда, что не везёт

С вектором земного притяженья:
Отменить загаданный полёт –
Самое обидное решение.
Но, как только ветер позовёт
На краю бруснично-алой ночи,
Зонт упрямый купол распахнёт –
И опять летит, куда захочет.

* * *

Ёж планы на день записывает в Ежедневник.
От Ёжика требуют швейных работ – мол,
полно иголок,
А Ёжик – поэт, философ, молчун, психолог,
Романтик и путешественник, странник, турист,
кочевник.
Он может, конечно, смирив беспокойный
норов,
Свернуться клубочком и переждать ненастье,
Но ёжиковая жизнь может кончиться очень
скоро,
И где же тогда, скажите, он встретит счастье?..

СТАМБУЛ

Просто оставь нелюбимой зиме бесконечный
холод:
Видишь, расправили крылья воздушные
корабли?
Ты ведь хотела город – так вот он, город,
У него два волшебных моря и две земли.
Нотной грамоте хитросплетённых улиц
Здесь навсегда присвоен секретный код,
Над глубиной пролива пальцы мостов
сомкнулись,
И у каждой лестницы – собственный пёстрый
кот.
Городу ты – никто, миллионный прохожий,
зритель,
Что прочитал всю его историю наперёд.
Знай: даже самый толковый путеводитель,
Увлекаясь деталями, в главном тебе соврёт.
Хочешь почувствовать город – так это просто:
Выучись думать в присутствии ключа.
Чистый и недоверчивый, как подросток,
С татуировкой-граффити на загорелом плече.
Это ведь ты торопишься надышаться
И обещаешь вернуться когда-нибудь.
Город решает сам, кому можно остаться,

Ну, а кому пора собираться в путь.
Так запрокидывай голову в небо, смотри
и слушай.
После, когда леденцово-прохладная ночь
придёт,
Город котёнком тёплым залезет в душу,
Свернётся уютным клубочком – и так уснёт.

* * *

Получив драгоценную визу,
Чемодан набивая добром,
Приготовьтесь к любому сюрпризу,
Чтобы не было больно потом.
Сарафаны и платья из ситца,
Шляпки, шарфики, пляжная хрень
Будут нынче на дачах носиться,
Где давно отрыдала сирень.
Комары, огурцы-помидоры,
Лейки, шлейки и прочий навоз...
Вам зачем о морях разговоры?
Хватит мучить избитый вопрос.
Поскребите родные сусеки,
Изучите судьбу Колобка -
Дома есть и озёра, и реки.
За границу не надо. Пока...

* * *

Нежность не требует слов,
Честность не прячет глаза,
Радость не помнит врагов,
Не признаёт тормоза.
Гордость отступит на шаг –
Поздно, кричи – не кричи...
Ревность до звона в ушах
Ищет к секретам ключи.
Искренность верит в мечты,
Терпит, прощает и ждёт.
Глупость сжигает мосты
Прежде, чем их перейдёт.

* * *

Середина лета мается
То дождями, то жарой.
Как мне это время нравится
Бесконечною игрой!
Ничего всерьёз не делаю,

Улыбаюсь всем подряд,
И моя футболка белая -
Самый праздничный наряд.

КОЛИЗЕЙ

Всё это продолжается веками:
Кочуют стаи птиц под облаками
И Колизей, как тучная корова,
Стоит среди холмов, цветущих снова,
Молчит и наблюдает терпеливо,
Как очередь ползёт неторопливо
Под брюхом каменным. И, равнодушья полон,
Вздыхает. Вечный взгляд его прикован
К тому, как движутся, обыденно и зримо,
Дороги, уводящие из Рима –
Сокровищницы гениальных зодчих –
Больших и малых, мудрецов и прочих,
Кому пришла охота приобщиться
К великому, и тоже притащиться
За тридевять земель, чтоб сделать фото,
Где этот день стоит в пол-оборота
И где мы с восхищением глазеем
На юный дождь над древним Колизеем.

* * *

Приходи ко мне под вечер
Пожелать спокойных снов –
Мне давно обрыдли речи
Всех знакомых болтунов...
Распечатаем заначку,
Можем музыку включить,
Будем старую собачку
Новым фокусам учить.
Электрический фонарик
Дам тебе потом с собой,
А ещё – воздушный шарик.
Красный. Или голубой.

Окончание. Нач на 1 стр.

Поздравив всех участников семинара с недавно прошедшим Днём Эколога, он отметил, что программа семинара очень разнообразна, но связана она с прикладной экологией и нацелена, в первую очередь, на понимание, осознание, изучение, преумножение, использование коллекций.

«Люди, склонные к коллекционированию, бывают очень разные, иногда это можно рассматривать как очень странную черту характера. Но каждый что-то коллекционирует. Кто-то много, кто-то мало. Самая, конечно, ценная коллекция – это коллекция человеческих отношений, душ, людей. Поэтому одно из наших сегодняшних мероприятий будет посвящено попытке нас объединить в ботаническое общество, которая тоже является своеобразной коллекцией людей. Но, конечно, мы говорим в основном именно о ботанических коллекциях, понимая их в широком смысле. Здесь присутствуют профессиональные работники в музейной сфере.

Они меня, наверное, раскритикуют за моё слишком широкое понимание термина коллекция, но в нашем случае под коллекциями понимаются – коллекции живых растений, независимо от того, имеют они какое-то большое научное значение или они используются в качестве образовательного или выставочного варианта. Это, конечно, гербарии, коллекции семян, генетические банки, ткани растений. Это могут быть электронные базы данных. Базы данных связанные с геоботаническими описаниями, так называемые фитоцинотеки. Это образцы изделий из растительных материалов. Это этнографические, этноботанические коллекции, точнее, это ботанические. Это аудиозаписи людей, которые имеют отношение к изучению, использованию растительного мира.

Это постоянные крупные площади, которых на самом деле очень мало, а они очень важны для понимания динамики как природной, так и антропогенной динамики растительного покрова. То есть самый разнообразный спектр носителей, объектов, которые имеют к растениям прямое и косвенное отношение, мы всё называем коллекциями...».

Последовавшие за этим доклады действительно помогли взглянуть на предложенную тему с самых разных углов зрения.

С научной точки зрения была представлена биологическая коллекция Югорского государственного университета. И не абы какая, а грибов. Рассказала о ней заведующая лабораторией «Разработки методики метагеномного анализа» Югорского государственного университета, координатор Сибирского микологического общества, кандидат биологических наук Нина Влади-

мировна Филиппова. Она же является организатором и руководителем Музея Грибов (г. Ханты-Мансийск).

О том, что у нас в округе, оказывается, есть такой музей, многие услышали впервые на этом семинаре. И с грустью узнали о том, что сегодня ещё не закончены работы по ремонту и оборудованию помещений для этого музея после переезда. Конечно, постепенно, по мере формирования специальных карточек на экспонаты, пополняется электронная база музея, входящая в огромную международную систему. Но туда не так и просто попасть...

Не менее интересным оказался доклад доцента кафедры биологии и биотехнологии СурГУ, кандидата биологических наук, Зои Анатольевны Самойленко «Роль биотехнологических методов в создании ботанической коллекции эфиромасличных растений». Когда-то «урожай из пробирки» был символом научного прогресса и неким фантастическим будущим. Сегодня это совершенно обычное для мира науки явление, и только глубина и масштабность прикладных задач и исследований определяют значимость таких исследований. И сургутские учёные в этой области весьма успешны.

Свой взгляд на ботанические коллекции представили сотрудники Музея Природы и Человека (г. Ханты-Мансийск). Оксана Ивановна Белогай, старший научный сотрудник отдела истории и этнографии рассказала о сборе этноботанических материалов в Нижневартовском и Березовском районах ХМАО – Югры у хантов, манси и коми в 2023-2025 гг. И теперь остаётся только ждать интересную книгу с опубликованными результатами этой работы, где с поистине музейной дотошностью будут представлены как биологические, так и лингвистические находки. А об опыте создания живых ботанических коллекций в музейной практике этого же музея рассказала главный научный сотрудник отдела палеонтологии Надежда Николаевна Корикина.

Ещё один музейный доклад о естественнонаучных коллекциях Сургутского краеведческого музея – сделала заведующая отделом археологии, этнографии и природоведческих исследований Сургутского краеведческого музея Армина Епрёмовна Мирошниченко.

Много эмоций и даже некоторую зависть у всех участников семинара вызвало онлайн выступление директора Ботанического сада Том-

ского государственного национального исследовательского университета, председатель Совета ботанических садов Сибири и Дальнего Востока (г. Томск), кандидата биологических наук, Михаила Сергеевича Ямбурова. Его рассказ – «Опыт Ботанического сада Томского государственного университета в сохранении фиторазнообразия и популяризации ботанических знаний» о многогранной деятельности своего учреждения показал, к достижениям каких целей можно стремиться имея, пусть внешне и небольшие возможности, но человеческую заинтересованность и верность своему научному, исследовательскому пути и просто любя Природу.

РУССКОЕ БОТАНИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

В декабре этого года своё 110-летие будет отмечать Русское ботаническое общество (РБО). Основано оно в Петрограде и всё это время содействует всестороннему глубокому изучению флоры и растительности России на современном уровне. Сегодня это российская неправительственная некоммерческая организация, действующая по своему Уставу, относится к таким знаковым старейшим про-научным организациям, как Русское географическое общество или Русское энтомологическое общество.

Задачами Ботанического общества являются: объединение специалистов-ботаников и любителей ботанической науки, а также любителей растений, садоводов, коллекционеров растений и преподавателей ботаники;

координация ботанических исследований в России, проводимых в специализированных научных институтах, университетах, заповедниках, биостанциях и других учреждениях;

пропаганда научных ботанических знаний, углубление преподавания ботаники на разных уровнях образования в России;

развитие объективной независимой критики ботанических трудов, а также независимой ботанической экспертизы проектов, предполагающих оказание воздействия на окружающую природу;

подготовка региональных Красных книг растений и грибов;

проведение конференций, симпозиумов и Делегатских съездов РБО.

Русское ботаническое общество способствует популяризации ботанической науки, изданию научно-популярных книг по ботанике, организует

популярные лекции, семинары, мастер-классы, проводит выставки растений и ботанические экскурсии для широких слоев населения. Члены РБО участвуют в проведении Олимпиад школьников по биологии и экологии, молодежных научных конференций, научных школ, мастер-классов, летних лагерей, экскурсионных и практических занятий для школьников с целью ранней профориентации и довузовской профессиональной подготовки.

Среди учёных Югры членами этого общества являются несколько человек, однако до сего дня они входят в другие территориальные отделения РБО, так как у нас ещё нет своего отделения. Точнее – не было до настоящего семинара.

Об этом рассказал Глеб Михайлович Кукиричкин, и его речь оказалась настолько заразительной, а идеи общества – привлекательными, что многие из участников просто решили вступить в РБО и тут же написали заявления. Проголосовали и за будущего председателя Югорского отделения Российского ботанического общества. Им единогласно избран Г. М. Кукиричкин, так как все оценили его неподдельный энтузиазм в продвижении экологических, биологических и ботанических знаний на нашей огромной территории. Все документы уже отправлены в правление РБО для утверждения.

СУРГУТСКИЙ БОТАНИЧЕСКИЙ САД

Среди докладов семинара два были посвящены деятельности Сургутского Ботанического сада. Дарья Викторовна Богданова, лаборант ЦКП, младший научный сотрудник СурГУ представила Весеннецветущие растения в коллекции Ботанического сада СурГУ и перспективы их использования в озеленении северных городов.

Значимость Ботанического сада Сургутского государственного университета – как стратегического проекта для всего округа в своём горячем выступлении раскрыл доцент кафедры экологии и биофизики СурГУ, научный руководитель Ботанического сада СурГУ, кандидат биологических наук Г. М. Кукиричкин.

И уже теоретическая часть была иллюстрирована замечательной экскурсией по самому Саду. Неожиданно широкая география обитающих сегодня в Саду растений удивила и порадовала. Хорошему настроению благоволило и разгулявшееся после дождя солнце.

Цветущие первоцветы, свойственные для очень дальних от Сургута экосистем, конечно же порадовали красками. Но не только травянистыми растениями уже богат Ботанический сад. Интереснейшая коллекция древесных пород, среди которых только клёнов почти десяток видов, а также липа, дубы, вязы, несколько видов ольхи, сосны кедровой... А ещё миниатюрная, но настоящая плантация дикой княженики и другие опыты по районированию (считай садоводческому воспитанию) плодоносящих кустарников.

Но не только радость от общения с живой природой получили участники семинара. Весьма огорчили проблемы, которые все эти годы, несмотря на свою значимость для огромной территории округа, испытывают и сам участок и люди, которые вкладывают в него душу.

«Единственное, что все мы знаем, где находится наша Югра, мы являемся воротами в Арктику, и поэтому Сургут находится в узловом центре на этом пути. Да, благодаря поддержке Департамента образования и науки нашего округа, у нас есть государственное задание, которое позволяет вести научную работу, – продолжил рассказ о ботсаде Глеб Михайлович. – Ездить в экспедиции, участвовать в командировках, закупать некое недорогое оборудование, расходные материалы. Но, например, хозяйственную работу мы вести не можем...». И выливается это в отсутствие водопровода, нормального крытого помещения для лабораторной и административной работы, самый минимум ставок сотрудников, фактическое отсутствие электричества и многое другое. А ведь местоположение сургутского ботанического сада на фоне ботанических садов мира – одно из самых северных...

БАРСОВА ГОРА

О «Спасении биологического разнообразия урочища «Барсова Гора» и текущих проблемах этого уникального урочища рассказал Тюрин Валерий Николаевич доцент кафедры экологии и биофизики СурГУ, кандидат биологических наук.

Уникальность территории: «... на правом берегу реки Оби, на площади в 17 кв. км выявлено грандиозное количество памятников археологии всех известных исторических периодов: от эпохи камня – до нового времени. Это 66 городищ, свыше 300 стоянок и селищ (остатки более 3000

жилищ и построек), 8 могильников, святилища, клады. Такая концентрация объектов природного и культурного наследия на одной территории является уникальным явлением для всей Западной Сибири и России в целом. Возраст Барсовой Горы как объекта геологического наследия составляет более 200 000 лет. Вплоть до настоящего времени здесь произрастают более 50 редких видов растений. 8 из них внесены в Красные книги. В культуре народа ханты Барсова Гора – священное место».

Формирование Барсовой Горы происходило в процессе движения ледника в эпоху самаровского оледенения – максимального для Западной Сибири. Уникальное сочетание геологических характеристик этого места привело к формированию особых природных условий и специфического ландшафта Барсовой Горы. (из сайта Барсова Гора. Дом древних культур)

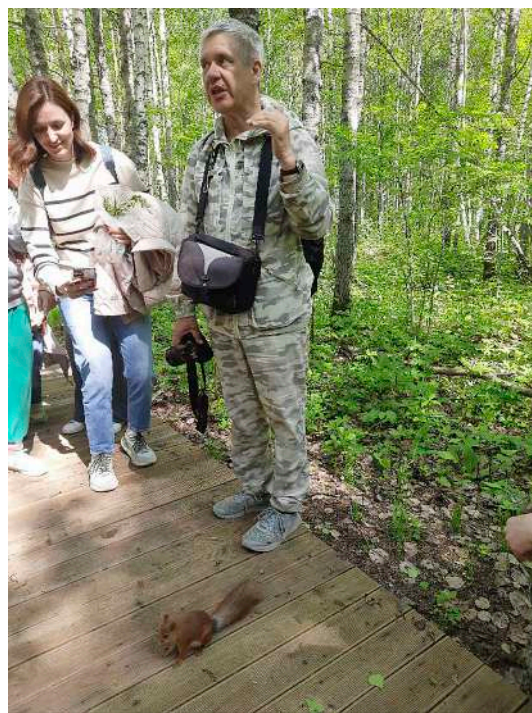

На сегодняшний день состояние территории очень важная проблема. Уничтожена примерно половина культурного слоя. Сохранность территории всего 20 %. По ретроспективной оценке и мониторингам с 1964 г. видно, с какой скоростью идёт

уничтожение, что позволяет сделать прогноз: к 2030-2050 г.г. ничего не останется.

Среди причин: рядом находится г. Сургут и Барсова Гора хорошее место для дач; территория нефтяных месторождений – с 60-х годов бурили, не подозревая об уникальности места, хотя книги были с 1935 г.; ж/д, автодорога; карьеры, вырубки, строительство в посёлке Барсово; туристические комплексы и отдыхающие; отсутствие корректных методик оценки территории.

Так, наиболее уникальная во всём ХМАО территория находится в невероятно плачевном

состоянии. Требуется пропаганда, призыв к действиям и разные взгляды на проблему и то, как необходимо изменить ситуацию по защите. Для начала: изучение всей территории, концентрации редких видов растений, археологических объектов.

Продолжился доклад и обсуждение в экскурсии по Барсовой Горе. Увидели некоторые виды в цветущем состоянии.

**Татьяна Юргенсон,
Маргарита Сладкова**

Фото авторов

История одного кынта

*Из материалов МАУ «Регионального историко-культурного
и экологического центра».*

г. Мегион

Музейный фонд муниципального автономного учреждения «Региональный историко-культурный и экологический центр» (далее Экоцентр) г. Мегион хранит и экспонирует 20799 экспонатов. Коллекция регулярно пополняется и в настоящее время.

На сегодняшний день музейный фонд делится на 19 фондовых коллекций по совокупности разделённых по материальным и тематическим признакам: «Археология»; «Аудиовизуальный фонд»; «Геология»; «Декоративно-прикладное искусство»; «Документальный»; «Естественно-научный фонд»; «Зоология, ботаника»; «Игрушки»; «Изобразительные источники»; «Историко-бытовая коллекция»; «История техники»; «Нумизматика»; «Палеонтология»; «Периодические издания»; «Плакаты, афиши, открытки»; «Редкие книги»; «Филателия»; «Фотографии и негативы»; «Этнография».

Остановимся на этнографической коллекции, которая в настоящее время включает около две тысячи предметов. Среди них насчитывается 189 предметов различной берестяной утвари, 101 из которых поступили от представителей восточных хантов.

В этой статье обратим внимание на заплечные кузова. В этнографической коллекции экоцентра их всего восемь единиц. Лишь половина из них были изготовлены народными мастерами восточных хантов и бытовали в их традиционном хозяйстве (рис. 1. Кузов заплечный. Мастер Казамкина П. В. МКМ КП-7526-1_1; рис. 2. Кынт – заплечный кузов МКМ КП-971_1; рис. 3. Кузов заплечный МКМ НВФ-3106-1-2; рис. 4 Кузовок заплечный МКМ КП-240_1-2).

В музейных экспозициях и выставках центральным звеном является экспонат – аутентичный источник знаний и эмоций. Но, предмет, не имеющий информативности, мало, о чём может рассказать. Каждый предмет оживает в том случае, если имеет свою легенду. То есть – имеет полную информацию об изготовителе и владельце (могут быть разными людьми), о времени изготовления, замены владельца, о месте и среде бытования, способах применения, видах эксплуатации и т.п.¹ Интересные истории из жизни владельцев связанные с предметом, так же являются важными в жизни экспоната.

Из выше представленных четырёх заплечных кузовов внимание многих привлекает орнаментированный заплечный кузов МКМ КП-240_1-2 (рис. 4). История этого вместилища началась во второй половине XX в. в далёких 1955-1957 годах. Именно в эти годы из осенней бересты изготовила этот кынт (хант: сург. диал.)² – сосуд для переноски (транспортировки) ягод, грибов, орехов, продовольствия и мелкой клади, житель Юрт Ачимовых-2, Аграфена Ефимовна Кельмина.

По воспоминаниям старшей дочери Аграфены Ефимовны, Зои Ильиничны Сурломкиной (Кельминой) – «...Аграфена Ефимовна родилась в середине лета 1938 года на Большом Югане. Её девичья фамилия (по маме) Усанова. У её отца фамилия – Немчимов, родом он был из-под Тюмени.

¹ Захарова О. И. Словарь музейных терминов: учеб.-метод. Пособие [Электронный ресурс] // Красноярск. Издательский центр БИК СФУ. 2013. С. 8.

² Все хантыйские термины, использованные в данной статье, взяты из Сургутского диалекта хантыйского языка, аганский говор.

Рис. 1-4

На Малый Юган, в юрты Ачимовы-2 она перебралась в связи с замужеством. Она связала свою судьбу с Ильей Александровичем Кельминым (1936 г. р.). Переехав на Малый Юган, работала в зверосовхозе по выращиванию лисиц и норок.

С детских лет она была приучена к ведению хозяйства, к рукоделию. Умела всё. Прекрасно владела деревообработкой. Изготавливала и берестяную утварь. В те времена многие выживали за счёт всего, что добывали в лесу. Аграфена Ефимовна иногда вместе с Ильей Александровичем ходила на рыбалку, собирала дикоросы. Для сбора и транспортировки ягод, рыбы берестяные вместилища были лучшей тарой. В этих делах важно было иметь легкие, прочные и объёмные ёмкости для переноса и хранения дикоросов и продуктов. Поэтому в хозяйстве Кельминых были как набирки (вуньчэп, вунтьэп), так и различные короба (йэңэд), кузова (кынт). Аграфена Ефимовна, будучи мастерицей высокого уровня, изготавливала их как для собственного пользования, так же для супруга и других членов семьи».

Добывала и заготавливала материал народный мастер, в смешанном лесу. В таких лесах можно снять необходимую бересту и сразу заготовить прутья черёмухи и корни кедра, для изготовления сарги необходимой для прошивки. Заплечные кузова изготавливала из осенней бересты.

Восточные ханты считают, что хоть осенняя береста плотная, но достаточно эластичная, прочная. При необходимости более тонкой, её просто расслаивали.

Для представителей этноса, ведущих традиционный образ жизни, очень важно было иметь лёгкие, удобные и вместительные короба для переноски различных грузов. Иногда им, пешим, приходилось проходить ни один десяток километров с места промыслов до стойбища.

Со слов Зои Ильиничны: «...Отец был очень хорошим мастером по деревообработке. Изготавливал лодки – обласа, калданки; нарты и много того, что ему было необходимо в рыболовстве и охоте. Работал он в промыслово-охотничьем хозяйстве (далее ПОХ). Добывал рыбу и пушнину для себя, семьи и сдавал в ПОХ. Мама вела домашнее хозяйство, занималась детьми. Нас у них было семеро. Работы на стойбище хватало»³.

Уклад семейной жизни у обских угров, был в целом патриархальным. Главой семейства считался мужчина, а женщина во многих отношениях подчинялась ему, при этом каждый имел свои обязанности, свою функцию, благодаря чему регулировались межличностные отношения, создавалась гарантия от конфликтов⁴.

В 1974 году Ильи Александровича не стало. Аграфена Ефимовна перешла работать в ПОХ. Стала самостоятельно ловить рыбу, охотиться. Промышляла не только с ружьём, но устанавливала капканы и ловушки. Добывала и разделывала птиц и зверей, самостоятельно выделяла их шкурки. В ПОХ сдавала готовую продукцию. В связи с промысловой деятельностью она практически всегда находилась в лесу. Нужно было с собой носить провизию, приманки с припасами. Обратно нести добычу. Ноша получалась не из лёгких. Выручала берестяная утварь – она не бросала любимое дело, всю берестяную утварь продолжала изготавливать сама. Особенно был необходим кынт.

Бересту заготавливала по пути с рыбалки или охоты. Иногда, шла снимать кору, насторожив ловушки или поставив сети. В течение нескольких часов у неё появлялась возможность собрать сырьевой материал или дикоросы. Рачительной

³ Из полевых материалов Ибраевой Р. А. 2023.

⁴ Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Знакомьтесь: ХАНТЫ ВО // «Наука». Новосибирск.1992. – С.11.

хозяйкой была Аграфена Ефимовна, старалась никогда не терять драгоценного времени.

Зоя Ильинична рассказала, что: «Вечерами после охоты она до позднего вечера выделывала шкурки, шила или мастерила различные короба из бересты. Скоблила орнаменты на бересте тщательно, не спеша. Все вместилища использовали в своём быту. Дети вместе ходили собирать ягоды и другие дикоросы. Каждому нужно было изготовить набирку и заплечный кузов. Что интересно, так это то, что росли дети, а вместе с ними росли и вместилища. С учётом роста и силы детей Аграфена Ефимовна изготавливала детям новые набирки и кузова. Орнаментировала их так, чтобы они отличались друг от друга, но при этом имели и сходства».

Вместилища, изготовленные руками Аграфены Ефимовны, были узнаваемы везде. Если дети, заигравшись забывали свои набирки где-либо на месте сбора ягод, их быстро находили.

Зоя Ильинична вспоминает: «Как-то пришла домой, а мама говорит – «прилетали с Мегиона. Передала им в музей свой кынт». Сколько себя помню, она всегда пользовалась именно этим кузовком. Мастерила и другие, но сама пользовалась именно этим. Он был очень удобным. Собирая ягоды, мама не брала с собой набирки, ягоды всегда набирала в крышку кынта. Видимо специально изготовила его глубоким.

К нам приезжали с разных мест. Рассматривая этот кынт, кто-то просил подарить, кто-то продать. Мама никому и никуда не отдавала, и не продавала. Она не только со своим кынтом не расставалась, даже простые куженьки для кормления собак не отдавала. Виктория Ивановна Сподина ей очень понравилась, и она подарила ей свой любимый кынт. Этот кузовок – единственный предмет, который стал экспонатом музея. Больше ничего и никогда мама не отдавала, ни утварь, ни одежду, ни обувь. Вообще ничего не отдавала».

Кынт МКМ КП-240 был изготовлен Аграфеной Ефимовной в юртах Ачимовы-2, р. Малый Юган. Данное берестяное изделие хантыйской мастерицы вызывают восхищение. Он полностью орнаментирован с наружной стороны, привлекает взгляд любого человека. За счёт скобления слоя бересты бурого цвета народный мастер нанесла на стенках, боках, днище, на поверхности и бортах крышки целый комплекс орнамен-

тов (рис. 5-7). В целом этот комплекс состоит из пяти широких полос: две крайние полосы с симметричным рисунком проходят по стенкам, а средняя составляет рисунок дна. Ещё две расположены на крышке.

В узорах встречаются как геометрические мотивы, так и стилизованные изображения животных, в основном, варианты узоров «заячьи уши» (чэвыр пыл), «орнамент игольницы» (намыт қанчы), «крыло маленькой чайки» (ай қолэк пайдаң) и ряд других. На внешней плоскости крышки – розетка с осложнённым орнаментом креста (пирна), на ободке крышки – орнамент берёзовый сук (сухмэт нөк-кон, сувмыт нух)

Рис.5

Рис.6

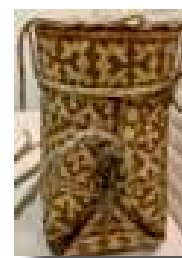

Рис.7

Печально, что многое из того, что буквально 10-20 лет назад являлось необходимой частью бытия, из чего состояла культура коренных малочисленных народов Югры уходит безвозвратно. В настоящее время берестяные вместилища бытуют у восточных хантов, но мало кто из современных изготовителей повторяет работу своих предков. Красиво орнаментированные вместилища изготавливают в основном в качестве сувенирной продукции или выставочных экземпляров. А ранее каждая хозяйка старалась, чтобы её изделия имели свой облик.

Любимый кынт Кельминой Аграфены Ефимовны является живым примером самобытного искусства восточных хантов. В настоящее время вместилище занимает почётное место в экспозиции муниципального автономного учреждения «Региональный историко-культурный и экологический центр» «Два народа, живущих по «подолу Земли». Каждый желающий увидеть это произведение самобытного искусства представительницы восточных хантов, может созерцать его в женском углу указанной выше экспозиции.

Елена Архипова

Москва

Давидкины рассказы

«ТРОЙКА» ЗА ГОД

Внуки вырастают быстрее детей. Может потому, что видишь их реже. Но к двенадцати годам бабушки и дедушки выходят из круга их общения. Особенно если ругают за двойки или пропуски в школе. Они говорят по телефону, как любят вас, как скучают по вам и как всё переделают, когда приедут, но приезжают раз в два месяца. Нам тоже приходится взрослеть и понимать, да себя вспоминать.

Стадию «Вам от бабушки только деньги нужны...» мы благополучно проехали. Но неожиданно для себя нашли оптимальный вариант, который позволяет участвовать в жизни подростков.

– Ба, привет! Как дела?

– Устала в школе... Ты-то себя там не утруждаешь. Научи, как так можно жить?

– Почему... я сегодня хорошо сходил в школу. У меня было четыре математики. Сидел весь день перед учителем и выполнял домашку за весь год, сентябрь, октябрь... Блин, волосы зашевелились на голове, ботаном себя почувствовал.

– Ого! Вот это достижение! Как это твоей учительнице удалось? Она тебя, усадила за уроки... Может она после этого тебя усыновит?

– Предложение конечно заманчивое, но вынужден отказаться.

– Так что с заданиями? Справился?

– Да. Всё хорошо, три по алгебре, выходит! В прошлом году я допустил большую ошибку, когда ссорился с учителем. В этот раз я принёс ей пирожков на чаепитии. Там были с луком, ты же знаешь, я с луком не ем...

– Я бы на её месте побоялась взять у такого двоечника еду, вдруг насыпал туда что-нибудь.

– Ты обо мне плохо думаешь... Я теперь с учителями дружу.

– Ну, это мы в следующем году посмотрим... Вот мне интересно, какую последнюю фразу она сказала тебе на прощание?

– Всем ребятам она сказала:

– Желаю вам хороших каникул, а мне сказала:

– Уйди, чтоб глаза мои тебя не видели!

– Как же я её понимаю... Наш с тобой последний урок математики закончился рукоприкладством. И сколько я должна тебе за эту историю?

– Оцени сама...

– Ну, если честно, сюжетик простоват... Без развития ученика и безрадостный для бабушки.

– Ба! Зато поучительный какой...

– На двести рублей потянет... Согласен? Но с тебя письменное изложение истории.

– Договорились...

– Когда приедешь? Яму надо копать.

– Ба, скоро приедем с Никитосом, всё-всё переделаю...

НЕЗАДАЧА

Последние дни учебного года... Тройки уже стоят в журнале, выгоды сидеть никакой, а тяга к знаниям нулевая. Да ещё солнце разогревает форму, как тэн фритюрницу. Решили мы с товарищем не мучаться и незаметно уйти домой после третьего урока. Всё равно уже ничего не делаем, учителя с отчётами бегают, двоечников подтягивают (нас уже подтянули), а ученики в телефонах залипают.

Вышли мы из кабинета, прямоком в раздевалку и тут... незадача... Встречается нам руководитель кадетского корпуса – товарищ подполковник... И встречает он нас вот какими словами:

– Друзья мои! Как хорошо, что я вас встретил! Зайдём ко мне...

– Ну всё... Влипли. Кабинет школьных военачальников – это даже не кабинет директора или соцпедагога, где с тобой разговаривают на человечно-педагогическом. Здесь всё по законам военного времени. Предательство – расстрел, проступок – подзатыльник или пинок (ну, это за беспредел) и новый позывной. Это пыточная твоей совести, территория для «поговорим по мужски»... иногда Кремлёвский зал для вручения секретной благодарности, в зависимости от обстоятельств. В кабинете площадью метр на два – три рабочих места. Распиленная на две части парта и один письменный стол. Здесь ко всему иное отношение и иное измерение времени.

– Уже никто никуда не торопится. Ещё успеете натворить, а нам надо серьёзно поговорить....

Подполковник подвёл нас к столу и указав на чёрный пыльный аппарат спросил:

– Кадеты, знаете ли вы что это?

– Магнитола!!! – не без гордости ответили мы.

– Правильно, кадеты, это магнитола! А знаете ли вы, что она пела уже тогда, когда вас ещё и в планах не было. Сечёте?

– Сечём.

– Вот... Хочу продать... Как думаете, товарищи кадеты, купят?

– Никак нет, товарищ подполковник...

– Спасибо... За честность спасибо... А почему так думаете?

– Вид не очень товарный.

– Дааа... что верно, то верно. Да вы сообразительные малые! Ну, вот вы её и приведёте в товарный вид. Почистите, покрутите... А потом сразу домой. У вас же уроки ещё не закончились?

Мы с другом переглянулись, взглядом пообещав друг другу быстро справиться с незадачей. Если сопротивляться бесполезно, то надо быстро соглашаться и делать. С подполковником у нас никто не спорит. Во-первых бесполезно, а, во-вторых, больно. Вооружившись ватными палочками и дисками, мы старательно отёрли старушку от грязи и пыли, и даже порадовались за неё, но не за себя. Потому что пока мы драили магнитола, которая, пела песни нашим дедушкам и, возможно, ещё споёт нашим девушкам, одноклассники, те, которые не сбегали с уроков, а играли в телефоны, благополучно ушли домой. Мы тоже ушли, но на час позже.

Подполковник работу принял благодарно, даже заплатил: дал конфету и полстакана «Байкала». Вернее, налил стакан, отпил, крикнул от удовольствия, а оставшееся поставил перед нами.

Не то чтобы в этот миг я поклялся не сбегать больше с уроков... Но теперь каждый раз карту «а не уйти ли домой пораньше?» будет накрывать козырь «а не почистить ли вам магнитола?».

Рис. Натальи Кучук

Азат Зубайдуллинпредседатель ОО «Нижневарттовское Рериховское общество «Гармония»,
заслуженный эколог ХМАО-Югры

Путешествие сквозь время и пространство

*(к 100-летию Центрально-Азиатской
экспедиции Н. К. Рериха 1923-28 гг.)*

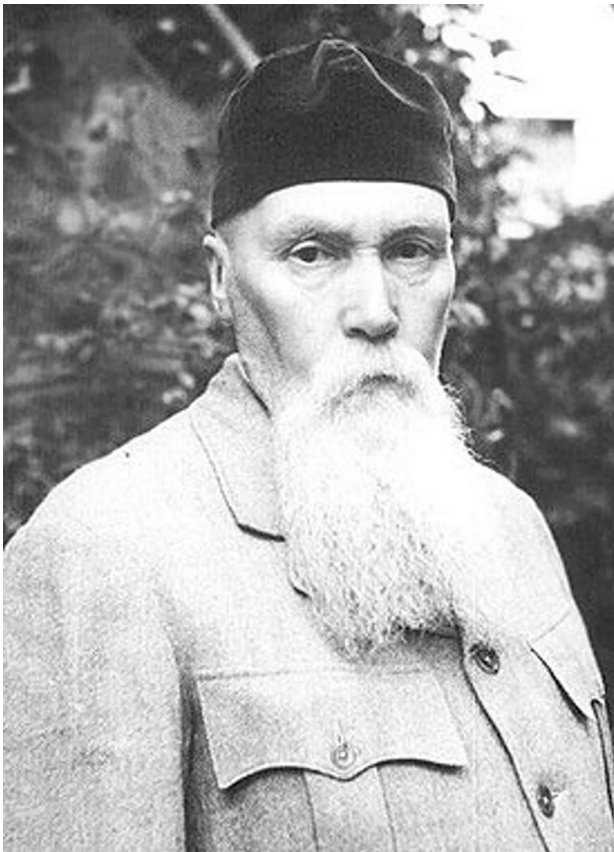
Николай Константинович Рерих – художник, учёный, писатель, мыслитель, неотделим от Рериха – путешественника. Участник многих археологических и художественных экспедиций. Его личная коллекция предметов каменного века, собирать которую помогали ему все члены семьи, насчитывала около 100 тысяч экспонатов. Эта коллекция неоднократно выставлялась в музеях Европы.

Осуществлённая им в 1923-1928 годах Центрально-Азиатская экспедиция, крупнейшая в 20-ом столетии, стала одним из главных свершений его жизни. Весь творческий путь Рерихов

можно условно разделить на три этапа: подготовка к Великому Путешествию, сама Центрально-Азиатская экспедиция и, наконец, период осмысления её результатов, нашедшего своё выражение в выдающихся художественных полотнах, философских, научных, исторических и публицистических произведениях, основные идеи которых были воплощены этой великой семьёй в их обширной культурно-просветительной деятельности.

Экспедиция была уникальной во всех аспектах. Это и её длительность – более пяти лет. И протяжённость маршрута с охватом обширных пространств Азии – весь пройденный путь насчитывал свыше 25 тысяч километров. И местность, по которой проходила экспедиция, – преодолено 2 пустыни, 35 высокогорных перевалов высотой от 3,5 до 6,5 тысяч метров, многие из которых на тот момент отсутствовали на географической карте. Караван экспедиции, выйдя из Индии, прошёл через Сикким, Кашмир, Ладакх, Синьцзян (Китайский Туркестан), Джунгарию, Алтай, Монголию, Цайдам, Тибет и вновь вернулся в Индию.

Подобной экспедиции ещё не было в новой истории человечества. По особенностям маршрута и собранным материалам она по праву занимает особое место среди крупнейших экспедиций XX века. Были проведены археологические и этнографические исследования в неизученных частях Азии, найдены редкие манускрипты, собраны лингвистические материалы, произведения фольклора, сделаны описания местных обычаев.

Центрально-Азиатская экспедиция не имела прецедента в истории изучения Центральной Азии и ныне занесена в золотой фонд географических открытий.

Ближайшими помощниками Николая Рериха в экспедиции были его супруга – Елена Ивановна Рерих – русский философ, писательница, общественный деятель и их старший сын Юрий Николаевич Рерих – выдающийся востоковед и лингвист-переводчик, в совершенстве владевший более тридцатью языками.

Во всех испытаниях на долгом и трудном пути экспедиции сын Юрий был незаменимым помощником отца – с начала организации экспедиции и до её завершения. Помимо научно-исследовательской работы, на нём лежали все организационные работы, которых было много в связи с возникавшими неисчислимыми и непредвиденными препятствиями и лишениями.

Юрий Николаевич ко времени своего приезда в Индию получил серьёзную востоковедческую подготовку. Уже с 15 лет Юрий Рерих начал заниматься египтологией с известным учёным-египтологом Б. А. Тураевым, а также монгольским языком и историей монголов с А. Д. Рудневым. Он обучался на индоиранском отделении Школы восточных языков при Лондонском университете, на отделении индийской филологии Гарвардского университета в США и в Школе восточных языков при Парижском университете, совмещая это с занятиями на военном и юридическо-экономическом отделениях.

Кроме знания нескольких европейских языков, он в совершенстве овладел многими языками народов Азии, в том числе санскритом и пали. Это давало возможность обходиться без переводчиков не только в пути, но и на местах при изучении древних памятников культуры и манускриптов.

Давая общую характеристику задач экспедиции, Николай Константинович называл цель – проникнуть в таинственные области Азии, в тайны философии и культуры этого безмерного материка.

«Конечно, моё главное устремление как художника, – писал он в 1929 г. в книге «Сердце Азии» – было к художественной работе. Трудно представить, когда удастся мне воплотить все художественные заметки и впечатления – так щедры эти дары Азии... Кроме художественных задач, в нашей экспедиции мы имели в виду оз-

накопиться с положением памятников древностей Центральной Азии, наблюдать современное состояние религии, обычаев и отметить следы великого переселения народов. Эта последняя задача издавна была близка мне».

Маршрут экспедиции проходил по землям древнейших культур Азии, и каждая из этих культур являлась огромным полем для исследования. Николай Рерих, будучи археологом, хорошо знал о более существенном влиянии Востока на Русь, нежели Западное влияние. Поэтому он всегда стремился изучать Восток и особенно его интересовала Индия.

«Уже давно мечтали мы об основах индийского искусства. Невольно напрашивалась преемственность нашего древнего быта и искусства от Индии... Обычай, погребальные «холмы» с оградой, орудия быта, строительство, подробности головных уборов и одежды, все памятники стенописи, наконец, корни речи – всё это было так близко нашим истокам. Во всём чувствовалось единство начального пути...»

И мы должны спешить изучать эти народные сокровища, иначе недалеко время, когда английская культура сотрёт многое, что нам так близко. Обычай вымирают, быт заполняется усовершенствованиями, гробницы и храмы оседают и разрушаются».

Николай Рерих искал общие моменты, объединявшие различные культуры, интересовался проблемами культурного взаимодействия народов. Он начал свою работу с изучения источников зарождения древних культур.

Особый интерес представлял для него буддизм, который оказал огромное влияние на культуру Центральной Азии, получив широкое распространение в Китае, Корее, Японии, Монголии, Забайкалье, Тибете и Индии. Был проявлен большой интерес к изучению древнейших буддийских письменных источников, собрана ценнейшая коллекция образцов тибетской живописи.

Начало экспедиции. В конце декабря 1923 года Рерихи остановились в небольшом княжестве Сикким на севере Индии, в городе Дарджилинг, расположенном на южных склонах восточных Гималаев. Здесь они прожили около года, готовясь к странствиям по Внутренней Азии. Мир высочайших гор планеты восхитил и покорила их. «Все семнадцать вершин Гималаев, – записывал Николай Константинович – сияют над

Сиккимом. <...> Целая снеговая страна, меняющая свои очертания при каждом изменении света. Поистине неисчерпаемая впечатлениями и вечно зовущая».

Гений Рериха напитали Гималаи. Когда он впервые попал в царство Гималаев, перед ним раскрылась в сказочной красоте величественная

симфония ослепительных вершин, а над ними – неописуемо прозрачные лазурные дали. Грандиозные, массивные, покрытые снегом горные хребты, над которыми в облаках перемещаются, переливаются всеми цветами радуги, струятся световые потоки. Сам воздух – бесконечно прозрачный, сияющий, звонкий.

Центрально-Азиатская экспедиция

Николай Рерих начинает здесь свою знаменитую Гималайскую серию, которую продолжит писать всю жизнь и станет непревзойденным «Мастером гор». «Два мира выражено в Гималаях, – записал он, – Мир земли и мир неба».

В Сиккиме Рерихами было предпринято три исследовательских выезда по горным областям и монастырям Сиккима, Бутана и Непала. Они уходили на север от Дарджилинга, к границе Непала, где открывались громады Эвереста и близкой Канченджанги. Канченджанга – «гора Пяти Сокровищ» высотой 8 585 метров над уровнем моря. Художник запечатлел величественную вершину на восходе и закате солнца, в разных ракурсах, а также создал «портреты» соседних вершин – Кабру высотой 7 334 метра, Пандим высотой 6 691 метр и Джомолунгмы или Эвереста высотой 8 848 метров.

«Называли Сикким страной молний, – писал Николай Константинович. – Конечно, и молнии здесь бывают, но не проще ли назвать: «Страна небесных ступеней»? Лучшего преддверия к тайнам будущего трудно придумать. Неисследованная, малопроницаемая страна скал и цветов».

Тонкая резьба и красочная роспись монастырских зданий Сиккима непостижимым образом напоминали Рериху древние храмы России: «Вот они, мои милые новгородские и ярославские дверки. Вот она, прекрасная фресковая живопись. Вот они, цветные орнаменты, обвившие все наличники оконцев и дверей». Славянские мотивы и узоры угадывались в индийских песнях, хороводах, элементах костюмов. «Не будем делать ни предположений, ни тем более выво-

дов, – писал он, – но занесём эту поучительную подробность как ещё одну путеводную вежу».

Сто монастырей Сиккима. Каждый из них увенчал вершину холма... Среди залитых солнцем зарослей стояли старинные буддийские храмы, похожие на игрушечные терема под разноцветными крышами. Окна и двери горели яркими красками. Зелёные и золотые драконы взлетали над дверными проёмами, узорчатые колонны светились пурпуром и киноварью. В полутьме храмов мерцали светильники перед статуями Будды, Падмы Самбхавы, Майтрейи. Многочисленные храмы и монастыри, расположенные вдоль караванных путей, имели большое значение для жизни этого района.

Рерих посвящает свои полотна некоторым монастырям в серии «Сикким».

Рерихи собрали этнографические коллекции и предметы тибетского искусства, в частности танки. По возвращении из экспедиции Юрий Николаевич издал фундаментальную монографию «Тибетская живопись», куда включил их описание.

В экспедиции Николай Рерих создаёт несколько серий картин. Первая из них называлась «Его Страна», посвящённая Великому Учителю Востока. Рерих утверждал, что горы помогают человеку обрести мужество, проявить силу духа. Унести память о горах в битву жизни – в страдания и трудовую радость, в удачи и в неудачи – значит взять с собой величие и гармонию гор – т.е. самообладание, непоколебимое мужество, проявить нравственную дисциплину в каждом поступке.

Реальный мир гор, представший на его полотнах, был необычным, прекрасным и одухотворённым: «Жемчуг исканий»; «Книга мудрости»; «Ведущая»; «Помни»; «Сокровище Мира»; «Сожжение тьмы».

Следующая большая серия картин, начатая в Сиккиме – это «Знамёна Востока». На полотнах художник запечатлеет основателей учений и религий, философов и подвижников, реформаторов и мыслителей. Особенностью картин было то, что писалась не картина, но история самого Востока, его культуры и мысли. Будда, Христос, Лао-цзы, Моисей, Конфуций, Цзон-Капа, Падма Самбхава, Миларепа, Награджуна... Что-то общее было между этими двумя сериями – «Его

Страна» и «Знамёна Востока». В картинах заговорили знание, легенды и стоящая за ними реальность необычного. Мир этот жил, существовал и действовал.

Один из лам описал весь маршрут предстоящего путешествия. Ламы одного из монастырей рассказывали о Махатмах, Великих Душах. Когда-то в Сиккиме находилась их обитель, или ашрам. Рерихи знали о Великих Душах. Елене Ивановне и Николаю Константиновичу довелось с Ними встретиться, и для них Они были реальными людьми, мудрыми и не похожими на обычных людей... Зачем подозревать сказку, вымысел, когда в реальных формах и событиях запечатлены сведения о Великих Учителях Востока...

Их встреча состоялась в небольшом, необычном храме. Он стоял чуть в стороне от дороги, ведущей от монастыря Гум... Е. И. и Н. К. вошли в храм. Там их уже ждали. Пока они беседовали, никто не вошёл. Говорили о дальнейшем маршруте Центрально-Азиатской экспедиции. Россия по плану Учителей была важнейшим этапом экспедиции. Рерихи должны были доставить в Россию, молодому советскому правительству письмо – знаменитое «Послание Махатм». Это было одной из главнейших задач предстоящей экспедиции...

Дальнейший маршрут намечался по малоисследованным и труднопроходимым горным и пустынным областям, чтобы изучить корни зарождения древнейших культур и собственными глазами увидеть то, что сохранили просторы Азии.

В марте 1925 года Рерихи покинули Сикким и направились в Западные Гималаи, в княжество Кашмир. Они остановились в столице Кашмира городе Шринагаре.

Город лежал в сердце долины, окружённой снежными горами, чем-то напоминал Венецию. Синяя озёрная вода плескалась у обветшалых фундаментов домов, по каналам скользили похожие на гондолы лодки. Над ним возвышалась неприступная Нанга Парбат (высота 8 125 м) с почти отвесными склонами.

Большую часть времени путешественники проводили в поездках по княжеству. Наполненная красотой долина Кашмира лежала на древних азиатских путях. «Где проходили орды великих моголов? Где скрылось исчезнувшее ко-

лено Израилево? Где «Трон Соломона»? Где пути Христа-Странника? Где зарево шаманского бонпо – религии демонов? Где пути Памира, Лхасы, Хотана? Где таинственная пещера Амарната? Где тропа великого Александра к забытой Таксиле? Где стены Акбара? <...> Всё прошло по Кашмиру. Здесь древние пути Азии. – Записывал художник. – И каждый караван мелькает, как звено сочетаний великого тела Востока».

Здесь формируется караван: надо было приготовить экспедиционное снаряжение, найти лошадей, нанять проводников и носильщиков. Впереди лежал длинный путь по горным тропам Гималаев, по пустыням Центральной Азии.

Юрий Рерих отмечал в своей книге «По тропам Срединной Азии»: «Трудное и длительное путешествие в горы требует основательной подготовки, каждая деталь его должна быть продумана тщательнейшим образом, так как путешествие из Кашмира в Китайский Туркестан проходит по самому высокогорному пути в мире».

Перед экспедицией стали возникать многочисленные проблемы. Выдача разрешения на выезд затягивалась, английский резидент и поверенный махараджи Кашмира отвечали на все вопросы уклончиво. Наконец с большим трудом разрешение было получено, и в начале августа 1925 г. экспедиция двинулась на Ладак.

Но её продвижению мешали. Близ селения Тангмарг на караван напала банда. Семь человек было ранено. Николай Константинович и Юрий Николаевич провели всю ночь на ногах, держа револьверы наготове. Среди нападающих был замечен шофёр английского резидента.

В конце августа 1925 года, пройдя Великий Гималайский хребет по старинной караванной

дороге, экспедиция вошла в Ладак – небольшое высокогорное княжество со столицей Лех. Оно расположено на западе Тибетского нагорья, поэтому иногда его называют Малым Тибетом. «Пройдя ледяные мосты над гремящею рекою, прошли как бы в иную страну. И народ честнее, и ручьи здоровые, и травы целебные, и камни многоцветные. И в самом воздухе – бодрость. <...> Здесь возможны большие решения».

В отличие от мусульманского Кашмира, Ладак был буддийским. Словно орлиные гнёзда, на отвесных недоступных скалах возвышались старинные монастыри. «Нужно было иметь и чувство красоты, и мужественную самоотверженность, чтобы укрепляться на таких высотах», – писал художник.

Лучами заходящего солнца освещён «Монастырь Ламаюру» на картине Николая Рериха. Крутые склоны гор изрезаны многочисленными пещерами, квадратные монашеские кельи прилепились к каменным склонам. Похожий на фантастический город стоит монастырь высоко на скалах. Рерихи любовались древними фресками Ламаюру, исследовали неизвестные погребения и старинную одежду, древние святилища и наскальные рисунки.

Незабываемое впечатление произвела на Рерихов и столица Ладака – Лех. Постоянная резиденция Ладакских королей. Он расположен на пересечении древних караванных путей и сюда стекалась странствующая, кочевавшая и торговая Азия. Стекалась, как много веков назад. Караваны везли товары из Индии, Китая, Тибета, Туркестана...

Художник запечатлел буддийские храмы, крепости, горы, долину реки Инд – так родилась серия картин «Святыни и твердыни».

Путешественники посетили близлежащие монастыри, записали сказания о странствиях Иисуса Христа. «В Шринагаре, – писал Рерих, – впервые достигла нас любопытная легенда о пребывании Христа. Впоследствии мы убедились, насколько по Индии, Ладаку и Центральной Азии распространена легенда о пребывании в этих местах Христа во время его длительного отсутствия, указанного в писаниях».

По преданию в Лехе по пути из Тибета оставался Христос и беседовал с народом. На Востоке Его называют Исса. Николай Рерих пишет картину, посвящённую этому событию

«Пруд Иссы» – это место, где проповедовал Христос. А задолго до этого через Лех пролегал путь великого Будды из Индии на Алтай. Это легендарное место Рерих запечатлел на своем полотне «Перекресток Христа и Будды».

Ступы (субурганы) – особые культовые сооружения, которые в Азии воздвигают в честь важных и памятных событий. Огромная буддийская ступа возвышается на указанной картине Николая Константиновича.

Но нужно было спешить. Впереди был трудный путь через снежные хребты Каракорума – одного из высочайших в мире караванных пу-

тей, находящегося на высотах свыше 5 тыс. м над уровнем моря, на границе двух государств: Индии и Тибета.

Каракорум отличался первозданной красотой и грандиозными ледниками. Юрий Рерих писал в своей книге: «Здесь самое большое скопление льдов на нашей планете, не считая Северного и Южного полюса». Его необходимо было пройти до осеннего северо-восточного ветра.

19 сентября 1925 года караван вышел в путь из Ладака. За двенадцать дней экспедиция прошла пять перевалов – 5-тысячников.

Перевал Сассер был полностью покрыт льдом и очень коварен, т.к. представлял собой сферическую ледяную поверхность. На этом перевале чуть было не погиб Юрий Рерих – его лошадь начала скользить и едва-едва не соскользнула в глубокую расщелину.

На этом пути было всё. Оледеневшие отвесные скалы, метели на перевалах, горная болезнь, мороз, при котором стыли руки и нельзя было ни рисовать, ни писать, снегопады, пронизывающие ветры, сердечная недостаточность и лошади, срывающиеся в ледяные расселины...

В очень тяжёлых условиях ставились палатки для ночлега. А утром они вместе с путешественниками оказывались заваленными снегом. Это запечатлено на картине «Перевал Сасссер».

Из книги Юрия Рериха «По тропам Срединной Азии»: «30 сентября. С раннего утра бушевала метель, скрывая горные вершины густой белой мглой. Подъём на перевал Каракорум (5 575 м) осуществлялся постепенно. Было так холодно, что нам пришлось закрыть лица, чтобы защитить их от резкого ветра и ледяной крупы, обжигающей кожу. Госпожа Рерих всегда находила особое очарование в дикой красоте горного пейзажа. Она прекрасно переносила все трудности путешествия, и наш переводчик-китаец каждый раз удивлялся её мужеству и терпению».

Тяжёл и труден был древний караванный путь, но суровый мир гор, простиравшийся вокруг, был наполнен торжественной красотой. «Рассказать красоту этого многодневного снежного царства, – записывал Николай Константинович, – невозможно. Такое разнообразие, такая выразительность очертаний, такие фантастические города, такие многоцветные ручьи и потоки, и такие памятные пурпуровые и лунные скалы».

На этом труднейшем переходе Николай Рерих делал зарисовки для своей будущей серии «Горная сюита».

За Каракорумом начиналась древняя азиатская пустыня Такла-Макан, по краям которой расположены оазисы Туркестана. Перешли китайскую границу. Экспедиционный караван шёл по Великому шёлковому пути. Сюда в древние времена проникали религии зороастризма, буддизма, даосизма, манихейства, несторианства, сохранилась местная религия шаманизма.

Экспедиция намеревалась изучить этот район с научной и художественной стороны. Рерихи надеялись найти там следы великих миграций,

остатки древностей и собрать легенды о жизни, ушедшей в прошлое... Было принято решение начать исследование с Хотанского оазиса.

На подходе к Хотану их предупредили о грубости и произволе местных властей. Но Рерихи не могли миновать этот город. В Хотане, придравшись к китайскому паспорту Рерихов, экспедицию фактически арестовали. отобрали оружие, запретили вести научную работу и рисовать. «Надо суметь уехать. Несмотря на морозы, надо ехать», – записывал художник.

Помогла помощь советского консула в Кашгаре, откликнувшегося на письмо Рериха. Он принял меры, и в конце января 1926 года экспедиция покинула Хотан. Теперь путь вёл на север, где за отрогами Небесных гор Тянь-Шаня лежала русская земля. «Колокола на верблюдах разного размера и звучат, как целая симфония. Это незабываемая мелодия пустыни... симфония колоколов, нежная, как древняя бронза, и мерная, как движение кораблей пустыни».

В Урумчи, столице китайской провинции Синьцзян, Николай Рерих связался с советским консулом Быстровым. Вскоре пришло разрешение на въезд в Советскую Россию. Покидая Урумчи, он оставил консулу на хранение свой дневник и завещание. В Китае было беспокойно – в случае гибели экспедиции всё её имущество и картины переходили советскому правительству.

29 мая 1926 года небольшой экспедиционный отряд пересёк советскую границу в районе озера Зайсан. «Здравствуй, земля весенняя, в твоём новом уборе!». Первая встреча с людьми новой России ошеломила и обрадовала.

«Приходят к нам вечером, до позднего часа толкуем о самых широких, о самых космических вопросах. Где же такая пограничная комендатура, где бы можно было бы говорить о космосе и о мировой эволюции?! Радостно.

Настоятельно просят показать завтра картины

и потолковать ещё. На каком пограничном посту будут так говорить и так мыслить?».

Трудности и сложности, которые пережила в те годы Россия, не заслонили от Рерихов ни пафоса созидания, ни строительства новой культуры, ни формирования нового сознания, свободного от предрассудков. «Радостно плыть по Иртышу и слышать о добром строительстве. Радостно не слышать никакого сквернословия и не видеть жестов пошлости. Радостно видеть углубление знания».

По Иртышу на пароходе они доехали до Омска, оттуда поездом в Москву, куда прибыли 13 июня. На следующий день все газеты столицы писали о прибытии Рериха. В Москве художника приняли два наркома: Г. В. Чичерин и А. В. Луначарский. Оба проявили большой интерес к экспедиции, расспрашивали о пройденном пути, обещали поддержку.

Рерихи привезли в Россию необычные Дары. Ларец с гималайской землёй, письмо Гималайских Учителей советскому народу – «Привет Вам, ищущим Общего блага!», серию картин «Майтрейя», созданную художником на пути экспедиции, рукопись книги «Община», которую Рерихи хотели опубликовать в России.

«В письме Учителя рассматривали содеянное с позиций духовно-культурной эволюции человечества, – пишет Людмила Васильевна Шапошникова. – Они считали её неотъемлемой частью общей эволюции Космоса. В рукописи книги, привезённой вместе с письмом, содержались разъяснения по поводу этой Космической эволюции. <...> и в ней, кроме вопросов космических, шла речь и о делах земных, которые касались новой России и её будущего. <...> 1926 год был тем переломным моментом, когда перед страной встал выбор: или Общее благо, или «тьма фетишизма». <...> «Община» была книгой-предупреждением».

К сожалению, Дары правительство советской страны не были поняты и восприняты. Письмо с далёких Гималаев попало в архив, ларец со священной землёй затерялся, надежды на публикацию книги не оправдались. Живописные полотна серии «Майтрейя», подаренные художником государству, остались без внимания. Спустя какое-то время М. Горькому удалось устроить их в картинную галерею Нижнего Новгорода, своего родного города. Уникальный исторический шанс, который мог повернуть правильный ход

исторических событий был упущен. Московская поездка имела ещё одну важную задачу – получение концессии на проведение разработок на Алтае, в районе Уймонской долины планировалось основать Звенигород, будущий центр культуры, объединяющий народы России и Азии на принципах братства и всеобщей справедливости.

Тем не менее, к экспедиции был проявлен большой интерес, поддержаны дальнейшие планы, была обещана помощь в снаряжении и получено разрешение на посещение Алтая и Бурятии.

Из Москвы через всю страну экспедиция двинулась к Алтаю. «И странно и чудно – везде по всему краю хвалят Алтай, – писал художник. – И горы-то прекрасны, и кедр-то могучи, и реки-то быстры, и цветы-то невиданны». В дневнике он отмечал хозяйственное значение Алтая: «Эта строительная хозяйственность, нетронутые недра, радиоактивность, травы выше всадника, лес, скотоводство, гремящие реки, зовущие к электрификации, – всё это придает Алтаю незабываемое значение!».

В августе 1926 года Рерихи достигли Алтая. Рерихи поселились в староверческом селе Верхний Уймон, в доме Вахрамеева Атаманова, который согласился быть их проводником. «Он, по завету мудрых, ничему не удивляется; он знает и руды, знает и маралов, знает и пчёл, а главное и заветное – знает он травки и цветики».

Отсюда начались радиальные конные маршруты: Катунский хребет, Теректинский хребет, река Катунь, снежная красавица – Гора Белуха... Верхом на лошадях проходили сотни километров по горным каменистым тропам, переправлялись через бурные горные реки, через обрывистые ущелья.

Около месяца провели Рерихи на Алтае. Они собирали минералы, интересовались целебными травами, обследовали древние курганы, любовались наскальными рисунками. Николай Константинович интересовался легендами, связанными с горой Белухой. Легенды эти таинственны и загадочны: отзвуки необычных событий, рассказы о великих странниках, слухи о чудесной стране Беловодье. Легенда о Белом Бурхане и его друге Ойроте, есть ли он Будда или другой символ? Алтайский Белый Бурхан напоминает индийского Будду, ведь Он в далёкие времена проходил по Алтаю? Алтай – Гималаи – единая горная система.

«О снеговых вершинах Белухи свидетельству-

ют снега Гималаев», – напишет позже Николай Рерих. Так возникал замысел книги о Центрально-Азиатской экспедиции «Алтай – Гималаи».

В августе 1926 года экспедиция двинулась через Бийск на Улан-Удэ, оттуда в Монголию, древнюю своеобразную страну.

Урга (ныне Улан-Батор), столица Монголии, стояла на равнине, окруженной горами. Сверкали золочёные крыши буддийских храмов. По площади города скакали всадники революционной армии – в 1921 году, за пять лет до приезда Рерихов, в Монголии произошла революция. «Монгольский народ строит своё светлое будущее под знаменем нового века. Великий Всадник освобождения несётся над просторами Монголии...». Восток пробуждался, освобождался от векового угнетения, но не отказывался от того лучшего, что хранили его народные традиции.

Художник подарил правительству новой Монголии свою картину. Картина называлась «Великий всадник» («Ригден Джапо. Владыка Шамбалы»). Полотно напоминало жизнь самой Монголии. В ней слились воедино традиционное и новое. В алых облаках по небу мчался всадник на красном коне. Всадник трубил в раковину, и

лицо его было похоже на храмовую маску. Впереди него, как вестники Грядущего, летели красные птицы. Картина была символична, события на ней отражённые, имели отношение к настоящему и будущему.

Март 1927 года был хлопотным для путешественников. Перед выходом на Тибет предстояло пополнить состав экспедиции, набрать надёжных проводников. Размер караванов доходил до ста вьючных животных, поэтому их оснащение занимало много времени. Пока шли приготовления, Николаю Константиновичу удалось наладить связи с Лхасой – загадочным и далёким городом Тибета. Рерихам разрешили войти в Тибет и посетить Лхасу.

В апреле 1927 года экспедиция покинула Ургу. С трудностями, но без особых приключений добрались до великой пустыни Гоби. «Бесконечна Центральная Гоби. И белая, и розовая, и синяя, и графитно-черная. Вихри устилают пологие скаты потоком камней. Не попадайте в этот каменный вихрь».

Она не была похожа на Такламакан. В Гоби не было давящей беспощадности. Дорога, шедшая через Гоби, была пустынна. За всё время пути они встретили несколько подозрительных всадников и китайский караван. За Аньси пополнили запасы продовольствия и двинулись к Цайдаму. У Шарагола экспедиционный лагерь смыло селевым потоком. Погибли некоторые коллекции и часть экспедиционного имущества.

Наряду со сказаниями о Шамбале Николай Рерих интересовался происхождением Гэсериады – грандиозной поэмы, именуемой западными учёными Илиадой Центральной Азии. Экспедиция пересекла места, где в начале одиннадцатого века народный герой Гэсер-хан возглавил борьбу угнетённого народа. Он писал в своей статье «Душа народа»: «Поучительно видеть, как прошла Гэсэриада по всему сердцу Азии. Народы сложили свои лучшие думы».

Они шли по неизведанному пути на Аньси, по которому ещё не ходили русские путешественники. Путь был опасен, в пустыне рыскали остатки банды разбойника Желамы, убитого два года назад монголами. В целях безопасности все члены экспедиции были одеты в монгольские костюмы, а охрана держала оружие наготове. Не раз тактические навыки и личное мужество Юрия Рериха спасали караван. Предусмотрев возможность нападений, он снабдил участников

экспедиции всем необходимым, вплоть до пуленепробиваемых жилетов.

19 августа 1927 года экспедиция выступила через Цайдамские болота на Тибет. 4 сентября вошла в болота Цайдама (в переводе с монгольского – «соленая грязь»). Утомительный переход по соляным топям Цайдама был опасным. Останавливаться было невозможно, сразу начинала проседать тропа. При свете луны шли узкой тропой по огромным скоплениям соляных отложений с глубокими колодцами между ними. «Проходим самой опасной дорогой, не сознавая этого. По сторонам узкой тропы бездонные ямы. Неверный шаг – и вернуться нельзя...». Только в четыре часа утра караван достиг края топей, почва стала твердой. Сто двадцать миль безводной песчаной пустыни были пройдены без отдыха. Цайдам был пересечён в новом, кратчайшем, направлении. Много неточностей в картах».

Вдали показались синие горы перевала Нейджи, за которым был Тибет. Труднейший этап прошли без потерь. Экспедиция вошла на территорию племени воинственных голоков. В первом же ущелье столкнулись с засадой, пришлось два часа провести под ружьем. Преодолев перевал Нейджи, экспедиция вышла к Тибетскому нагорью.

«Не знаем, как встретит нас Тибет, – писал Николай Константинович. – Если прекрасен Ладак, называемый Малым Тибетом, то Великий Тибет должен быть необыкновенно величествен. Впрочем, часто человечество ошибается названиями, и «малое» оказывается великим. Без предрассудков и суеверий увидим действительность».

Тибет встретил путешественников буранами и мокрым снегом. Из книги «Сердце Азии»: «Юрий валится в седле и почти падает с коня. Мы подскочили и сняли его с коня. Пульса почти нет. Дали два сильных приёма дигиталиса, растираем руки. Ему становится легче. Впереди плохо чувствует себя Елена Ивановна. Из последних сообщают, что лама Малонов упал с коня и лежит без чувств на дороге. Доктор спешит туда. Так неприветливо встречает нас Тибет».

Когда экспедиция вошла в долину Шенди, её остановил отряд тибетских солдат. Пришлось разбить незапланированный лагерь. На следующий день прибыл командир задержавшего их отряда, следом приехал важный чиновник от губернатора Нагчу. Экспедицию не пропустили ни в Лхасу, ни в Нагчу. Её задержали и оставили

в летних палатках на высокогорном плато Чантанг, похожем на арктическую тундру.

Николай Константинович пытался связаться с Лхасой, но его посланцы уходили и больше не появлялись. «Положение сделалось гибельным, – писал художник в книге «Сердце Азии». – Началась суровая зима, на пяти тысячах высоты, с вихрями и снегами. Что и где произошло, мы не могли решить, но письма, посылаемые нами Далай-Ламе и губернатору в Нагчу, возвращались обратно, часто в изорванном виде. <...> нам было запрещено двигаться как вперёд, так и назад, точно кто-то желал нашей гибели. Деньги наши кончались. <...> Кончались лекарства, кончалась пища. На наших глазах погибал караван. <...> Даже местные жители не выдерживали суровых условий. А ведь наш караван помещался в летних палатках...».

Пять страшных месяцев продолжалось «тибетское стояние» Центрально-Азиатской экспедиции Рериха. Умерло пять человек, погибли караванные животные. Но ни на один день не прерывалась научная работа. Несмотря на суровую зиму, удалось сохранить большинство коллекций, записей и картин. Сила духа участников экспедиции оказалась сильнее стихии и зла.

В марте 1928 года экспедиции позволили двинуться на Сикким – через Трансгималаи, через область Великих озёр, на Брампутру и далее через перевал Сепо-ла. Это был трудный неизведанный путь, где поднимались до шести тысяч метров неизвестные перевалы, ещё не нанесённые на карты.

Экспедиция шла по глубинным районам Тибета. На всём лежала печать упадка и умирания. «Интересны одни лишь развалины старого Тибета, – отмечал Николай Константинович. – ... Принципы жизни разрушены. Не мы, но сами тибетцы заметили это. Они понимают, что без сношений с другими странами, при недостатке силы собственного духа, Тибет исключает себя из современной эволюции».

Перевалы Мари-Танг-ла, Дзегонг-ла, старинные поселения Тангри-Дзонг, Шекар-Дзонг, Кампа-дзонг... «Откуда же происходит эта необыкновенная заманчивость путей Азиатских? – напишет позже Рерих. – Горы установились не преграждающими великанами, а зовущими путевыми вехами. Из-за вершин сверкает сияние Гималайского снежного царства. Местные люди, те, которые слышали о чём-то, почтительно

указывают на эти сияния. Ведь оно сверкает от труда, из самой башни великого Ригден-Джапо, неустанно трудящегося во благо человечества».

Преодолев последний перевал Сепо-ла, путешественники 24 мая 1928 вошли в столицу Сиккима Гангток. Путь от Улан-Батора до Сиккима по такому маршруту не проходил ещё ни один экспедиционный караван.

Завершена одна из величайших экспедиций XX века. Она потребовала от участников высокого мужества и огромного терпения. Весь путь

экспедиции вместе с мужчинами прошла женщина. Спустя годы Николай Константинович напишет: «На коне вместе с нами Елена Ивановна проехала всю Азию, замерзала и голодала в Тибете, но всегда первая подавала пример бодрости всему каравану. И чем больше была опасность, тем бодрее, готовнее и радостнее была она. У самой пульс был 140, но она всё же пыталась лично участвовать и в устройении каравана, и в улажении всех путевых забот. Никто никогда не видел упадка духа или отчаяния, а ведь к тому бывало немало поводов самого различного характера».

Участники грандиозного проекта, 100-летие которого отмечается в текущие годы, внесли неоценимый вклад в мировую культуру и науку. Они провели исследования по истории, археологии, этнографии, истории философии, искусств и религий, географии. Юрий Николаевич Рерих не раз отмечал несоответствие имевшихся в то вре-

мя карт региона реальным караванным путям и местонахождениям перевалов. Был собран богатейший лингвистический материал, который лёг в основу уникального тибетско-русско-английского словаря, множество произведений тибетской живописи и скульптуры, несколько древних манускриптов и др.

По оценке генерального директора общественного Музея им. Н. К. Рериха, востоковеда Людмила Васильевна Шапошниковой «Ни одна из известных нам экспедиций не была снабжена таким количеством первоклассного материала, как экспедиция Н. К. Рериха. Кистью написавшего уникальные художественные полотна водила рука не только художника, поддающегося свободному полёту фантазии и прихотям вдохновения, но и точная рука учёного... Художник давал в картинах научную информацию, а учёный обладал художественным прозрением и интуицией».

Исключительно важны для изучения Центральной Азии путевые литературные зарисовки Николая Рериха, вошедшие в книгу «Алтай – Гималаи» – тонкие этнографические и культурно-философские эссе. Автор поставил вопросы единства корней культур Востока и Запада...

«Из древних чудесных камней сложите ступени грядущего», – писал Николай Константинович. Маршрут Центрально-Азиатской экспедиции объединил в одно целое регионы, казалось бы, совершенно различные по политическому, социально-экономическому, культурному развитию – Индию, Китай, советскую Сибирь, Монголию, Тибет. Но в этих древнейших районах Азии сохранилось то непреходящее и крепкое, на что должно опираться эволюционное будущее – живые ростки древней духовной культуры и энергетика самых высоких гор планеты; мифы и легенды, за которыми скрыта далёкая и близкая реальность; красота первозданной природы и красота, создававшаяся руками человека в течение тысячелетий.

«Как ни странно звучит это утверждение, – пишет Людмила Шапошникова, – но маршрут Центрально-Азиатской экспедиции был проложен по коридору космической эволюции человечества. Земное и космическое как бы соприкоснулись на нём <...> Экспедиция создала энергетическое поле для формирования будущих центров культуры на охваченном ею пространстве. Она заложила энергетические магниты будущего Нового Мира»...

ПОЭЗИЯ

Тадевос Тоноян

Поэт, лингвист, литературовед Тадевос Тоноян родился 1 мая 1961 года в Ереване. Окончил филологический факультет Ереванского государственного университета и в 1989 году, после защиты кандидатской диссертации, получил учёную степень кандидата филологических наук. Преподаватель вышеназванного университета, доцент кафедры армянского языка, доцент Высшего Аттестационного Комитета Республики Армения.

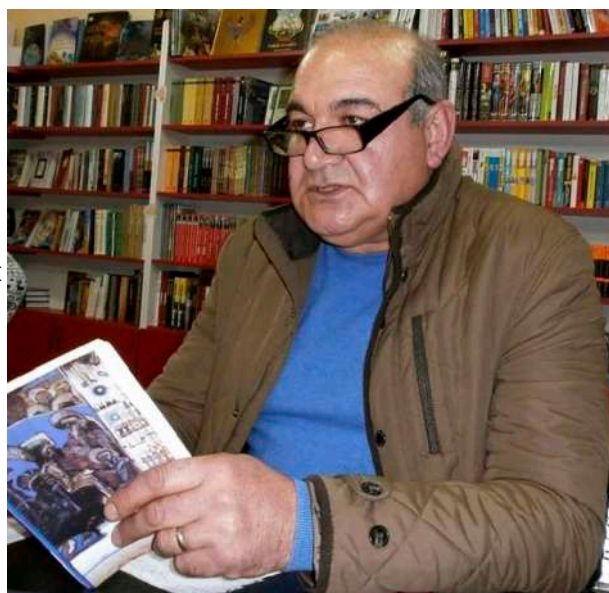
Тадевос Тоноян член Союза писателей Армении, Союза журналистов Армении, Армянского фонда культуры, с 1991 года является главным редактором журнала «Ахбюр» («Родник»).

Автор нескольких сборников стихов, с удовольствием пишет и для детей, любит переводить.

Занимается также научной деятельностью, автор десятков научных статей и трёх монографий, в которых рассматриваются вопросы, связанные с армянским текстом, языковым мышлением и основанной на этом языковом мышлении системой ценностей.

Стихи Тадевоса Тонояна переведены на английский, испанский, французский, русский, сербский, белорусский, персидский и ряд других языков.

В 1999 году Тадевос Тоноян был удостоен главной премии конкурса Армянского фонда культуры «Лучшее стихотворение года». За значительный вклад в сферу художественного образования награждён Золотой медалью Министерства культуры Республики Армения (2008), за значительный вклад в армянскую литературу Золотой медалью премьер-министра Республики Армения (2014), за деятельность, осуществлённую в направлении утверждения гуманитарных принципов и осуждения геноцида армян Золотой медалью «Фритьоф Нансен» Фонда Института Фритьофа Нансена Армении (2023), а переводы стихов Юргиса Балтрушайтиса Благодарственным письмом Посольства Литовской Республики в Республике Армения (2023).

Перевод Павла Черкашина

Что примет начало от нас...

НАСКОЛЬКО МЫ ОТДАЛЯЕМСЯ

Откуда знать бы мне, Армин,
Что на губах живёт тоска,
Где их касался поцелуй,
А наша кровь — нектар и мёд,
Что пьют уста из тел любимых,
Что расставанье — глухота,
Коль не услышим мы с тобой
Младенца тихий голосок,
Который плачет между нами?

И это так.

Чем дальше отдаляемся, Армин,
Тем громче нерождённый наш ребёнок
Рыдает в нас... И очень я хочу,
Чтоб плакал мой младенец лишь в тебе,
И только лишь в тебе...

Не уходи,
Слышишь, не уходи,
Посмотри на ребёнка, что плачет во мне,
Я тебе обещаю,

Что будут у нас беспечальные дети,
И это последнее наше свиданье
Мы праздновать будем с тобою всю жизнь.
Ты слышишь меня,
 всю до капельки
 жизнь.

* * *

В тот самый миг, когда твой пульс меня узнает,
Ты пальцами тайком коснись моих очей,
В которых ты оставь залог листочка-сердца —
Полоску тоном в цвет слабеющей свечи.
Когда же грудь твоя внезапно бурно вздрогнет,
Как будто бы забросило на берег пару рыб,
Я бережно к ушам твоим примкну ладони —
Как в раковинах слышу я все голоса морей...

ЧТО ПРИМЕТ НАЧАЛО ОТ НАС

Как,
Как же забыть мне про существование
Тех самых булыжников брошенных слов,
Под которыми прежде любви и познания тебя
Я имя оставил твоё?

Я...
Я... не достоин
Падения этого вечного
 с выси в бездонье твоё,
И кажущиеся формы твои,
 блуждающие в памяти моей,
Увядают цветком,
 не успевшим раскрыться во мне изнутри.
Но падение это — оно всё равно
К Месту меня принесёт моему,
Где будет прекрасное самое то,
Что примет начало от нас —
Может быть, это с тобой наш ребёнок!
Ибо только увядшим цветком я
До Места уже своего доберусь.

Я...
Буду...
Самым...
Красивым...
На всём белом свете...
Увядшим цветком

В бездне твоей — найденной мною
Единственно правильной форме твоей.

ИЗ-ЗА ТОГО, ЧТО НЕ МОЖЕМ НАЙТИ

Куда,
Ах, куда это мы уходим,
Притворяясь, что их — цветов —
 больше нет на свете?

Разве это не так,
Что все мы, без исключения,
 все, что живём после детства,
Притворяемся, что по-прежнему всё хорошо,
А притворство тем временем —
 старости признак.
Все,
Все нечестные люди — преждевременно старики.

Скажи,
Скажи, что своим глазам верили мы больше,
Чем тому, что увядшие в нас цветы
 были близки к смерти.

И нужны ли нам были эти шаги,
Друг от друга которые нас удаляли,
Когда цветы не умеют ходить,
Когда их Семя уже определило
 Место Своё в мире?

Знаешь, почему мы стареем? —
Оттого, Ана, оттого что не находим...
 не находим!

И, старея, мы независимо от нас
 боремся против цветов.
Наша борьба, Ана, — это осень,
 осень — против них!
Но к осени они всегда бывают мирно
 увядающими,

Потому что
Мы наказываем их,
Когда начинаем понимать
Что они — будь то мёртвые или живые —
Издавать будут тот же аромат.

Потому то, Ана, нас — мёртвых —
 украшают цветами
На смертном одре
И с цветами несут.

ЗАПАХ РЕБЁНКА

Ана,
Нашёл я наш дом,
Где стали б родными тебе мои руки
И где не боялись бы мы умереть...

Была нараспашку открыта в нём дверь,
А в створе её колокольчик висел,
Звучал словно исповедь голос его.
А в доме...
В доме...
Пахло хлебом
И запахом детским
Возможно... затем,
Чтоб мы не боялись бы умереть.

Ведь дома почить — как прославленным быть,
Где дети, рождённые из откровений,
Звонят словно колокол там каждый раз.

Там, там, Ана, находится наш дом,
Откуда единственный путь в небеса,
Где будто бы колоколов перезвон
Нас будут в свой час провожать наши дети,
Приняв откровений щемящую боль
На сердце легко как крещения знак,
Где в наших увядших за годы телах
Запахом хлеба души цветут.

ВАРАВВА ПОЭЗИИ

Стремленьям поэтов известен венец:
Слова уберечь от гнилья во вранье,
Когда христианской страны тайный жрец
Божественной славы желает себе.
Но сил не имея быть чуждым хвале,
Прислужнице лжи — был бы случай-судьба,

В сердца забивали те гвозди всегда,
Что Тело держали Отца на Кресте.
Теперь эти гвозди пред нами стоят
И стиль пытки словом, что славою чтимый,
И вновь на тебя ляжет выбора взгляд,
Варавва поэзии неутомимый!

СЫНЫ ДОМА ТРАДИЦИЙ

*Артуру Исраеляну, Ваче Епремяну, Ваграму
Орбеляну**

*(2008, август, визит в Капан**,
два дня совместного одиночества)*

Я просто пришёл — я не мог больше ждать,
Чтоб дни одиночества нам поделить
И рядом со смертью опять доказать
Без тени сомненья Достоинство Жить.
Давно таковою мы жизнь не встречали
И вдруг мы прочли друг у друга в глазах,
Что вместе спелёнаты в саван печали
Душ наших полёгшие ныне тела.

Увидели мы неизбежность глухую
В идущих на смену забвения к нам,
Мы прожили праведно долю земную,
Но путь не сложили ещё к небесам.

Прославили Бога, что были мы вместе,
За то, что друг друга нашли ещё раз,
Бесценною встреча была честь по чести,
Но было прощанье дороже в сто раз.

Но будут прощанья дороже в сто раз,
Когда на тебя всю страну усадили,
А ты уж в дороге к орбите сейчас
Родного Небесного дома Традиций.

*Артур Исраелян, Ваче Епремян, Ваграм Орбелян — близкие друзья автора стихотворения.

**Капан — город на юге Армении, административный центр области Сюник.

ОТ РУК ЗИМЫ

Не деться от этой зимы никуда.
И мёрзнут от холода кости мои.
Но мама — о, как же месила она
Меня, что доныне твержу я: терпи!

Зачем я родился, зачем я умру
В тоске без известий о папе и маме!
С небес они просят, взывая к Нему,
Прощения сыну живыми словами.

И день в череде без поэзии дней
Людей и зверей просто не различает.
Десницу Господь протянул сверху мне,
Но всё же моя — малость не достигает...

К БОГУ И ДЖАДЖУРУ*

*Одноклассникам —
великому художнику Минасу Аветисяну
и великому садовнику отцу моему...*

В плащанице вины и с виновности болью
Каждый день я отца своего вспоминаю...
Ангел всё ещё мчит его к неба верховью,
И вокруг него песен цветы увядают.

Может быть, откажусь от своей доли речи:
Там деревья отца без полива остались...
Может, из похоронной отправлюсь я течи
И к Джаджуру и к Господу Богу направляюсь.

Лишь оттуда мне виден потерянный Муш**,
Где он сторожем ныне при монастыре,
И оттуда рука не колеблется уж,
Чтобы дать по-отцовски пощёчину мне.

...И вокруг него песен цветы расцветают,
Ангел всё ещё мчит его к неба верховью...
Каждый день я отца своего вспоминаю
В плащанице вины и с виновности болью...

*Джаджур — село в Ширакской области Армении, родина известного художника Минаса Аветисяна. **Муш — город и одноимённая область в Западной Армении недалеко от озера Ван (ныне территория Турции), откуда были родом предки автора стихотворения.

ВИЗИТ ОТЦА И МАТЕРИ ИЗ РАЯ

Кто зовёт в эту зимнюю пору меня? —
Сон ушёл, и глаза всё бессонно глядят.
Показалось, отец и с ним мама моя
Молчаливо пришли и за стенкой сидят.

В голове неотступная мысль лишь одна:
Как пришли, убедить как сумели Его?..
Двери Господа настежь открыты всегда!
Ну а мы не находим тот вход отчего?

Почему же исчезли, прошли голоса?
Почему же столь мокрые наши глаза?
Это что за тоска! Это что за тоска,
Что из стылого мира уносит Назад!

Сон ушёл, и глаза всё бессонно глядят:
Так и кажется — наши за стенкой сидят.
...Если то не отец и не мать за стеной,
Что же делать мне зимнею этой порой?..

НОЧНОЙ СНЕГ

28 декабря 2017 года

*Деду моего деда ТАДЕВОСУ ТОНОЯНУ,
ставшему жертвой Геноцида*,
отцу моего деда СААКУ ТОНОЯНУ
и моему деду ТАДЕВОСУ ТОНОЯНУ,
жертвам 1937 года,
могилы которых остались неизвестными...*

Дорогу перекрыл полночный снег,
Пришёл и как бывшее посидел.
Отбелен от рассветных я огней,
И я забыл куда идти хотел.

В день этот зимний забран прадед был
В степей безбрежье среднеазиатских,
Где жертвы угнетенья — сын с отцом
Тогда в последний раз нашли друг друга.

Что сын сказал?.. И что сказал отец?..
Свидетель был — они вдвоём молчали,
Лишь обнялись, и слёзное рыданье
Из глаз у них текло в седой ковыль...

...Я позабыл, куда идти хотел,
Поскольку неизвестны их могилы.
Полночный снег засыпал где-то тех,
Кто, вероятно, так и не схоронен.

*Имеется в виду массовый геноцид армян в 1915 году, организованный и осуществлённый на исторически армянских территориях, контролируемых на тот момент властями Османской империи.

Валерий Михайловский

г. Санкт-Петербург

Крупным планом

Рянский Феликс Николаевич,
доктор географических наук, профессор,
системный географ. Действительный член
Академии социальных наук РФ и Международной
академии минеральных ресурсов,
член-корр. РАН.

Родился 27 июля 1938 года, г. Харьков, Украина.

Погиб 20.7.2008 года.

Работал в Нижневарттовском государственном
гуманитарном университете заведующим
кафедрой географии, руководителем Научно-
исследовательской лабораторией
геоэкологических исследований НГТУ

г. Нижневарттовск с 1999 года.

Прошёл большой трудовой путь: от рядового до
главного геолога геологоразведочной партии

Башкирского геологического управления, 1968-1970.

Заведовал кафедрой географии Башкирского государственного педагогического
института, которую сам и основал, доцент, 1975-1982. Доцент, профессор кафедры
географии Благовещенского (на Амуре) государственного педагогического
института, 1982-1991.

Генеральный директор Амурского экологического центра, 1991.

Основатель и первый директор Института комплексного анализа региональных
проблем (ИКАРП) Дальневосточного отделения РАН (г. Биробиджан, ЕАО), 1991-1996.

Главный научный сотрудник, зав лабораторией ИКАРП ДВО РАН, 1996-1999.

Автор более 250 научных работ, включая «И экология, и экономика, 1990;

«Фрактальная теория пространственно-временных размерностей», 1992;

«Эколого-экономическое районирование в регионе», 1993;

«Россия – трудный выбор пути», 1994;

«Концепция и стратегия развития Приамурья: Дальний Восток России», 1999;

«SIBERIE de L Oural au Kamtchatka», 2000; «Краткий курс современной экологии», 2002;

«Социальная и этническая экология. Региональный компонент», 2003;

«Введение в историю Югры и её Урало-Сибирских окрестностей», 2007.

Профессор Рянский Ф. Н. является известным исследователем Западной Сибири,
Ханты-Мансийского автономного округа-Югры.

Научные интересы. Прогностика, регионалистика, эколого-экономические
проблемы, природопользование, в том числе традиционное природопользование
КМНС, географические информационные системы.

И если вы откроете последнюю его книжку *образования, мы лишаем человека инструмента*
«Хрестоматия современ- *познания окружающе-*
ных мыслей», полистаете *го мира. Пусть человек*
интервью, напечатанные *будет работать ферме-*
в городских газетах за по- *ром, но, имея хорошее об-*
следние годы, вспомните *разование, он и на ферме*
беседы у костра, то его голос начнёт звучать...И *сумеет работать рационально...». А о чём чаще*
вот, что говорит профессор: «...каждый чело- *всего он заводил речь? Естественно, об образо-*
век имеет право получать от жизни максимум *вании. Для того и жил, чтобы молодые люди на-*
возможностей, в том числе учиться. Не давая *учились бы чему ни будь. И я, бывало, беседуя с*

Я говорю...
(Эссе)

ним, учился и другие тоже. Он рассказ ведёт, как кружева плетёт. Орнамент всегда правильный, слова ложатся ловко как-то, если можно так сказать о словах.

«...Интеллектуалы в России – это люди любого социального слоя, от преподавателей, руководителей, промышленников до рабочих и крестьян, считающих, что ум, знания и культура важнее в жизни, чем сила, наглость и толстый бумажник...».

Спорить с ним сложно, ибо всё им сказанное – истина или близко к ней. Я поймал себя на мысли, что тут бы Феликс Николаевич обязательно что-нибудь сказал бы в отношении истины, которой в абсолюте не существует, а может быть и процитировал бы чрезвычайно уважаемого им великого учёного-сибиряка Д. И. Менделеева, что «...истина сама по себе имеет значение без каких-либо вопросов о прямой пользе...».

Феликс Николаевич был человеком настолько свободным и независимым, что я не берусь даже представить, что такое могло заставить его молчать. Свою точку зрения он выразит всегда и при любых обстоятельствах, даже, если «хуже будет...».

«...Я говорю, потому что считаю необходимым сказать. Я всегда буду говорить то, что я думаю. Но я всегда предупреждаю, что я буду говорить от себя, а не от организации. Что думает организация, я понятия не имею. И что такое организация, я понятия не имею. А я – это я, с моей квалификацией, с моим опытом. Вам интересно знать, что я думаю, слушайте, а нет, значит, нет».

Он вообще создатель по натуре. Ему нравится создавать что-то новое, воплощать новые идеи, а когда всё начинает работать, как часы, ему это уже становится менее интересным. Но и здесь он умел находить возможности для творчества в своей профессии.

– *Может быть, это и не очень хорошая черта характера, – говорит профессор, – но я так устроен. В Башкирии я принимал участие в создании нового факультета, был в то время кандидатом наук. Потом, в Еврейской области создал целый Институт комплексного анализа региональных проблем. У меня есть награда из Кембриджа, такой документ, где я записан как создатель первого института региональных проблем в России. Здесь, в Нижневартовске, уже создан мощный факультет.*

В Нижневартовск профессор Рянский Ф. Н. приехал по приглашению пединститута для создания здесь естественно-географического факультета. Приехав сюда, возглавил кафедру, причём занялся не только преподавательской и научной деятельностью, но сразу же включился в общественную деятельность в городе и регионе, стал искать связи с представителями нефтяных компаний, с учёными НИПИнефть, со всеми значимыми людьми региона, включая журналистов и писателей. Стал инициатором проведения на базе пединститута научно-практических и исследовательских конференций по проблемам долговременного устойчивого развития нефтегазовых регионов. Уже первая всероссийская конференция, проведённая в 2001 году, в научных кругах России вызвала большой интерес. А потом состоялись вторая, третья конференции, для участия в которых благодаря авторитету Феликса Николаевича приезжали в Нижневартовск, привозили свои научные материалы, идеи, рекомендации известные российские учёные: профессора, академики из МГУ, Российской академии наук, академических институтов, входящих в Сибирское отделение Академии наук из Иркутска и Тюмени, Ярославля и Москвы, Санкт-Петербурга и Барнаула. О Нижневартовске узнали самые широкие научные круги России и далеко за её пределами.

«Его имя сделало для популярности Университета больше, чем сама реорганизация института в университет, чем многие презентации...», – так сказал декан художественно-графического факультета А. Г. Переверзев. Но этих слов Феликс Николаевич уже не слышал. Это прозвучало в речи его коллеги на поминках.

Научные конференции проводились в Нижневартовске неслучайно. В нашем регионе из учёных Рянский Ф. Н. одним из первых стал предпринимать шаги по решению глобальной проблемы: преодолению разрыва между достижениями вузовской и академической науки и применением новейших научных разработок в хозяйственной деятельности. Вот и привлёк в наш регион научных работников из Института биологии внутренних вод, института экологии Волжского бассейна, Института вводных и экологических проблем СО РАН, Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, сибирских вузов и заинтересовал их работой над конкретным проектом по изучению условий соз-

дания оптимальной социальной экономико-экологической структуры в нефтегазовом регионе.

– В вузах работают учёные с научными степенями, – говорил Феликс Николаевич – изучают проблемы регионов, предлагают пути их решения, но отдача для хозяйства, для населения данной территории от их изысканий менее 10 %. Весь мир пользуется научными достижениями, а у нас – наука сама по себе, а жизнь – сама по себе. Хотя люди пишут интереснейшие диссертации, становятся кандидатами, докторами наук, а внедрения их разработок, практической отдачи для поднятия жизненного уровня населения, для улучшения эколого-экономической ситуации от их знаний почти никакой нет. И не по их вине. Так сложилось довольно давно.

Для преодоления этой не лучшей традиции Нижневартровский институт и проводит научные конференции, на которые мы приглашали и представителей нефтяного бизнеса, и ответственных работников региональных администраций, и специалистов других сфер.

Профессор прижился в Нижневартовске. Его семья тоже приняла город, Западную Сибирь.

«Я сейчас с огромным удовольствием живу в Сибири, я чувствую себя дома. Это всё – моё пространство». Я не раз слышал от него тёплые слова об этом крае, о том, что здесь для жизни человека вполне приемлемая климатическая зона, территория, не подвергающаяся чрезвычайным катаклизмам...

Наша работа должна быть интересна в первую очередь региональным политикам: главам администраций городов, районов, депутатам Думы, то есть представителям, избранныкам населения, которые по долгу службы обязаны думать о завтрашнем дне региона. Рекомендации наших ученых должны лежать в основе программ дальнейшего развития территорий. Каждый идущий на выборы политик должен изучать наши рекомендации и пользоваться ими на практике. Жителям округа, то есть избирателям, чьи интересы в данном случае отстаивают независимые от нефтяных компаний учёные, было бы выгоднее, если бы местная власть руководствовалась данными разработками. Власть должна стоять на страже интересов населения, и в этом властным структурам может помочь наука. Представители администрации Нижневартовска учитывают разработки учёных, но – разработки учёных из

НИПИнефть. Но это принадлежащий нефтяникам институт, который в прогнозах будущего способен рассматривать только производство и продажу нефти.

Прогнозировать будущее на 25-30 лет вперёд должны не нефтяники, а демографы, социологи, историки, экономисты, способные видеть будущее города без нефтяного предприятия – кто угодно, но только не те, кто стоит на службе у нефтяного бизнеса. Кругозор свободного учёного и того, кто работает на компанию – совершенно различен. Знаете, с каким кругозором должны быть люди, взявшиеся просчитать будущее региона? Ведь это не название зарегистрировать! Чтобы настоящий институт создать, и то нужно лет 25 на то, чтобы он стал выпускать полноценных специалистов, гармонично развитых людей. А здесь – речь о развитии целого региона.

Нестыковка между наукой, учёными и политиками, руководителями – огромная проблема. Но проблема вытекает из того, что формирование руководства, политиков в регионах и выше никаким образом не связано с профессиональными деловыми качествами людей, это связано только с личностными привязками, симпатиями, клановыми подходами. Это всё зависит от случая. Случайно в клане влиятельных людей, определяющих развитие экономики, деловой жизни, иногда оказываются политики, руководители, которые достаточно развиты и с наукой не противоречат. Бывали такими и секретари обкомов, горкомов, при которых и строились, дела хорошие делались, бывают и теперь. Но обидно, что это всё – результат случайностей. Нет закономерного подхода, который бы выявлял и ставил на руководящие должности подходящих по профессиональным и моральным качествам людей. Я понимаю, что сложно, невероятно сложно подбирать людей по принципам порядочности, гуманности, но хотя бы подбор осуществлялся по профессионализму, и то это было бы правильно. Иногда среди руководителей попадаются совершенно случайные люди, ни знаниями не владеющие, ни обладающие достойными человеческими качествами. И в советское время такое бывало, и сейчас случается...

Я был участником международной конференции в Барнауле «Взаимодействие общества и окружающей среды в условиях глобальных и региональных изменений» в 2003 году, в которой участвовали учёные из 26 стран, в том числе США, Канады, Польши, Финляндии, Ирана,

Индии и других. Лучшие и первые учёные в области географии России приняли участие в этой конференции. Организационный комитет конференции, принимая во внимание значимость для мировой науки работ нашего профессора, составили программу так, что запланированное в рамках этого международного научного форума восхождение на ледник Актру, приурочили к юбилею Феликса Николаевича Рянского. Сложное восхождение преодолели все, даже пожилой и тяжеловесный учёный из Бразилии. Учёные, преодолев невероятные трудности, связанные с восхождением в условиях высокогорья, считали за честь поднять бокал шампанского за здоровье профессора Рянского Феликса Николаевича. Мне никогда не забыть тех многоязыких тостов в честь шестидесятипятiletнего юбилея нашего профессора. Особенно трогательно звучала здравица из уст совершенно обессилевшего бразильского коллеги. Мы, команда Нижневартовска, чрезвычайно гордились своим лидером.

И вот, когда свалился на нас кризис, когда на многие вопросы мы лихорадочно ищем ответы, на помощь приходит профессор Ф. Н. Рянский. Он, кстати, многое предвидел и более того ...

Что нужно сделать цивилизации, чтобы спасти себя?, – спросим у профессора. И вот его ответ:

«С большинством умных специалистов, которым я доверяю, моё мнение совпадает. Анализируя всё, я понимаю, что другой системы кроме некой социальной общей системы защиты придумать невозможно. Я, будучи географом, занимаясь этими проблемами, понимаю, что человечество может оказаться в такой ситуации, когда спастись нужно будет всем миром, а раз так, то система индивидуальной частной защиты не

подходит. Не потому, что она неэффективна экономически – она не позволяет выжить в момент катастроф. Я это понял, когда был молодым человеком, я не был модным диссидентом, просто я пришёл к тому, что та система дрянная, не правильно устроена. Я считал, что некая социальная общая жизнь, общегосударственная жизнь, общегосударственное управление – обязательно, но всё больше и больше рычагов должно уходить в общемировые структуры. Глобалисты говорят, мы должны формировать некое мировое государство. Но то, что сейчас творится в ООН, меня удивляет: американцы ещё недавно были категорически настроены против ООН. Да реформа нужна, там тоже воруют, там есть коррупционеры, очень узкий круг людей решают мировые проблемы. Совет безопасности очень маленький, вырос целый ряд стран, которые тоже требуют место под солнцем: Бразилия, Индия, Япония, Германия, крупные государства настойчиво требуют что бы их пропустили в тот совет, который принимает решения. Правом вето пользуются как угодно: любое из этих государств если где-то поднимает руку против, то решение не принимается. И неизвестно кому это выгодно... У них право вето! Общая Европа существует, а тот кто не хочет входить в СНГ просто не понимает мирового направления, сегодня общее направление мировое – это объединение, хотя бы они этого или не хотят, другой вопрос – объединение должно быть интегральным. Не нужно интегрировать культуры, культуры пусть развиваются по своим законам. Экономики нужно интегрировать, нет другого выхода. Процессы, которые на нас обрушиваются, носят негосударственный характер, они плюют на границы, им совершенно всё равно где проходят границы ХМАО и юга Тюменской области. Принимать решения нужно всем миром, мы не можем дорогу толком провести, потому что у томичей денег нет, а у нас есть, и мы не хотим за них платить. Мы не могли долгое время открыть университет, потому что прежнее руководство города не понимало, зачем это нужно, и Филиппенко, в сердцах, у нас выступая говорил: «Я принять решение за вас не могу...», раз не хотят или не могут принять правильные решения нет договорённости, значит путь только один – выработать общие некие структуры, способные взять на себя эти функции. Хотя и выступают антиглобалисты, но это общие тенденции... Другой вопрос я понимаю, они не хотят модифи-

кации культуры, языков, религиозных каких-то вещей, но ради Бога, я всегда был за то чтобы было многообразие. Но, извините меня, экономика – это не то поле, здесь нужно единообразие, что означает равные права, равный доступ, равные экономические возможности для всех. Кто выступает против этого? Национальные коррупционеры только, которым удобнее воровать в маленьком сарае своём, и мы это видим. Вот они восемь месяцев посидели и разбежались, потому что наворовали, и дальше уже другие хотят воровать... Этих маленьких сараев понастроили...

Может не было бы многих проблем? Когда половина Грузии в темноте, у них света нет. Они что, у американцев будут просить электроэнергию? Да тем и недосуг – у них у самих проблем полно. Они на американцев поставили, а что американцы? Американцы завтра плюнут на них, тут же забудут, что они существуют. А мы бы не плюнули, не забыли бы, помогли бы и выручили. Нужно жить вместе.

Путь только один, хотим мы или не хотим, объединять ресурсы, умы, создавать общие прогнозные центры, создавать некие структуры наднациональные, хотим мы или не хотим, деваться некуда. Да, надо стараться занимать в этих структурах, какое-то место, достойное, чтобы мы там не были последними. Вопрос идёт, опять же говорю, не о культурном разнообразии. Культурное разнообразие надо сохранять так же, как мы в биологии говорим о том, что основа жизни – биологическое разнообразие. Точно так же этническое и культурное разнообразие совершенно необходимо, пусть люди будут разными в культурном плане, но системы управления должны быть направлены на то, чтобы создать равные права, равный доступ к благам к системе здравоохранения и т.д. Нет другого выхода, кроме как какие-то формы объединения. Об этом уже давно говорят, и многие философы прошлого говорили, но не было условий. Сейчас я вижу, что всё-таки сама жизнь пробивает необходимость коллективных действий. Насколько это быстро пойдёт? Чем хуже будет в мире, тем быстрее пойдёт процесс. Не должно принимать решение одно государство как США, которое захотело в Ирак – вторглась, захотело Украину забрать – забрало, а сегодня не знает, что с ними делать. 50 млн., что вы их кормить будете? Нет не будете, они же сами говорят никто вас кормить не будет. Одно дело дать 100 млн. на развал государства, дали,

но базар не накормит народ, народ накормит рынок. Зарабатывать надо, грудью никто кормить не будет, ни одну страну. Деваться некуда, надо кучковаться... Я думаю, что спасение только в единстве человечества, другого пути просто нет. И для России другого пути нет и для Америки тоже...».

Профессор Феликс Рянский был не только известным учёным, тяготеющим к глобальным проблемам, без чего не может состояться такая личность-глыба; он был учёным, проявлявшим большой интерес к регионалистике. Где бы он ни работал, его в первую очередь интересовала та территория. И его труды посвящались развитию той территории. Так случилось и здесь в Западной Сибири, куда он переехал из Дальнего Востока. Он считал, что главным для развития Нижневартовского региона, как и собственно центрального округа нашей страны – Ханты-Мансийского автономного округа, будут транспортные коридоры, которые свяжут Приобье с другими субъектами России удобными и эффективными транспортными путями. В отношении центрального округа, я не оговорился, потому что географически – наш округ занимает центральное место, а в последние несколько десятилетий он стал центральным и в силу своего экономического значения для всей России. Так считал профессор, так и мы должны воспринимать своё место в иерархии страны: мы занимаем ЦЕНТРАЛЬНОЕ место. От себя могу добавить, что и генофонд Российской Федерации будет восстанавливаться, во многом благодаря населению Ханты-Мансийского автономного округа, где сосредоточены здоровые, трудолюбивые, с активной позицией люди, прошедшие раньше и медицинский отбор и успевшие закалиться в самом динамично развивающемся регионе страны.

Благодаря Феликсу Николаевичу, его разработке темы экологии духовного прикрепления или «науки о том, как научить молодого человека любить своё Отечество», которую он обосновал в своей книге «Социальная экология: региональный компонент», ставшей событием в науке; был издан и литературный сборник писателей Югры «Экология духовного прикрепления» выпуск №1, редактором составителем которого стал автор этой статьи, а идеологом – профессор Рянский Ф. Н. Последовали и второй и третий выпуски.

В своём предисловии к первому прижизненному выпуску профессор высказался о пользе

Павел Миронов

п. Мегион

ВЕСЕННЕЕ

Озадаченные рокотом бульдозера,
Песнями и говором людей
В синем небе, над таёжным озером,
Кружит с криком стая лебедей.

Опытный вожак в недоумении:
Озеро в орнаменте болот.
Как оно знакомо, тем не менее
Лебедь отчий край не узнаёт.

Где же та берёзовая рощица?
Ведь она за саймою была?
А вон там, где алый флаг полощется,
Вёснами черёмуха цвела.

Все места родные стали странными:
Оттеснив от озера тайгу,
Буровые вышки великанами
Встали на замшелом берегу.

А вокруг звенит, гремит неистово
Вой сирен и скрежет гусениц.
И взлетают сполохи цветистые
Резких, ослепительных зарниц.

И кричу я вожаку с улыбкою:
– Милый лебедь, сердце не тревожь,
Не считай, пожалуйста, ошибкою
Если край родной не узнаёшь!

И прости, что мы гнездовью летнему
Помешали, но печаль убавь,
Это мы по плану семилетнему
Строим здесь счастливой жизни явь!

1 мая, 1960, № 34, стр.2

региональной литературы совершенно определённо:

«Любовь вообще – это зачастую понятие иррациональное. Конечно, нужно с ранних лет дать конкретные знания о месте, где мы живём, но всё-таки здесь нужны особые методы и подходы, одни учебники не помогут. Всем этим владеют поэты, писатели, художники, деятели театра и журналисты, т.е. все, кого относят к художественной или культурной интеллигенции, все, кто производит духовный продукт и те, кто этот продукт доносит до человека – библиотекари, работники книжных магазинов.

Теперь и высшая, и средняя школы, вплоть до детского сада, должны быть готовы включиться в этот процесс, который мы назвали экологией духовного прикрепления к родному месту».

Вообще, период жизни и работы Феликса Николаевича Рянского в Нижневартовске, а это ровно десятилетие, был очень плодотворным: он написал несколько книг, в том числе «Социальная экология..», «Введение в историю Югры и ее Урало-Сибирских окрестностей»; опубликовал несколько десятков научных работ; принял участие во многих всероссийских и международных научных конференциях; и главное – это то, что ему удалось создать в Нижневартовском государственном гуманитарном университете кафедру географии, способную решать самые амбициозные научные задачи. Он посвятил много времени исследовательским работам, в том числе и возглавив научную часть экспедиции «Три центра» в 2006 году. Экспедиция достигла центра СССР и центра Российской империи, где были установлены специально изготовленные стелы...

Погиб учёный в расцвете сил на волне, как говорят, открывшегося второго дыхания. Многие его друзья и соратники воспринимали его ровесником, не смотря на разницу в возрасте. В свои семьдесят он и выглядел, и, по сути, был молодым и энергичным человеком, сделавшим для города, округа и в целом для России достаточно много. Конечно мог бы сделать ещё...

Обидно, что имя профессора Рянского Феликса Николаевича не увековечено, на что он имеет полное право, основывающееся на огромном вкладе в развитие науки. Существует стипендия его имени, но этого явно мало, соизмеряясь с личностью великого учёного.

Ольга Рыжикова
г. Нижневартовск

Культура слова – общая забота

Человечество на заре своего развития училось говорить. Сначала жестами, отдельными звуками, криками. У многих народов мира есть мифы о первоначалах, повествующие о том, как хаос превратился в мир с небом, землёй и всем, что есть на земле. Они помогают понять, как люди в древности понимали значение Слова – что сказано, то осуществляется. Отсюда магическая сила слов. О великой силе дарованного Богом СЛОВА сказал русский поэт Серебряного века Николай Гумилёв в стихотворении «СЛОВО».

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Своё, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

.....

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово – это Бог...

Человеческое слово есть отображение воплощенного Слова. При сотворении мира Господь сказал: «Да будет Свет». И невидимое через Слово приняло своё бытие. Слово являет величайшую силу в мире... И в нас через слово является скрытое: сокровенное делается явным. С какой осторожностью надо употреблять Слово. Как важно, чтобы наше слово имело заряд добра. Слово, в котором укоренено благо, осветляет нам нашу жизнь. Если в беседе прозвучало благое слово, то у нас надолго остаётся хорошее чувство чего-то ценного, возвышенного, божественного. Слово должно сближать людей, вносить единение, а не разложение и разделение. Расточая слова без всякого внимания к ним, мы и не думаем, что слова эти, восходящие до неба и

уходящие в вечность, могут нести разделение и разложение в семье, в обществе, в мире.

Слово, отображение Логоса на земле, должно нести свет и радость бытия среди атмосферы вражды и разделения, в которых мы живём. Благое слово преображает людей, изменяет судьбы мира, лечит раны. Вся история человечества свидетельствует об этом.

Мысли и слова – это дети, которых мы производим на свет внутренней творческой работой. Все мысли и чувства, которые человек сознательно или бессознательно формирует в себе в течение своей жизни на земле, это живые существа: каждый день он их питает в невидимом мире своими эманациями. И каждый несёт ответственность за этих своих «детей».

Высшая мудрость гласит, что – слово есть внешний символ стоящей за ним формы. Повторяя какое-нибудь слово, вызываем к проявлению энергию, скрытую в этой форме, которая воздействует на человека. Повторяя слова: мужество, бесстрашие, смелость, мы почувствуем реакцию этой энергии на сознание. Разные слова разные воздействия имеют, ибо обладают разной сущностью. Сущность слова выражается в степени той мысли, которая вызывается им в сознании. Можно словами настроить себя и другого человека на любой лад. Словами арфа духа приводится в гармоничное или дисгармоничное состояние.

Разделим слова на три вида: разрушителей, созидателей и слова нейтральные. Многие люди часто пользуются разрушителями, разрушая ими свой организм и плохо влияя на окружающих. Слово – могучая сила, если применяется сознательно... Контроль над речью необходим... Словом можно возродить человека. Сила словесной молитвы, сила внушения известны широко.

Считайте, что слово – это символ того, что скрыто за ним. Учитесь относиться с уважением к словам произносимым. Слово есть космический дар эволюции человеку. Священный язык древних народов, или язык посвящённых, есть явление божественного порядка, в основе которого лежит понимание, что в начале было «Слово», и «Слово» создало всё, что есть в мире».

С глубокой древности учителя человечества знали о могуществе слова. Потому-то благословение занимает такое важное место в религиозных ритуалах. Слово «благословлять» буквально означает – говорить благие слова, т.е. произносить слова, приносящие добро. Истинное благословение есть светлое таинство. Для свершения этого таинства человек должен быть бескорыстен, чист, должен владеть собой. Иначе благословение будет лишь пустым звуком.

Негативными словами создаются условия для всяческих несчастий. Поэтому нужно быть бдительным, жить осознанно: ибо есть закон, по которому такие слова продолжают и дальше своё отрицательное действие...

Людам эти тонкости неизвестны, между тем они очень важны, так как относятся к великим законам жизни. Прежде чем заговорить, спросите себя, что вы хотите сказать: сделать добро, чтобы кого-то просветить, освободить, излечить; или же свести счёты, унижить и таким образом утолить стремления низшей природы? Часто именно слова удерживают людей на низших ступенях эволюции.

Слова – это семена, а семена вырастают, они могут дать цветы и плоды или же тернии, да ядовитые растения, которые отравят тех, кто их воспримет.

Раздумывая о путях родной речи, А. С. Пушкин отмечал, что судьба его была чрезвычайно счастлива, ибо древний греческий язык открыл славянскому слову свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи...

Во второй половине IX столетия святые братья Кирилл (Константин) и Мефодий создали систему славянской письменности. В вопросе о первой русской азбуке у учёных нет единого мнения. Большинство склоняется к признанию кириллицы первичной. У почитателей глаголицы свои аргументы. Бесспорно одно – сегодня весь славянский мир пишет, пользуясь кириллицей. В основе кириллицы, по мнению большинства учёных, лежит греческое уставное письмо, используемое в древнецерковных языках, с добавлением букв разного происхождения для обозначения звуков чисто славянских.

Предполагают, что обе азбуки глаголица и кириллица были изобретены Константином (церковное имя Кирилл). Часть букв кириллицы была заимствована Кириллом из греческого алфавита, часть создана специально для передачи звуков славянского языка, которых не было в греческом языке,

а значит и в алфавите. Это буквы: Б, Ж, Ц, Ч, Ш, У, Ю, Я. Современный русский алфавит является продолжением кириллицы, славянского алфавита, которым пользовались и пользуются для письма болгары, сербы, русские, украинцы, белорусы и другие народы.

Слово, буква и книга – всегда вместе. Алфавит в средние века почитался сокращённой вселенной. Многие внесли с собой наша азбука, в том числе античную гармонию. В греческой мифологии Гармония – жена Кадма. По преданию Кадм – творец алфавита. В свадебную ночь он подарил Гармонии ожерелье работы Гефеста – Бога Огня и кузнечного дела. Шейное украшение Гармонии хранилось потом у подножия Парнаса, возле Кастальского источника – родника поэзии. Не буквы ли выковал первый огненный мастер?

Из крошечных семян-знаков произрастают неизмеримые леса и рощи, поля и луга славянской письменности. Великое чудо: маленькие начертания-буквы и громада многовековой культуры. Не с подобным ли чудом знакомит нас древняя притча о горчичном зерне, из которого,

несмотря на малость, вырастает дерево, так что и птицы небесные поселяются на его ветвях?..

Русь изначальная, принявшая азбуку, стала колыбелью Русской земли, в ней и возрос народ. Язык, идущий из глубины столетий, – лучшее произведение народа.

Когда поэт называет Слово маленьким акрополем, своего рода храмом, то эти сопоставления не должны нам казаться преувеличением. Вдумаемся в некоторые слова. Например, слово «Род». Словарь нам раскрывает, что род – это группа людей, происходящих от одного общего предка, связанных узами общего родства; род людской – люди, человечество; человек без роду без племени – неизвестного происхождения...

У ученого-лингвиста представление несколько иное. Уходя в глубины слов, лингвист неизбежно встречается с историком и археологом. В исследованиях Б. А. Рыбакова, занимающегося славянской мифологией, в его монографии есть глава, называемая «Род и рожаницы». В ней сказано: «Самым загадочным и наименее изученным из всех славянских божеств является Род – божество, известное только восточным славянам... Род оказывается всеобъемлющим божеством Вселенной со всеми её мирами: верхним, небесным, откуда идёт дождь и летят молнии, средним миром природы и рождения и нижним с его «огненным родством». Тогда становится понятным противопоставление Рода христианскому Богу Вселенной Саваофу. Этот взгляд на Рода закрепляется данными, получаемыми из ранних переводов, где книга Бытия, в которой повествуется о сотворении мира, именуется «Родство», а Бог-творец – «рододелатель».

Учёный представляет в своей монографии разветвлённый комплекс древнерусских слов, содержащих корень «род»:

РОД	РОДИЧИ	ПРИРОДА
НАРОД	РОДИНА	РОЖДАТЬ
РОДНЯ	РОДИТЬ	УРОЖАЙ

Перед нами не просто «маленький акрополь», а Слово – страна, Слово – история, вместившее в себя вечные понятия, как Родина, Народ, Природа, Урожай... Из глубины тысячелетий пришли в жизнь слова-миры, слова-опоры, держащие на своих могучих плечах Вселенную: земля, вода, небо, ветер, дерево, человек, тропа, путь... Пращуры поминали всемогущего Рода, который с неба дождал росы и град. Начинали жить долгой самостоятельной жизнью меткие слова-опреде-

ления, бывальщины, пословицы, поговорки, загадки, песни, сказки, присказки. Вся эта устная словесность не только поэтизировала окружающее, но и объясняла его, вела диалог, учила словом воздействовать на мир.

И вновь обратимся в глубь веков к нераскрытому кладезю мудрости: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... Всё чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть... В Нём была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его...

И Слово стало плотью и обитало с нами, полное Благодати и Истины...». Как понять эту мысль? В Священной Книге читаем: «Не хлебом единым будет жить человек, но всяким Словом, Исходящим из Уст Божиих». «Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут».

Если Логос – Великий Творец, то вся Его Энергия должна быть направлена на деяния во благо человечества. Разум, Мысль, Слово, Логос – великий и уникальный Дар, который может вести человечество к прогрессу.

Закончим словами Высшей мудрости: «Мало прекратить словоизвержение или свести количество произносимых слов до самых нужнейших, надо каждое произнесённое слово пропустить через контроль сознания, прежде чем его сказать. Надо понять сущность тонких энергий, надо осознать, что имеем дело с огнём, надо прочувствовать ответственность за Слово. Не может быть слов безответственных, не попугай человек, но породитель тонких и мощных энергий. Надо сознательно входить в сферы тончайших энергий, надо увидеть их реальность и страшные следствия их, поруганных, и неправильно применённых, и униженных.(!) Торжественностью можно обуздать разнузданную пляску пошлости. Торжественность, внесённая в жизнь и мышление, избавит от ужаса непродуманных слов.

Миллионы лет немого существования вымерших рас пусть напомнят о священном значении Слова. Дар Владык не осознан человечеством и попирается пятою неразумия. Священный язык ушёл из жизни и сохранён лишь в Ашрамах. Утраченное богатство выражения духа надо вернуть на Землю. О значении слова подумаем. И рукою своею утвердим священное значение Слова». (Грани Агни Йоги).

В тексте использованы фрагменты из книги Евгения Осетрова «АЗ СВЕТ МИРУ». Москва.1989.

Сергей Егорович Сметанин

Родился в 1952 году в Башкирии.

Окончил Башкирский государственный университет (факультет иностранных языков). В 1976 году переехал в город Сургут, где жил до 2008 года. В 1977 году впервые посетил занятие литературного объединения «Северный огонёк», затем был руководителем этого литературного объединения (1990-2008). Своими учителями называет А. С. Тарханова и Е. Ф. Вдовенко.

Активно участвует в наполнении сайтов

«Стихи.ру» и «Проза.ру», редактирует сайт «Северный огонёк», через который поддерживает связь с сургутскими молодыми литераторами.

Член Союза писателей России с 1995 года, член Товарищества детских и юношеских писателей России. Лауреат международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А. Н. Толстого (2006), международного конкурса «Золотое перо Руси 2007», один из победителей

VI Московского международного конкурса поэзии «Золотое перо 2009».

Награждён памятной медалью ЦК КПРФ «100 лет со дня рождения М. А. Шолохова».

Живёт в городе Санкт-Петербурге.

О дыме отчизны – земном и небесном

*(Рецензия на сборник авторов-сургутян
«Сургут – жемчужина России»)*

Начиная с 2020 года, литературная жизнь Сургута протекает особенно бурно. Выпуск новых и новых книг авторов-сургутян, заботливый ежегодный выпуск одного, а чаще двух коллективных сборников литературного объединения «Северный огонёк» служат тому ярким свидетельством. И лучшим из них я бы назвал вышедший в 2024 году небольшой томик с изображением герба города на обложке «Сургут – жемчужина России».

Автором идеи, составителем 75-страничного сборника была безвременно ушедшая от нас Александра Владимировна Лазарева. Член Союза писателей России с 2016 года, она с удовольствием писала о родной деревне в множестве книг от «Облаков детства» до последней «Сорок лет счастья». Здесь же она представлена двумя стихотворениями. Вот отрывок из первого:

*Поднимайся, новый проспект,
По тебе наши дети идут.
Им с тобой в двадцать первый век
По планете шагать, Сургут!
Александра Лазарева, «Мой Сургут».*

Сразу хочется сказать, что сборник получился представительным и достойным. В него вошли двадцать семь авторов, творчество которых в большинстве своём крепко связано с любимым городом на Оби. Почти все они, начиная с поседшего под стать белых ночей Никона Сочихина, не представляли истоков мастерства в отрыве от старейшего и известнейшего городского ЛИТО. Именно сюда, в семидесятые годы прошлого века, тогда ещё на улицу Просвещения, принёс он своего «сургутянина»:

*Каждого в какой-то город тянет,
Назовут и сердце застучит.
Ну, а я вот просто сургутянин.
Сургутянин. Разве не звучит?
Никон Сочихин. «Мы не зря привыкли называться...».*

О такой же любви к месту жительства говорит и перешедший в мемориальную доску Пётр Суханов, в честь дня рождения которого учреждён уникальный в Югре февральский «День поэта»:

И когда я бываю в других городах,
где метро и трамваи,
и большие уюты –
всё равно я грущу о таёжных краях
и не мыслю себя без Сургута!

Пётр Суханов. «Сургуту».

Стихотворение Георгия Ешимова, с трепетным романтическим чувством относившегося к чертам и линиям архитектуры милого города, что полощутся над Приобьем белыми парусами, так же возносит и увлечённую душу читателя:

Я стремился к нему
из далёких и южных морей,
И штурвалы вращал
океанских больших кораблей,
...
И тоску по любимым
гасил я в вине и друзьях:
Стали близкими мне
Уренгой и Сортым, и Пыть-Ях
Но уверен я:
в сильный мороз и пургу
Мою душу согреет
единственный город – Сургут!

Георгий Ешимов. «Единственный город».

Кроме Лазаревой и принявшего от неё руководство литературным объединением Сазановича, Георгий так же успешно несколько лет «рулил» огоньковским штурвалом, перешедшим к нему от Сметанина. Взаимовыручка творческих людей, уважительное отношение друг к другу, таким одинаковым и таким разным, рано или поздно брали верх. Мягкость и терпение, проявляемые к новичкам, что приходили попытать счастья в кругу пишущих, отличала сургутян и стала их доброй традицией.

А вот что пишет о постоянстве, отличающем родной город, Вячеслав Васильевич:

Давно уже начал мой волос седеть,
Но город Сургут не способен стареть,
От жизни себе он что хочет берёт,
Не зная усталости годом за год.
Здесь дети другие уже на санях
В морозы катаются – ветер в ушах.

Вячеслав Сазанович. «Не способный стареть».

Сегодня, в канун 80-летия Дня Победы, хочется целиком привести одно из стихотворений Леонида Гайкевича, подборка которого открывает сборник:

Сургут, как все другие города,
Послал своих сынов спасать Россию.
Сплотила Русь всеобщая беда,
И перед силой духа зло бессильно.

Сургут, как все другие города,
Работал на войну с мечтой о мире.
И день, и ночь для фронта шли суда,
Гружённые богатствами Сибири.

Сургут, как все другие города,
Победу ждал, надеялся и верил,
Что мир спасёт солдатская звезда,
Сломавшая хребет стальному зверю.

Шагает День Победы сквозь года,
Торжественен и чист Отчизны голос.
Сургут, как все другие города,
Живым и павшим кланяется в пояс.

Леонид Гайкевич. «Живым и павшим».

Стихотворение звучит щемяще и пронзительно, оно осталось актуальным, особенно сейчас, когда специальная военная операция ещё не завершилась победой.

Балладно прозвучало стихотворение сургутского журналиста Сергея Ильиных «Северная рапсодия», афористичным каламбуром завершает он стихотворение «Мой Сургут»:

Много лет уж пробежало.
Хорошее мой Сургут,
Потому что тут без жалоб
Люди сильные живут!

Сергей Ильиных. «Мой Сургут».

Дух традиций «Северного огонька» был оселком, которым правили поэтические инструменты и те, кто стал на одну из последних смен, в ряд с автором отличного стихотворения «На буровой» Василием Коненковым и молодым ещё поэтом Данилой Палкиным.

Я навечно тебя полюбил.
И знакомы твои мне заботы.
Здесь себя никогда не щадил,
Не чурался тяжёлой работы.

Наш родной и любимый Сургут,
Можешь дальше ты нами гордиться.
Тебя батькой, кормильцем зовут,
А ещё нефтяною столицей.

*Сколько рыбы здесь, ягод, грибов,
Чаяк, уток и редкостной птицы!
У высоких Оби берегов
Расцветают, как в сказке, зарницы!*
Василий Коненков. «Песнь о Сургуте»

*Ах, Сургут, ты мой город милый,
Речка Обь да кедровницы цвет.
Дай нам бог! да побольше силы,
Чтоб прожить здесь до старости лет.*

*Чтоб твоей красотой ненаглядной
Наполнялась с любовью душа,
И по тихим тропинкам у Саймы
Мы гуляли семьёй не спеша.*
Данила Палкин. «Ах, Сургут».

Так же трезво и спокойно-уверенно смотрит на жизнь лирический герой Александра Любякина:

*Работали, но не нажили богатства,
Нам нечего в жизни терять.
Быть может народов сплоченному братству
Стал Север, как родина-Мать?*

*Озёра и реки, тайга без предела
Так много для жизни дают,
Хоть братия наша уже поредела,
Сургут нам — надёжный приют.*
Александр Любякин. «Раздумья»

К сожалению, в 2008 году я покинул Сургут и не имел возможности лично познакомиться с некоторыми представителями новых поколений огоньковцев. Но благодаря сетевому общению, остаюсь в курсе жизни объединения и прочёл многие произведения, что вышли из-под их пера. В этот сборник попали замечательные стихи.

Евгений Ставровский заслуживает отдельного упоминания. Его произведения о Сургуте «Мой Сургут», «Сургутская весна», «Город хороших людей», «Утро», «Мой город», конечно, по объёму не могут сравниться с известными прекрасными поэмами Вячеслава Сазановича, но они тоже по-своему великолепны и читаются на одном дыхании.

*...Но тем сургутская весна
Приметна (хоть и непонятна...) –
В ней все смешались времена,
Как на холсте цветные пятна.*

*Весной художник-пейзажист
С безумной радостью ребячьей
На грунт под бойкий птичий свист
Цвета кладёт куда богаче!*

*Весенний творческий полёт!
Сургут пегасы окрылили...
И пианист аккорд берёт
В лихом рахманиновском стиле,*

*Актёр под выстрелами глаз
«Шлифует выкладку» на сцене,*

*И вновь рождается средь нас
Какой-нибудь Сергей Есенин –
Евгений Ставровский. «Сургутская весна».*

А вот как тему весны развивает автор стихотворений «Свет зажигается», «За оконным стеклом», «Ах, весна!», «Время белых ночей», «Весники весны», «Весна в Сургуте», известная писательница, посвятившая книги детям, Анжелика Бивол:

*Наш белый город накануне лета!
Гляди, какая синь над головой!
И свежий запах ласкового ветра!
Ты снова юн! И – крылья за спиной!*

*Серёжки верба распустила споро,
Ещё чуть-чуть – берёзы первый лист,
Как малое дитя пред мамы взором,
Предстанет – хрупок, трогательно чист!*

*Наш белый город снег очистил с улиц,
Звенят ручьи, весёлые бегут!
Мы снова к этой тайне прикоснулись:
Опять весну встречает наш Сургут!
Анжелика Бивол. «Весна в Сургуте».*

Вот несколько другое настроение, искренне переданное Любовью Коробкиной, написавшей вещи «В моём городе белые ночи», «Солнце из-за туч глядело...», «Признание в любви», «Дни уходят в закаты». Она верно и трепетно любит свой второй дом:

*Я выбрала тебя давно,
Хоть климат здесь с тяжёлым нравом.
Вторым стать домом суждено
Тебе, Сургут, дано по праву.*

*Здесь становление моё,
Как личности, происходило,
Преображение твоё
День ото дня.
Я полюбила*

*Твоих ночей белёсый свет,
Зимою долгой грусть о лете.
Дороже и роднее нет
Мне города на белом свете.
Любовь Коробкина. «Признание в любви».*

Пожалуй, точнее всех борьбу противоположностей северного города выразил Валентин Воро-

бьёв, автор «Оды Сургуту», стихотворений «Листопад во дворе, листопад...», «А в Сургуте зима».

*Здесь под лёд на полгода уходит река,
А в морозы за тридцать «прохладно слегка»,
Здесь движение времени – только вперёд,
И борьба двух стихий – нефти пламя и лёд.*

*Со времён Ермака и до нынешних дней,
Как магнит, он притягивал разных людей.
Кто за длинным рублём – тот на всё был
готов,*

*Кто – на запах тайги и романтики зов.
И в борьбе двух идей, на сибирской земле,
Вырос город, который других мне милей,
За четыреста лет на могучей Оби.
Наши прадеды нам завещали любить*

*Этот город, что подняли наши отцы,
Где сегодня стоят нашим детям дворцы.
И на месте болот, средь дремучих лесов,
Вырос город-красавец из дедовых снов.*

Валентин Воробьёв. «Ода Сургуту».

Как не откликнуться на вдохновенные слова Виктории Феединой о молодом городе, «где льётся звонов злато...» или Галины Ильиной о фонарях, которые «...чуть шапки набок нахлобучили...», или Марины Кондаковой, у которой «Заплетают солнце в пряди / Золотые птичьи нотки, / А в речной зеркальной глади / Отражаются высотки...»!

А стихи Юриса Хисматуллина, автора душевных произведений «Про замКИ», «Ты помнишь кинотеатр «Рубин»?..» Превосходные стихотворения Людмилы Елистратовой «Деревья в инее», «Эра счастливых билетиков», «Осенние сумерки»:

*Строг мороз, неподкупен и крепок,
Ныне в городе он – Господин.
Нежно солнце сквозь кружево веток
Подсветило рубины рябин.*

Людмила Елистратова. «Деревья в инее».

Замечательны произведения Егора Елистратова «Мой город», «Город зажигает фонари», Маргариты Сладковой «Дышу», «Времена года по-сургутски», «Северные юни», «А город спит», «Барсова гора», Людмилы Фоминой-Яблуновской «Сургут», хорошие стихотворения Михаила Долгополова, Нины Календарёвой, Надежды Лишмановой, Екатерины Кузнецовой, которые непременно надо прочесть, чтобы оценить объективно.

Александр Анатольевич Матаев

Родился 1960 г. в селе Ларьяк Нижневартовского района Югры. В 1977 году я поступил в Омское

лётно-техническое училище Гражданской авиации на специальность наземная радиолокация и окончил его в 1980-м году. Попутно получил военную специальность и звание младшего лейтенанта запаса.

Литературой (поэзией) стал заниматься в 1978 году. Бывали перерыва в творчестве до 10 лет. Теперь больше пишет прозу – рассказы, очерки, эссе.

Автор книг «Красные плюс белые» (стихи), «Старый плюшевый медведь» (стихи), «Спина белая!!!» (стихи), «Весёлая Азбука Урая!» (детские стихи), «Всё не зря» (проза).

Член Союза писателей России.

Живёт в Урае.

ВЕЖЛИВЫЕ ЛЮДИ

*К 75-летию Великой Победы.
Всем Воинам-победителям посвящается.*

То, что люди у нас могут быть весьма вежливыми, я лично знал задолго до «крымской весны». Один из уроков чрезвычайной вежливости я почерпнул из следующей, абсолютно нормальной для сибирской деревни истории.

Данилыч, как ветеран Великой Отечественной войны, получил участок в 10 соток, раскорчёванный в сосновом лесу на окраине посёлка. Выбрал он себе участок на отшибе, где даже соседей близко не было – лишь дома их виднелись сквозь деревья в отдалении. Впрочем, дорога проходила рядом, электричество было подведено, и даже личная лампочка на столбе освещала пятачок перед воротами. Ветренными вечерами лампочка под жестяным абажуром со скрежетом болталась, гоняя причудливые тени от ближайших деревьев и поленницы.

Столб, лампочка и ворота были родоначальниками «усадебки» Данилыча, а уж потом он не спеша, одной, не пораненной войною, рукой строил баню, поднимал один сруб, подводил под крышу, потом прирубал к нему второй, строил стайку для коровы и сарай – в общем, создавал, как сейчас говорят, «личное пространство». Конечно, родственники и окрестные мужики помогали – как не помочь? – но всё-таки основную работу Данилыч делал сам. От положенной ему квартиры отказался. Характерный был мужчина. В 301-й Сталинской дивизии Пятой Ударной армии характер выковывался быстро, ибо они специализировались на прорывах линии фронта и всегда были на острие атаки. Привычка – сперва стрелять, а потом спрашивать – тоже формировалась там.

Конечно, старался Данилыч не ради себя одного. Они с Фёдоровной сошлись уже очень взрослые-

ми людьми и пока ещё могли – работали на Севере, а как перестали работать – решили зажить своим хозяйством в деревне. Свой дом, своя земля, своя корова – что ещё нужно людям для спокойной и достойной старости? Оттого и близкого соседства они не хотели – сосновый бор вокруг, река и озеро неподалеку, тишина, красота...

Но был у этой идиллии и существенный недостаток. Полагаться в лесу можно только на себя, а зверь, да и «худые люди», могут и не иметь добрых намерений. Поэтому у Данилыча за занавесочкой в изголовье дивана, расположенного у тёплого печного бока, всегда стояла заряженная двустволка 16-го калибра. Ружья этого в природе и милицеских базах давно уже не существовало (так бывает), но за занавесочкой оно было. Всегда почищенное и заряженное – мало ли? А вдруг?

Надо сказать, этот «вдруг» иногда случался. Как-то тёплым поздним августовским вечером дворовый пёс Пират залаял на чужого. Пират был вежливой и весьма грамотной собакой. Только что не разговаривал. С ним было надёжно. Лаял он всегда по-разному: на чужую скотину предупреждающе, на соседей, но не своих – оповещающе (для хозяев), а на чужих и не добрых – угрожающе и злобно. Сам он был зверь матёрый, коренастый и с боевыми отметинами от схваток с соперниками.

Пират залаял сначала осторожно, а потом злобно, хрипло, даваясь от ошейника.

– Неладно что-то. Пойду гляну – Данилыч прихватил ружьишко и кряхтя выдвинулся в сени. Фёдоровна пошагала следом, выглядывая из-за его плеча. Приоткрыв входную дверь и оценив направление собачьего беспокойства, Данилыч с двух стволов шваркнул повыше забора.

– И хто тама? – вежливо, но громко спросил он, приставив к уху ладонь лодочкой. «Тама» почему-то никто не ответил, только удаляющийся хруст валежника в темпе галопа постепенно зати-

хал. Замолчал и Пират. Он вопросительно посмотрел на хозяев и вильнул хвостом – мол, ловко мы их? А давай ещё стрельнём? – весело же?

– Всё, хватит. Иди на место! – уговорил его Данилыч, и они с Фёдоровной удалились к себе, накинув крючок в сени. Меня всегда умиляла наивная деревенская вера в то, что проволочный крючок на входных дверях – гарантия безопасности. Впрочем, если Пират во дворе и ружьё за занавесочкой... тогда оно конечно...

Утром, когда окончательно просветлело, любопытные старики решили обследовать территорию за забором – мало ли? Чтобы совесть была спокойна, что обошлось без жертв. Как и ожидалось, неживых или раненых на театре боевых действий не обнаружилось, зато обнаружились забытые впопыхах некоторые подробности женского интимного белья, сиротливо белеющие на зелёной травке. Видимо, излишняя вежливость Данилыча грубо вторглась в чьи-то романтические планы.

Ну кто же виноват, что основы этой вежливости – сначала стрелять, а потом спрашивать – закладывались в 301-й Сталинской дивизии 5-й Ударной армии Первого Белорусского фронта под командованием Маршала Победы Георгия Константиновича Жукова?!

ЛАДУШКИ

Данилыч был уважаемым в полку человеком. Рассудительный сибирский парень, здоровенный, улыбчивый и не жадный на табачок, он невольно вызывал уважение у сослуживцев. Он никогда зря не высывался, но и не прятался за спины, а сноровисто, ухватисто делал солдатскую работу, мог и охладить чересчур горячих, и «взбодрить» незлобивым матерным способом, в случае чего. Оттого и дошёл Данилыч до Берлина всего с одним лёгким ранением. А было тогда этому опытному уважаемому воину всего-то 19 лет.

Комполка его тоже уважал, а потому бывало, что, несмотря на сержантский чин, ему доверяли командовать взводом вместо очередного выбывшего лейтенанта. Лейтенанты, необстрелянные «желторотики», гибли чаще других, так как им приходилось вести солдат в бой, и их специально выцеливал враг.

В Берлине же царил кромешный ад. Стреляли со всех сторон, не всегда было точно известно, кто где, развалины домов, клубы пыли и горы щебёнки таили в себе смерть, а грохот утихал только на ночное время, когда от стрельбы пользы не было.

Чем дальше Красная Армия продвигалась к центру Берлина, тем больше было пленных. И это становилось проблемой. Пленных надо было охранять, а когда их набиралось с десятков, надо было выделять бойца для того, чтобы конвоировать их

в штаб дивизии, откуда их потом забирали спецкоманды НКВД. Во взводе, как в хорошей футбольной команде, каждый на своём месте, каждый на счету. Но это бы ещё ничего, если бы не стали бойцы гибнуть при конвоировании. Всё внимание на пленных, сам – как на ладони, только слепой не попадёт. Кому охота глупо погибать? И тут участились случаи «побегов». Только скроется очередной конвой – длинная очередь из ППШ – и конвой возвращается в расположение. «Пытались бежать» – вот и весь ответ.

И придумал тут Данилыч метод доставки пленных в тыл под названием «самотёк». У немцев оказалась словно специально для этого придуманная форма сапог. Если натрамбовать в них поплотнее строительный мусор и щебень, то их невозможно быстро снять, а быстро идти и тем более бежать в них тем более никак. Да и как побежишь, если на кальсонах и штанах пуговицы срезаны (тоже часть метода), и их приходится держать руками, чтобы не спали. Война войной, а сверкать причендалами в общественном месте было дисциплинированным немцам совсем не положено. То есть, некультурно как-то.

Вот и брели сверхчеловеки недоделанные шаркающей походкой в плен самостоятельно. Кто уж их там вылавливал – Данилычу думать о том было некогда. А только на следующий день в минуту редкого затишья, его отыскал ротный. «Швецов! Давай быстро к связистам! Комполка на проводе!»

«Неужто к ордену представляют?» – обрадовался Данилыч. Ещё один не помешал бы, война к концу, на груди места много... И он побежал в ближний тыл, привычно применяясь к местным укрытиям и не забывая внимательно смотреть по сторонам.

Связист протянул ему чёрную тяжёлую трубку, и даже ещё не поднеся её к уху, Данилыч услышал громовой рык комполка: «Где там этот умник, мать его!.. Долго я ещё буду ждать!» «Не представляют. И к медали не представляют», – догадался Данилыч и вежливо доложил в трубку: «Сержант Швецов слушает...» «Мать твою... твою мать! Ты что это мне пленных портишь, сержант Швецов?» – не дожидаясь конца доклада, загремел на том конце провода комполка. – «Я почему должен за тебя от командира дивизии по холке получать?!». «Виноват...», – неуверенно отозвался Данилыч. «Виноват он!», – понизил градус комполка – «Конвой прислали пленных в тыл доставить – а они идти не годятся, лежат и в ладушки играют». Оказалось, немцы, чтобы освободить ноги от утрамбовавшегося каменного месива, лёжа на спине били голяшкой о голяшку, иначе сапоги было не снять.

«Короче, Швецов, доложишь ротному, что накладываю я на тебя взыскание».

«Так точно...», – буркнул в трубку Данилыч, а про себя подумал:

– Ну и ладушки! Пускай живут...

Туристские истории**Эльвира Ганеева***г. Мегион***Гималайский дневник**

– В Гималаи желающие есть? – прочитала я на местном форуме. Ну, а кто не хочет в Гималаи? Залезла в интернет, поинтересовалась – кольцо Аннапурны известный, популярный, пенсионерский трек. Посыпались вопросы – сроки, даты, бюджеты. На поверку желающих оказалось двое – я, да пода-тель вопроса Евгений.

Что-то не складывалось поначалу – то фото не того разме-ра, то билеты не того месяца, то в паспорте не мой возраст.

2.09.14. Нижневартовск.

И всё же мы в аэропорту. Зеваем. Дают задержку рейса. Си-дим, привязанные, час-два-три. Так и пролететь недолго.

2.09.14. Москва.

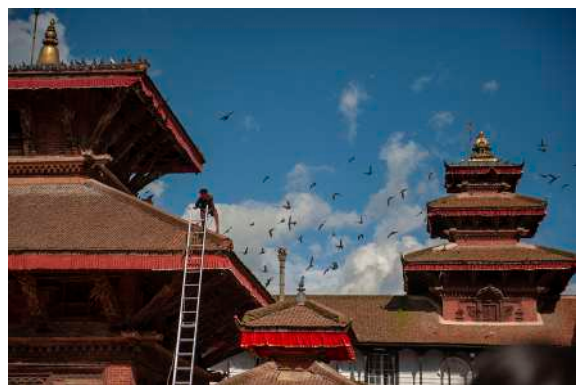
Но нет, уже в столице. Бежим, упрямые. Летим – запахи манящие, аппетитные, еда проплывает и оседает где-то не у нас. Счастливые обладатели уплетают. Остальным спать – не включено.

3.09.14. ОАЭ. Шарджа.

Ночь. Времени немерено, как и магазинов. Слоняемся. Кругом люди в платках и платьях.

Взмыли. Земля, что лоскутное одеяло. Вскоре мельчает, выгорает и теряет былую яркость. Появились горы – гранди-озные и величественные. А кругом облака, пушистые, прямо перины. Вот бы поваляться!

3.09.14. Непал. Катманду (Kathmandu) 1350 м.

Мы в Непале, самой высокогорной стране мира. Сонные и голодные ходим по экскурсиям. Посетили Храмовой центр Сваямбунатх, где находится одна из священных ступ. Подняться к ней можно бесплатно, пройдя 365 ступеней (по числу дней в году). Мы пошли по пути наименьшего сопротивления, заплатив за вход. Наряду с буддистами, индуистами, туристами, здесь много диких обезьян. Они кругом, гуляют, наблюдают – мы за ними, они за нами. Одним словом «Обезьяний храм». Так его называют местные.

Побывали в старом городе, на площади Дурбар (место дворцов), соприкоснулись с живыми памятниками истории, возводившимися на протяжении веков несколькими поколениями Непальских королей. Здесь всё ярко, шумно, нарядно и многолюдно.

Дальше увидели крупнейшую в мире Будханатх ступу, внесённую в список Всемирного наследия ЮНЕСКО и самую священную из всех буддийских святынь в Непале. Согласно легенде, в ней хранятся останки Будды.

К вечеру, уставшие, прибыли в гостиницу Manang. Уже в темноте прошли по местному рынку, чтобы прикупить недостающее снаряжение.

4.09.14. Катманду (Kathmandu) 1350 м. – Бесисахар (Besisahar) 760 м. – Худи (Khudi Bazar) 823 м.

Утром выехали на машине. Едем извилистыми дорогами вдоль реки Trishuli. Из окна живописные деревни, зелёные долины, террасы, горные реки. Через пять часов остановка – обед. Запасаемся водой, по мере восхождения цена растёт.

Вода - 25 рупий.

Дальше – автобус яркий и тесный. С нами наш гид Сантей, счастливый молодожён тридцати лет. Позади три похода. И портер Шамбу сорока шести лет. За его плечами больше десяти восхождений. Женат, двое детей. Любезные и вежливые, лёгкого веса и небольшого роста, впрочем, как и все тут. И предстоит нам вместе пройти пешком почти 220 км.

Люди усаживаются, устраиваются и всё норовят потяжелее что втащить. Салон стал обрастать мешками, баулами, баллонами, рюкзаками. И пока не набились битком, с места не сдвинулись.

В автобусе кроме нас, ещё пара туристов. Моему спутнику неуютно, эдакий Гулливер в стране лилипутов, связанный по рукам и ногам.

Трясёмся, вибрируем порой над пропастью. Бесконечные остановки и шумные выгрузки.

Часа через три привал – ухоженные газоны, чистые дорожки. У входа радушная хозяйка. Домик из подручных материалов, обшитый тканью от челночных сумок а-ля 90-е. В комнате два топчана каждый из трёх досок. Из постельных принадлежностей спальники, что с собой. Душ – две ёмкости справа и слева, внизу кран. Вода комнатной температуры. Как пользоваться этим устройством – загадка. Подсела под кран, облилась. Подход для меня новый, возможно, есть другие варианты. Рядом туалет, бумаги нет, но есть кувшин, плавающий в пластмассовой кадушке.

Ночью громкий визг на реке, словно пилой по металлу, оглушающий свист сверчков, светящиеся летающие светлячки. Прохладно. Раздобыла одеяло.

Утром просыпаюсь и отчётливо, в отголосках сна: – Я снимаю тебя с трека.

Смотрю, мой сосед уже бодр. 6.00 – завтрак.

Вода – 50 рупий.

5.09.14. День первый. Худи (Khudi Bazar) 823 м.– Чамдже (Chamje) 1430 м.

Сделали памятный снимок. Тронулись.

Умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт. Сплошное дурачье?! Отчего люди всё лезут туда, да ещё и едут за тридцать земель?

Дорога то вверх, то вниз. Прогулка всё круче и круче. За каждым спуском подъём. Ох, укатают сивку крутые горки!

Солнце палит, сердце выпрыгивает, пиявки жаждут крови. К чему эти мучения за свой счёт?!

По ходу трека одни и те же лица – группа спортивных девиц во главе с мужчиной и два парня европейца, те, что с автобуса?

А кругом вода – реки горные, водопады высокие. Всё шумит и грохочет. Так бы упал в очередную лужу и сидел.

Много бабочек – летают, порхают, некоторые размером с птицу. Расцветки невообразимые – чёрные, красные, фиолетовые, голубые. Такие только в мультиках видел.

Доползла. Лицо горит, нога болит, колени ноют. Не бойся дороги, были б здоровы ноги. Спутник тоже не в тоне – вирус ли, простуда.

Гостиница сколочена из досок, всё те же топчаны. Пошли на ужин, по телевизору братки на азиатский манер. Связи нет. Рядом водопад, что ГРЭС. Местные, похоже, не знают тишины. Расслышала пение птиц – они есть.

Сантей принёс мазь, оставленную туристами. Натёрла колено – наутро заново родилась. Волшебство, жизнь продолжается! Больше ни дня без неё.

Ах, да – вода 80 рупий.

6.09.14. День второй. – Данакью (Danaque) 2200 м.

Отдыхающим на заметку: – Если к вам идёт гора, а вы не Магомед. Бегите! Это оползень! Вышли. И вдруг преграда, лавина из камней перекрыла дорогу. Идём козьей тропой, взбираемся по камням, словно пауки – неверный ход, и ты вниз. Как в детской настольной игре. А речка там горная, быстрая. По обе стороны завала стоят машины. Люди с мешками, карабкаются кто вверх, кто вниз, перетаскивая груз. Перебрались и мы.

Виды завораживающие, скальные пейзажи меняются зелёными джунглями и водопадами. Нога даёт о себе знать. Как там у Гоголя – доедет, не доедет? Встретилась группа израильтян, все молодые, улыбчивые, доброжелательные – хэлоу, сори, ноу проблем. И почему в мире нет того согласия?!

Шикарные облака, дождь. Погода меняется, стало сыро, туманно, прохладно. Добрались до стоянки, следом Израиль подтянулся, дальше Китай. Везде слышна незнакомая речь. Спрашиваю гида про душ, тот бежит, ведёт в туалет со знакомой кадучкой. Черпает воду и показывает, как надо поливать себя сверху. Так вот оно как! Недоумеваю. Вдруг слышу родную речь и девушка, ставшая свидетелем разговора, провожает меня в душевую.

Позже познакомились. Юлия, так она представилась, живёт в Израиле, переехала маленькой из России. Закончила школу в восемнадцать лет, два года в армии (юноши три). Учила приезжих ивриту. Хочет поступить в университет и стать психологом. Обучение платное, 3000 долларов (родители копят). В Непал, говорит, может приехать всякий

желающий, в Катманду есть израильская турфирма. Выходит дёшево.

Спала плохо, гостиница переполнена. Стены будто фанерные – справа сморкаются, слева кашляют. Видно, вырос гриппа вирус. Эпидемия!

Вода – 140 рупий.

7.09.14. День третий. Данакью (Danaque) 2200 м. – Чам (Chame) 2670 м.

Круто мы попали! Не успели выйти, как дорога резко пошла вверх. Сразу так, без разогрева – по камням, корням, уступам. Кругом леса хвойные, каньоны высокие. Тропа идёт вдоль реки. Подвесные мосты над обрывами вводят в кураж.

Дошли до деревни, привал, обед. Напротив водопад – высокий, искрящийся. Мы тут одни, сняла обувь, пошла босиком – лёгкость необыкновенная. Светлый зал, столы, топчаны с подушками. Пока хозяйка готовила, залегла. А за окном солнце слепит, яблони зреют – вздремнула. Проснулась, а тут и скатерть развёрнута, почти самобранка. Пей, ешь – душа мера.

После вкусного обеда по закону Архимеда полагается... правильно, поспать. Так было в детстве – в садике, лагере. Жаль, не сейчас.

Сытое брюхо к походу глухо. Впредь воздерживаемся от обедов.

Дошли до деревни, заселились в гостиницу, так сказать (харчевни по дороге тоже сплошь рестораны). В комнате паутины, в окно ветер и дым от трубы. Меняем комнату, благо, есть варианты. Электричества нет. Холодает, завалилась спать. Ноги гудят, водопады за окном тоже.

Проснулась к ужину. Еда готовится на печи, печь растапливается дровами. Диодные лампы горят от солнечных батарей. Есть уличные лавки. Прикупила шапку с косичками, они здесь популярны. Как говорится, в какой народ придёшь, такую шапку и наденешь.

С нами китайцы на этаже, энерджайзеры – шумные, неугомонные. Девушка, завидев меня, кружит, улыбается, воркует по-англицки. Русская, говорю – не понимаю.

Темнеет быстро. Спать!

Вода бесплатно. Из ручья.

8.09.14. День четвёртый. Чам (Chame) 2670 м. – Писанг (Pisang) 3300 м.

Оле-оле-оле-оле, Россия вперёд! Евгений сайгаком впереди, я, черепахой, позади. Прямо гонка преследования – то нас обходят, то мы обгоняем. Спины... спины... только цвета меняются. Пожилые датчанки жгут, только палки сверкают. Идём узкой тропой, всё вверх и вверх. На горизонте знакомая китаянка. Пристраивается к гиду Сантею и давай – Раша крэзи, Путин крэзи. Мозги морочить – не мешки ворочать. Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что девица ненавидит русских. Дальше обгоняет меня и присоединяется к Евгению. Чувство меры переполняет. А вот и мой черёд – оборачивается и спрашивает, нравится ли мне Путин?

– Вэри-вэри лайк Путин! Обама – банана! Манки!

Девица удивляется, включает скорость – только мы её и видели.

Евгений вступился: «Как глупо так говорить».

Да, лжи не место в горах. Да и в других местах.

Позже встретила, не подходила, только издали наблюдала. Святая простота!

Может, и не надо понимать языки – ходишь себе, киваешь, улыбаешься на все их хай, экскьюзми? Эдакий дурашка – всё спокойствие.

Мы неожиданно быстро прибыли к месту стоянки, хотя гид предупреждал, что путь будет долгим и трудным. Шли по жаре, пришли – прохлада. Поселили в деревянный домик – продувает, зато есть свет.

Рядом грядки выложены бутылками из-под пива. Цветы в палисадниках. Люди кругом трудятся – строят дома из камней, укрепляют крыши, носят сено в корзинах. Всё тут просто и незатейливо. Вот женщина сидит на ступеньках и кормит грудью ребёнка.

Люди здесь добрые и открытые, устроила фотосессию на кухне гостиницы. Хозяйка готовит, дочь помогает, бабуля трапезничает – три поколения разом. Печь там, дрова трещат, посуда медная кругом. Темно только. Спрашиваю, есть ли фонарь, показываю, мол, света мало. Поняли – принесли веник. Усадила гида Сантея и портера Шамбу, говорю, мол, побеседуйте непринуждённо. Уяснили – сидят столбом и пялятся в объектив. Всучила кружки, объясняю на пальцах

– изобразили. Уж не знаю, о чём говорили, но было забавно.

Вечером набежали тучи и пошёл дождь. Холодно.

Спала плохо. Снились следы от шин и снежная дорога. Наутро увидела себя в зеркало – лучше бы прошла мимо. Вот и я туда же, ширится, растёт заболевание – глаза заплыли, нос не дышит, голова в тумане.

9.09.14. День пятый. Писанг (Pisang) 3300 м. – Мананг (Manang) 3540 м.

В 7.00. выдвигаемся по холодку. Сначала по долинам и по взгорьям. Потом подъёмы. Фотокамера становится свинцовой – расстаюсь, отдаю Сантею. Встречается на пути бык – большой, чёрный, суровый. А спина широкая, гладкая. Так и размечталась – влезть бы, да ехать. Он, видимо, не против. Потому как спустя время оглядываюсь, а он рядом – идёт за нами. Проезжает мотоциклист из местных, на закорках турист. Сидит, только видео снимает. Умеют же люди устроиваться.

В горах погода меняется быстро. Не успеешь снять куртку, как опять надо доставать. Шагаем долиной зелёною, шумят реки горные и виды вокруг панорамные на весь массив Аннапурны.

– Медленно идём, очень медленно, – замечает раздражённо мой спутник.

Что ж мы, как лоси носимся, не видя ничего кругом! К чему эти забеги?

Вот и Мананг. На входе ступы буддийские, барабаны молитвенные, флажки цветные. Как и во многих других деревнях высокогорья, дома здесь строятся с плоскими крышами, чтобы, видимо, не унесло ветрами и стоят они, тесно прижавшись, поддерживая и согревая друг друга.

Свалилась спать. Снится, как плыву на пароходе, сначала по притоку, потом по полноводной реке. Проснулась, погуляла по деревне. Жители здесь без дела не сидят – моют, трут, строят, копают. Исключительные трудоголики. Дети на улицах просят шоколад, замахиваются палками. Замёрзла – вернулась. Дышать трудно, похоже, температура. Скверно.

Пришла на ужин, столы почти все заняты. Израильтяне, скандинавы, ещё какие-то люди. Села около печки, ждала долго. Блюда здесь простые, без изысков – рис, спагетти, супы, как мне кажется, из пакетов. Есть пиво и более крепкие напитки, но наверху их, как правило, не заказывают.

Когда уходила, подскочил чернокожий. Что хотел – не поняла. Подошёл к Евгению:

– Ваша жена не знает английского?

– Не знает. Но это не моя жена.

10.09.14. День шестой. Мананг (Manang) 3540 м. – Торонг Пхеди (Torong Phedi) 4450 м.

Солнце встаёт. Мананг — последняя деревня на пути к перевалу, выше живут только работники туризма, да пастухи. Идём по деревне, люди во дворах кто со щётками в руках, кто за щекой – любят тут чистоту наводить. Встречаются женщины с большими плетёными корзинами за спиной, кто налегке, кто гружёные. Иногда за поклажей и человека не видно. На склоне горы, на террасе крестьяне, вручную собирают ячмень, как их предки. Людей, живущих здесь, природа не балует, еда выращивается в малых количествах и с огромным трудом. Из домашних животных выживают только самые стойкие.

Дорога всё вверх и вверх. Парень несёт массивные доски, наш портер прёт тяжеленные рюкзаки. В чём дух держится?!

На пути кафе над высоким обрывом. Рядом терраса и палисадник с яркими подсолнухами. Выбегает хозяйка европейской внешности – высокая, худенькая, рыжеволосая, со светлой, опалённой солнцем кожей. Как выясняется позже – француженка. На её подносе стоит стакан, в нём напиток цвета апельсина. Она что-то призывно щебечет, спрашивает откуда, понимающе кивает и приглашает к себе. Всё здесь из дерева, кругом светло, чисто и со вкусом. На столе душистые кексы и белый воздушный хлеб. Хозяйка показывает фото, на одном панорама гор, которая открывается здесь в ясную погоду, на других карточках кусты облепихи и процесс приготовления напитка из неё. На стене вырезки из журналов и газет, видимо, о её жизни и деятельности в Гималаях. С нею женщина из местных – подруга и помощница. На полках лежат бусы, браслеты, серёжки, которые они делают своими руками. Выпила сок, выбрала браслет, откланялась и отправилась дальше. Сантей заждался.

Природа меняется. Всюду икебаны – скудная растительность, низкорослые цветы разнообразных расцветок на фоне камней. Где-то перекусили, с нами немцы. Идём выше.

Всю дорогу идёт дождь, куртка где-то впереди с Шамбу. Сантей укрывает меня полиэтиленовой плёнкой.

Дошла до стоянки – упала. Отодвинула занавеску, в окне облака – летаем вместе. В голове пульсирует, в ушах шумит, от запахов мутит, горю. Похоже, горная болезнь накрыла. Задремала. Кто-то во сне приводит меня к горе, где у входа встречает монах и ведёт потаёнными лабиринтами в глубокое подземелье. Там сидят монахи и читают мантры – никто не обратил на меня внимания. Увидела только свободное место, поняла, что моё.

Пришёл Сантей и привёл меня в сознание, чем, мол, прикажете отужинать? От еды отказалась. Евгений после ужина взволнован, если так будет, завтра на спуск пойдём, никто не возьмёт на себя такой ответственности.

Ждите, когда рак на горе свистнет. С другой стороны, оптимизм хорошо, конечно. Или не очень. Ну, потом узнаем. Читала, что горная болезнь дело нешуточное и проявляется она, когда в воздухе мало кислорода. На высоте, например, 5500 м его в воздухе 30-50%. Симптомы болезни разные. Единственная панацея – срочно спускаться. Ну, а кому здесь легко, не видела таких.

Ночью ищу фонарик, чтобы найти таблетки – из глаз искры, от рук свет. Призвала всех Богов, чтобы завтра встать. Услышали! Умылась ледяной водой. Заказала яйцо и чай – яйцо не чистилось и дурно пахло. Ограничилась чаем.

11.09.14. День седьмой. Торонг Пхеди (Torong Phedi) 4450 м. – Хай Кэмп (High Camp) 4870 м.

Хай Кэмп является самым высокогорным лагерем на трекке вокруг Аннапурны. Устремляемся. Промозгло, дождь моросит. Лошадь белая грустно стоит. Вышли в беспросветный туман. Как там внутри? Идти пока можно – нет резких подъёмов. Вокруг ни души. Узкая тропинка вьётся по краю пропасти. Река внизу мелка, да круты берега. Спускаемся, проходим через мост. На площадке у дороги магазинчик, выпила чай с имбирём – ожила. Дальше начинается пятисотметровый набор высоты, тропа идёт вверх под углом градусов в 50. Четыре шага – стою, двадцать шагов – сижу. Сильный ветер, не хватает воздуха. Все движения даются невероятными усилиями, ноги едва переставляю. Меня обгоняют крепкие парни, все тяжело дышат. Плетусь, а тропе всё нет конца

и тут за поворотом, о, счастье, обозначиваются очертания маленьких домиков. Как доползла, неизвестно. Это очень круто! Самый серьёзный подъём на всём пути. И уже не до вопросов, что я тут делаю.

Дошла до столовой, съела ложку супа и полчашки чая – мутит. Наглоталась таблеток, во рту горько – вытошнило. На улице туман, дождь. Повалилась – ни жива, ни мертва. Ужин прошёл мимо. Спала, что в бреду. Когда шли, всё пыталась сказать Сантею, чтобы лошадь мне добыл до перевала. Казалось, что дальше идти запредельно и выше всех человеческих сил. Он попрыгал, поцокал, и, казалось, всё понял.

12.09.14. День восьмой. Хай Кэмп (High Camp) 4870 м. – перевал Торонг-Ла (Torong-La) 5416 м. – Муктинатх (Mukтинath) 3800 м.

Вышли в пять утра. На улице темно и сыро. Конь не ждёт, потопала с верным Сантеем. Ну что ж, попробуем свернуть горы. Кажется, что после вчерашнего подъёма, уже нет ничего непреодолимого. Идём на штурм самого большого по протяжённости перевала, около пяти часов на высоте более 5000 м. Евгений облегчает мою участь, снимает с меня мой небольшой рюкзак, отдаёт Шамбу и берёт взамен свой тяжеленный. Теперь я налегке, только палками помахиваю. Ничего не видно, шагаю след в след на автопилоте. Шум воды где-то внизу, похоже, идём над пропастью. Пусть не так круто, но дорога всё вверх и вверх. Дождь моросит, ветер, руки немеют. Время сжимается, движения замедляются. Греет мысль, что ещё немного, и я избавлюсь от этого болезненного состояния. Пошли снега, широкие поля и виды величественных гор, которые словно могучие великаны, нависают над тобой. Тишина и безмолвие, красота и магия вокруг. И я – словно снежинка в царстве гор и снегов.

И вот она, кульминация – перевал Торонг. Сколько в интернете фотографий отсюда, лиц счастливых и радостных, со всех континентов и стран на фоне таблички и ступы с цветными флажками. Добралась и я, возможно, вопреки. И это самое настоящее испытание на прочность, борьба со слабостью духа и верой в свои силы. Сейчас здесь безлюдно, нет очередей, чтобы запечатлеть свой подвиг. Стоит озябший Евгений, рядом Шамбу и кто-то из местных – нарядных и весёлых у каменного домика. Да, здесь есть Ти Хаус. Гово-

рят, чтобы открыть её дверь, хозяин каждый день выходит в три часа ночи из своего жилища на высоте 4900 м. Спустя месяц, здесь разыграется настоящая трагедия, а эта хижина спасёт людей от страшной лавины. Те, кто тут укрылся, наутро увидят жуткую картину – десятки замёрзших тел на склоне. Люди погибли от холода, паники и физического истощения. А всего от циклона, пострадает более 150 человек, из них около 30 человек на перевале Торонг-Ла.

Перемахнув через перевал, идём на снижение. Начинается долгий, изнурительный спуск за весь треккинг, до 45 градусов на 1600 м. Снега отступают. Очень хочется пить, но вода впереди. Идти, показалось, веселее. Как там у Винни, – «Да, да, да, в голове моей опилки, не беда...». Вокруг сыро, во рту сухо. Дорога всё вниз и вниз и конца ей не видно. А тут ещё ни воды, ни бутылки не оказалось.

Люди, кто собирается сюда, помните, что всё выброшенное вами, останется тут навсегда!

Через полтора часа пути открывается дивная картина – горы, которые были всё сверху, вдруг оказались под тобой. Необъяснимое чувство свободы. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела. Прямо по Островскому. И почему я не птица?!

Ниже, на плато, примерно на высоте около 5000 м., живописно расположился палаточный лагерь. У ручья люди, лошади. Туристы? А ничего похожего – совместные учения. Есть в Британии непальский полк на случай военных действий в условиях высокогорья (надеюсь, не выдала военную тайну).

Спускаемся в долину, перешли речку по подвесному мосту. Ближе к вечеру проходим буддистский монастырь и заходим в Муктинатх. Здесь находится одинаково почитаемая индуистами и буддистами святыня Храм Вишну и популярный среди паломников Храм священного огня, которые нам не суждено было посетить. Размещаемся в гостинице чистой, уютной, с претензией на цивилизацию.

Дошла, прямо гора с плеч! Можно выдохнуть. Протянуть ноги бывает в удовольствие. Выпила чай и отключилась.

Вода – 100 рупий.

Для многих туристов это конечная точка маршрута. Торонг пройден, интереса идти нет – люди уезжают на джипах, улетают самолётами. И только мы, одни из немногих, продолжаем свой путь пешком...

45-летию города Мегиона

Фото из личного архива А. Стоцкого,
Л. Кошиль и Р. Динькаева

С Юбилеем!

Весёлая и мудрая, серьёзная и лукавая, всегда безумно обаятельная и безупречная. Как на сцене, так и в повседневной жизни. Именно такой знают **Ренару Зубайдуллину** её близкие, друзья и товарищи по театру.

Её голос – нежный и сильный с самых первых шагов в профессиональном музыкальном пространстве Мегиона завоевал огромную любовь у слушателей раз и навсегда. Коллективные программы и хоровые выступления (хор – это её особая страсть), сольные концерты и спектакли, поддержка живого огня культурной жизни на самых разных площадках – всё это не просто в профессиональном активе великолепной артистки и солистки Мегионского Камерного музыкального театра. Это её суть.

Так получилось, что дни выхода этого номера «Глаголя» пришлись на юбилей Ренары Зарафшановны. «Глаголь» от всей души поздравляет замечательного человека и желает ей «Многая лета!».

Вести из Художки

«У нас впервые – такой огромный выпуск! Сорок два ученика получают документ об окончании мегионской художественной школы в 2025 году», – Леонид Никитович Степанов, директор ДХШ, говорит немного устало, но с гордостью.

За эгоды обучения было всё – и весёлые истории, и маленькие хитрости, и нападения лени, и выдержка педагогов, и творческие поездки и конкурсы самого разного уровня, и экзамены. Но самое главное все эти годы – юные художники много трудились (вольно или невольно – это дело уже десятое).

И вот – выпускные экзамены, когда знающие своих учеников практически насквозь, педагоги отключаются от привычного – это дети, и уже спрашивают, как со взрослых, знания и результат упорной работы над дипломными проектами (художественными).

Экзамены пришлось сдавать в четыре захода. А на фото – самая первая группа из выпускников. И все они сдали свой экзамен на «отлично».

Татьяна Юргенсон

Фото автора